

За
революцию
Советов

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ**

ЗА РЕСПУБЛИКУ Советов

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН МОЛДАВИИ
1918 — 1920 гг.

Редактор-составитель,
кандидат исторических наук
А. С. Есауленко

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1958

Художник
Ю. БАРОНЧУК

„История никогда не забудет величайшего героизма, который показали рабочие и крестьяне в годы интервенции и гражданской войны, отстаивая свою молодую Советскую республику“.

„50 лет КПСС“

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 1917 года российский пролетариат и беднейшее крестьянство под руководством Коммунистической партии свергли господство помещиков и капиталистов, установив власть рабочих и крестьян.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества нового коммунистического строя. Великий Октябрь принес всем народам России избавление от жестокой эксплуатации и разорения, которым подвергали их «свои» и чужие угнетатели. Пролетарская революция спасла независимость нашей Родины, открыла широкие просторы для развития науки и культуры всех национальностей, положив навсегда конец национальному и колониальному угнетению народов бывшей царской России и создала все необходимые условия для их братского сотрудничества в деле строительства нового коммунистического общества.

Великий Октябрь принес подлинное освобождение и молдавскому народу. Благодаря братской помощи великого русского народа и на молдавской земле установилась власть Советов.

Однако свергнутые господствующие классы, поддерживаемые злейшим врагом трудящихся — международным империализмом выступили против власти рабочих и крестьян, организовав военное нападение на молодую республику Советов.

Одним из первых выступлений против страны Советов была интервенция, предпринятая войсками королевской Румынии в Советскую Бессарабию.

Англо-французские империалисты, предводительствуемые американскими монополистами, еще в конце 1917 и начале 1918 года решили организовать комбинированный удар против власти Советов в Бессарабии. В их планах особую роль должны были сыграть войсковые части трансильванцев. Из числа бывших трансильванских военнопленных на деньги США, Англии и Франции под покровительством и при непосредственной помощи контрреволюционной Украинской Центральной рады в Киеве формировались и снаряжались воинские части, которые предназначались для нанесения революционным силам Бессарабии удара с тыла. Правители боярской Румынии, рассчитывая на помощь местной контрреволюции, отдали приказ командованию трансильванских частей направить из Киева в Кишинев полк. В самом Кишиневе для совместных с трансильванским полком контрреволюционных действий должны были выступить так называемые молдавские «национальные» полки. Со стороны Прута готовилось наступление румынских регулярных войск по направлению Унгены—Кишинев¹.

Силы контрреволюции рассчитывали, что этим комбинированным ударом частей трансильванцев, молдавских «национальных» полков и румынских войск им удастся подавить пролетарскую революцию в Молдавии. Но преступные планы империалистов провалились.

Благодаря энергичной деятельности большевистского фронтотдела Румчерода, трансильванский полк, прибывший 6 января 1918 года из Киева на станцию Кишинев, был быстро окружен революционными частями Кишиневского гарнизона, во главе которого стоял большевик Ф. Я. Левинзон. После короткой и решительной схватки 600 трансильванцев были разоружены и взяты в плен².

Полным провалом закончилось и наступление на Кишинев со стороны Унген отряда румынских войск в сопровождении белогвардейских банд. Они были разбиты

---

¹ Журнал «Октябрь». Кишинев, 1952, № 3, стр. 83.

² А. С. Есауленко, Революционный путь Г. И. Котовского, Госиздат Молдавии, 1956, стр. 63.

революционными солдатами, руководимыми большевиками.

После провала комбинированного удара контрреволюционных сил королевская Румыния, поддерживаемая американо-англо-французскими империалистами, начала открытую вооруженную интервенцию в Советской Бессарабии.

В этот ответственный момент борьбы против оккупантов большевистский фронтотдел Румчерода превратился в штаб организации и мобилизации всех революционных сил.

Трудящиеся Молдавии и революционные солдаты под руководством партии большевиков решительно выступили против королевских войск боярской Румынии, отстаивая каждую пядь Советской земли. Один из видных руководителей большевистского Румчерода А. Христов впоследствии писал: «...Кишинев, к которому несколько раз подступали румыны и гайдамацкие банды под командой русских генералов, отбивался от них при участии всего населения»¹.

Жесткие схватки с румынскими оккупантами происходили на севере Бессарабии, около города Бельцы, местечка Фалешты и станции Окница. Особенно жаркие бои против захватчиков разгорелись на юге Бессарабии в районе Измаила, Аккермана и Вилкова.

Революционные войска молодой, еще не окрепшей Советской Республики не могли противостоять наступлению во много раз превосходящих сил империалистов. В ночь на 14 (27) января они вынуждены были оставить Кишинев, отходя с боями к Бендерам и Тирасполю, на левый берег Днестра.

В дни тяжелых и упорных боев против румынских оккупантов, по инициативе партии большевиков, на территории Молдавии зарождаются первые части Красной Армии.

Так организовался конный отряд Котовского, затем в районе Тирасполя — Бендеры был создан Тираспольский отряд, во главе которого были большевики Рожков, Венедиктов, Левинзон.

Воины Тираспольского отряда, вдохновляемые партией большевиков, были полны решимости дать сокру-

¹ А. В. Христов, Румчерод в подготовке Октябрьской революции. «Летопись революции», 1922, № 1, стр. 171.

шительный отпор румынским оккупантам. «Победа над румынской олигархией, — читаем в одной из резолюций собрания Тираспольского отряда, — есть победа русской революции. Революция ждет от нас великих дел, подвигов и жертв. Вперед! Отступления нет!»¹

Но в силу сложившихся тяжелых условий — вторжения 300-тысячной австро-германской армии на территорию Украины и Молдавии, советские войска в трудных кровопролитных боях вынуждены были отходить, прорываясь на соединение с основными частями Красной Армии. В конце марта 1918 года Тираспольский отряд и другие советские части влились в 3-ю советскую армию и в 5-ю армию, возглавляемую К. Е. Ворошиловым.

В феврале — марте 1918 года австро-германские войска захватили Северную часть Бессарабии, все левобережье Днестра, Одессу, Херсонскую и Таврическую губернии.

Таким образом, в результате военной интервенции румынских оккупантов и немецких захватчиков в начале 1918 года молдавский народ оказался расчлененным. На правом берегу Днестра, свергнув Советскую власть, свирепствовали румынские бояре, на левом берегу, опираясь на штыки австро-германских войск, орудовала контрреволюционная Украинская Центральная рада.

Австро-германская интервенция и румынская оккупация принесли трудящимся захваченных районов неисчислимые бедствия. Всюду оккупанты восстановили власть помещиков и капиталистов. На захваченной территории был установлен жестокий колониальный режим.

Несмотря на кровавый террор румынских оккупантов и немецких захватчиков, большевики создавали коммунистические подпольные организации, развертывали в тылу врага партизанское движение, поднимая трудящихся на народную войну против врагов власти Советов.

Освободительная война партизанских отрядов против австро-германских империалистов и румынских оккупантов была борьбой за восстановление Советской власти. В авангарде этой борьбы всегда шел руководимый коммунистической партией рабочий класс, который вел за собой трудовое крестьянство.

Большое значение в деле развертывания партизан-

---

¹ ЦГАКА СССР, ф. 7191, оп. 2, д. 11, л. 58.

ского движения на Украине и в левобережной Молдавии имел II Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся с 17 по 20 марта 1918 года, в работе которого приняли участие и представители восточных районов Молдавии. Съезд, выражая волю народных масс, заявил, что трудящиеся «ни при каких условиях не признают в своей стране буржуазной власти, ни в центре, ни в отдельных местностях, и будут вести борьбу за восстановление власти Советов везде, где она уничтожена, решительно сопротивляясь империалистическим захватчикам путем организации Красной Армии, партизанской борьбы, забастовок, неуплаты налогов и всеми другими средствами, имеющимися в распоряжении рабочих и крестьян»¹.

Трудящиеся массы Украины и левобережной Молдавии в ответ на жестокие расправы австро-германских войск и карательных отрядов Центральной рады объявляли забастовки, организовывали политические демонстрации, крестьяне отказывались поставлять немцам хлеб и другие продукты, работать на помещиков.

Немецкие захватчики, убедившись в срыве хлебных поставок и в полном бессилии Центральной рады подавить революционное движение, решили в конце апреля заменить ее новым марионеточным правительством из представителей крупных помещиков и капиталистов.

28 апреля 1918 года Центральная рада была разогнана, а на второй день Скоропадский — бывший царский генерал, крупный помещик, был провозглашен «гетманом всея Украины». Так была установлена на территории Украины и левобережной Молдавии гетманская диктатура Скоропадского.

Однако трудящиеся не приостановили своей борьбы против немецких захватчиков и внутренней контрреволюции. Особенно она усилилась и приняла широкий размах со второй половины 1918 года. Этому содействовало организационное оформление Коммунистической партии (большевиков) Украины на I съезде большевистских организаций, состоявшемся в Москве 5—12 июля 1918 года.

I съезд КП(б) Украины подвел итоги работы, проведенной партийными организациями в суровых условиях подполья, и дал директиву всем подпольным пар-

---

¹ «Резолюції Всеукраїнських з'їздів рад», «Пролетар», 1932, стор. 23.

тийным организациям усилить руководство партизанской борьбой, объединить все народные силы, создать повсюду военно-революционные комитеты, которые непосредственно направляли бы борьбу партизанских отрядов и готовили на местах вооруженные восстания.

Решением I съезда КП(б) Украины для руководства всей подпольной работой на Украине и в левобережной Молдавии (а также и в Бессарабии) были созданы три временных областных бюро: Донецкое, Киевское и Одесское, которые должны были наладить связь с партийными организациями этих областей и осуществлять руководство их деятельностью. В целях организации руководства технической подготовки восстания против немецких оккупантов по постановлению съезда был создан Украинский Центральный Военно-революционный комитет¹.

Для непосредственного руководства борьбой трудящихся против интервентов и буржуазно-националистической контрреволюции, в целях оказания братской помощи трудящимся Украины и Молдавии ЦК РКП(б) в помощь местным большевистским организациям посылает опытных партийных работников. Так, летом 1918 года сюда был направлен старый рабочий-металлист, коммунист Т. М. Гуляницкий, осенью были командированы в Одесское подполье известные профессиональные революционеры И. Смирнов (Н. Ласточкин), Жак Елин и Жанна Лябурб.

Руководствуясь указаниями ЦК РКП(б) и решениями I съезда КП(б) Украины, подпольный Одесский областной комитет партии и ревком, руководившие партизанским и революционным движением на юге Украины и в Молдавии, развернули энергичную работу.

6 октября 1918 года состоялось пленарное заседание Одесского обкома партии. В циркулярном письме партийным организациям и всем местным ревкомам Пленум предлагал: «1) Немедленно привести в боевую готовность все партийные ячейки и военные повстанческие организации. 2) Расширить существующую сеть военно-революционных комитетов, усиливать работу уже существующих, пополняя их личный состав сознательными, активными партийными товарищами, немедленно наладить связь между ними, создавая волостные и уездные объе-

¹ «КП(б)У в резолюциях», стр. 22—24.

динения путем созыва волостных и уездных конференций. 3) Партийные комитеты обязаны строго следить за деятельностью военно-революционных комитетов, которая должна быть направлена к выполнению общеобязательных партийных постановлений. 4) Организация широких кадров рабочих и крестьян в отряды пролетарско-крестьянской Красной гвардии, учет всего имеющегося оружия, выделение ударных боевых групп и выработка чисто военного плана восстания на местах, при непрекращающемся терроре и беспощадной войне — вот главная задача окружных и местных военно-революционных комитетов»¹.

В это же время решением Одесского обкома для борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции при Ревкоме была создана боевая дружина. Во главе ее был поставлен Г. И. Котовский. Она освобождала арестованных коммунистов, парализовывала, где возможно, действия иностранной и денкинской контрразведок, казнила провокаторов и шпионов, по распоряжению Одесского ревкома экспроприировала у капиталистов средства, которые шли на революционную работу. Впоследствии, в феврале—марте 1919 года по указанию Одесского ревкома Г. И. Котовский организовал кавалерийский партизанский отряд, который оперировал в районе Тираспольского уезда. Этот отряд представлял из себя сильную боевую единицу в составе революционных сил, действующих на юге.

В результате действенных мер, принятых Одесским обкомом и ревкомом, трудящиеся Украины и Молдавии усилили борьбу против захватчиков, создавая новые крупные партизанские отряды. Осенью 1918 года партизанским движением были охвачены почти все районы левобережной Молдавии, Приднестровья и Одесской области, начиная с Тираспольского уезда и распространяясь в Балту, Ананьев, Рыбницу, Дубоссары, Яски и Маяки².

Одесский областной комитет Коммунистической партии руководил также и борьбой трудящихся Бессарабии против румынских оккупантов. В Бессарабию для орга-

---

¹ Одесский областной исторический архив, отдел научно-справочной литературы, лл. 165—167.

² Институт истории партии при ЦК КПМ, ф. 49, оп. 20, св. 15, л. 368, л. 8;

низации революционного движения был направлен видный подпольщик-большевик Г. И. Борисов (Старый), возглавивший работу группы коммунистов в Бендерах. Здесь же работал Павел Ткаченко, который организовал коммунистические молодежные организации в железнодорожном депо и в типографии.

В результате активной деятельности посланцев партии и местных коммунистов к лету 1918 года подпольные партийные ячейки были созданы в Кишиневе, Бельцах, Хотине, Аккермане, Леово, в других городах и некоторых селах¹.

Летом и осенью 1918 года многие города и села были охвачены революционной борьбой трудящихся против оккупантов. Информационный отдел Народного Комиссариата по делам национальностей сообщал, что волна забастовок, начатых под руководством большевиков в Одессе, перекинулась в Галицию, Бессарабию и в Румынию и что в Бессарабии в связи с забастовкой началось крестьянское движение².

Успехи Красной Армии, все усиливающаяся народная партизанская война, революционизирование оккупационных войск заставили австро-германское командование спешно начать отвод своих войск с захваченных земель.

Но уже было поздно. Немецкий народ, страдавший продолжительной тяжелой войной, также поднялся против своих угнетателей и 9 ноября 1918 года в Германии свершилась революция, немецкий кайзер был свергнут.

К концу 1918 года трудящиеся Украины и левобережной Молдавии начали быстро очищать свои земли от оккупантов, развернув борьбу за восстановление Советской власти и ликвидацию так называемого правительства гетмана Скоропадского.

Великий русский народ, руководимый славной Коммунистической партией, оказал братскую помощь трудящимся Украины и Молдавии в быстрейшем изгнании захватчиков и в восстановлении власти Советов. По указанию ЦК РКП(б) был организован Украинский фронт.

---

¹ *Ив. Довгополь*, Павел Ткаченко, Кишинев, 1951, молдавский текст, стр. 9; «Коммунист Молдавии», 1957, № 1, стр. 33.

² *Н. В. Березняков*, Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг., Кишинев, 1957, стр. 177.

На помощь трудящимся Украины и Молдавии двинулись части молодой Красной Армии.

20 ноября 1918 года было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 29 ноября Украинское Советское правительство провозгласило свержение диктатуры гетмана Скоропадского и установление Советской власти.

Но империалисты Антанты, охваченные страхом перед победой Советской власти, пример которой воодушевлял трудящихся капиталистических стран и колоний, направили все усилия на уничтожение молодой республики Советов. В. И. Ленин, выступая в ноябре 1918 года на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов, отмечал, «что международный империализм своей главной задачей ставит свержение большевизма»¹.

23 ноября 1918 года англо-французская эскадра с десантом интервенционистских войск вторглась в Новороссийский порт, через два дня интервенты высадились в Севастополе, 27 ноября — в Одессе. В составе войск интервентов были французские, английские, греческие и другие части.

Из Одессы десантные войска интервентов, встречая упорное сопротивление местных партизанских отрядов, двинулись по линии железной дороги в направлении города Тирасполя. К концу января 1919 года интервентам удалось захватить южную часть левобережной Молдавии с городом Тирасполем. Северную часть левобережья Днестра заняла петлюровская Директория, которая еще в ноябре 1918 года, воспользовавшись военной поддержкой Антанты, установила власть помещиков и буржуазии на значительной части территории Украины и в левобережных районах Молдавии.

К концу февраля 1919 года англо-французские интервенты продвинулись на юго-западном направлении до станции Бирзула, на севере — до Вознесенска, в районе Николаева заняли станцию Варваровку (на правом берегу реки Буг), в Херсонском направлении — города Алешки и Бериславль.

На оккупированной территории войска интервентов, действуя с петлюровцами и деникинцами, установили жестокий террор, расстреливали коммунистов, револю-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 130.

ционно настроенных рабочих и крестьян, грабили и убивали трудовое население.

Кровавый террор охватил также и Бессарабию. После краха австро-германской оккупации к концу 1918 года румынские захватчики при непосредственной помощи нахлынувших сюда французских войск, оккупировали и северную Бессарабию.

Трудящиеся Бессарабии, руководимые коммунистической партией, усилили борьбу против поработителей. 23 января 1919 года вспыхнуло известное в истории Хотинское восстание.

Братскую помощь трудящимся Бессарабии в их борьбе против оккупантов оказали трудящиеся левобережья Днестра. Многие крестьяне Подолии прямо по льду Днестра переходили на территорию Хотинского и Сорокского уездов и плечом к плечу с бессарабцами сражались против захватчиков. В неравной борьбе с превосходящими силами румынских и французских войск они героически боролись, отстаивая каждый населенный пункт. 7 дней продолжалась упорная борьба, но под напором превосходящих сил врага, в ночь на 1 февраля 1919 года повстанцы оставили город Хотин и отступили на левый берег Днестра.

На левом берегу Днестра хотинские повстанцы создают отряды бессарабских партизан и вместе с трудящимися Украины ведут борьбу против англо-французских интервентов и петлюровской контрреволюции.

Борьба партизанских отрядов против интервентов Антанты в Одесской области и Молдавии принимает особенно широкий размах после II областной партийной конференции, происходившей в Одессе с 3 по 5 февраля 1919 года. В работе конференции приняли активное участие и представители партийных организаций Кишинева, Бендер и Тирасполя. Партийная конференция приняла решение об усилении партизанской борьбы против интервентов, дезорганизации тыла, расширении агитации среди империалистических войск и предложила немедленно открыть военные действия, направленные к захвату власти на местах¹.

Вскоре после II областной партийной конференции в

---

¹ Газета «Коммунист» № 20 от 15 марта 1919 г.

феврале 1919 года в Кишиневе состоялась I Бессарабская партийная конференция. В своих решениях конференция нацелила коммунистические организации Бессарабии на активизацию борьбы трудящихся против оккупантов¹.

Одесский обком и Бессарабский партком развернули также большую работу среди войск интервентов. Созданная при Одесском обкоме «Иностранная коллегия», в работе которой деятельное участие приняли Жак Елин и Жанна Лябурб, организовала печатание в подпольной типографии газеты «Коммунист» и «Последняя борьба», выпустила большое количество листовок и воззваний на французском, английском, греческом и румынском языках. В агитационной работе и распространении революционной литературы среди французских солдат активное участие приняла и Бендерская партийная организация. Ею была установлена связь с группами французских солдат².

Одесский ревком, руководивший партизанским движением в Одесской области и на территории левобережной Молдавии, приказал командованию одного из крупных партизанских отрядов Приднестровья усилить борьбу против интервентов в районе Тираспольского уезда, мешая им тем самым подбрасывать по железной дороге войска на фронт. С этой целью Приднестровские партизанские отряды 30 января 1919 года заняли Тирасполь. 4 февраля в городе состоялась демонстрация по случаю изгнания интервентов и установления власти Советов.

Освобождение Тирасполя партизанами имело важное значение для ослабления и дезорганизации тыла интервентов. Однако 9 февраля под давлением превосходящих сил французских войск и польских батальонов партизаны с боями отступили из Тирасполя.

В конце января 1919 года Балтский и Тридубский партизанские отряды, объединившись, повели наступление на город Балту. В первых числах февраля, после упорного боя, они заняли Балту. Петлюровский комендант и другие чиновники Директории были расстреляны. В городе

---

¹ Журнал «Коммунист», 1957, № 1, стр. 32.

² Журнал «Коммунист Молдавии», 1958, № 2, стр. 57.

была восстановлена Советская власть. В конце февраля, начале марта, когда советские войска развернули мощное наступление на запад от Киева, балтские партизаны, сконцентрировав свои силы, нанесли удар по петлюровским частям, действовавшим в этом районе. Остатки петлюровских войск бежали через мост у станции Рыбница в Бессарабию, оккупированную королевской Румынией.

Крупное выступление против интервентов в конце февраля 1919 года произошло также в районе сел Беляевка, Маяки и Яски (вблизи Одессы). Партизаны села Беляевка изгнали французский гарнизон и создали военно-революционный комитет. Против беляевских партизан были двинуты значительные силы войск интервентов. Вынужденные оставить Беляевку, Маяки и Яски, партизаны продолжали борьбу в районе Приднестровья.

Активно боролись с интервентами и петлюровцами григориопольские, дубоссарские, рыбницкие партизаны. В конце марта 1919 года партизаны разрушили железнодорожный путь в тылу петлюровцев, в районе станции Слободка. Высланный петлюровский вспомогательный бронепоезд подвергся нападению партизан.

Боевые действия партизанских отрядов левобережной Молдавии, Одесщины и Херсонщины ослабляли силы интервентов и петлюровцев, способствовали быстрейшему продвижению советских войск.

6 апреля 1919 года Красная Армия при помощи активных действий партизанских отрядов очистила от интервентов Одессу, а 17 апреля освободила Тирасполь.

Партизанские отряды, оперировавшие в районе Одесщины, левобережной Молдавии и Херсонщины, влились в части Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Приднестровские отряды в основном вошли в состав 45-й советской стрелковой дивизии.

Весной 1919 года в связи с победоносным движением Красной Армии к Днестру и освобождением земель левобережья Днестра быстро нарастает революционная борьба и среди трудящихся Бессарабии.

Трудящиеся Бессарабии, руководимые подпольными коммунистическими организациями, начинают открыто и решительно выступать против оккупантов, готовясь к всеобщему вооруженному восстанию.

Одним из крупнейших вооруженных выступлений этого периода на территории Бессарабии было Бендерское

восстание, которое началось 27 мая 1919 года. Толчком к началу восстания послужила переправа на правый берег Днестра небольшой группы партизан, которые внезапно атаковали находившиеся в Бендерах части французских и румынских войск. Партизаны и местные рабочие быстро овладели городом. Но силы восставших были малочисленны. Оккупанты в крови подавили это героическое выступление трудящихся¹.

В результате героических усилий воинов молодой Красной Армии, красных партизан и всего советского народа к весне 1919 года англо-французские интервенты были изгнаны из Украины и левобережной Молдавии. Остались считанные дни господства и румынских бояр на территории Бессарабии.

Однако американо-английские и французские империалисты, провалившись с планом уничтожения власти Советов своими войсками, делали, как указывал В. И. Ленин «отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина, которому они как некогда и Колчаку, оказали помощь офицерами, снабжением, снарядами, танками и т. д. и т. п.»².

Над республикой Советов снова нависли черные тучи контрреволюции. Коммунистическая партия, Советское правительство, мобилизуя все силы и средства для борьбы с врагом, призвали весь народ встать на защиту Отечества Советов. 9 июля 1919 года В. И. Ленин от имени ЦК РКП(б), обратился ко всем партийным организациям и трудящимся Советской республики с письмом: «Все на борьбу с Деникиным!» В нем говорилось: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции.

...Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь»³.

Трудящиеся Молдавии, как и всей страны, в ответ на призыв вождя, мобилизовали все свои силы на борьбу против врага. Они вступали в ряды Красной Армии, ока-

¹ «История Молдавской ССР», т. 2, Кишинев, 1955, стр. 80.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 402.

³ Там же.

зывали ей всяческую помощь в борьбе против деникинских полчищ.

Так, рабочие Тирасполя приняли следующую резолюцию: «Мы, мобилизованные рабочие города Тирасполя, выслушав доклад товарищей по текущему вопросу, в связи с положением донецкого бассейна, требуем немедленной отправки на фронт»¹.

Крестьяне села Слободзея Тираспольского уезда на общем собрании постановили: «Приветствовать и поддерживать всеми силами нашу центральную Рабоче-Крестьянскую власть, снабжать Рабоче-Крестьянскую Красную Армию всем необходимым, отдавая добровольно по твердой цене все излишки хлеба, жира, фуража и одежды, потому что если не будет армии, то не будет и Советов...»².

Летом 1919 года на территории левобережной Молдавии контрреволюция, подбодренная наступлением деникинских полчищ, подняла голову. В различных селах и районах Одесщины и Молдавии вспыхивают кулацкие мятежи. К тому же в августе 1919 года на южном фронте сложилась тяжелая обстановка для советских войск, находившихся в этих районах. Наступавшие с юга деникинцы 23 августа заняли Одессу. Двигавшиеся с севера петлюровцы 30 августа заняли Киев.

В связи с падением Одессы и захватом галицийскими частями Христиновки и Умани три советские дивизии — 45-я, 47-я и 58-я попали в окружение.

Одесса, Вознесенск, Помощная, Черкассы, Переяслав, — отвечал Г. И. Котовский, — были заняты деникинцами. Между Каневым и Белой Церковью и к югу от этой линии до железной дороги — Голта оперировали различные банды, координировавшие свои действия с Петлюрой. На линии Жабокрич — Крыжополь — Вольфантовка стояли регулярные петлюровские части, к югу по Днестру находились румынские оккупанты³.

Советским войскам к концу августа 1919 года пришлось временно оставить левобережные районы Молдавии и Украину и с боями пробиваться на соединение с основными частями Красной Армии.

¹ «Известия» Одесского Совета от 2 июля 1919 г.

² Там же, от 6 июля 1919 г.

³ ЦГАКА СССР, ф. 335, оп. 1, д. 2, л. 3.

После отхода войск Красной Армии северная часть левобережья Днестра была захвачена петлюровцами, а южная часть — деникинцами. В октябре 1919 года деникинцы заняли все районы левобережной Молдавии. Власть Советов повсюду была свергнута, в Молдавии установилась диктатура виселиц и деникинских полевых судов.

Осенью 1919 года положение молодой Советской республики стало очень напряженным. Полчища Деникина овладели почти всей Украиной, заняли Орел, Курск, подходили к Туле и угрожали Москве—столице страны Советов. «Никогда еще не был враг так близко от Москвы»¹, — отмечал В. И. Ленин.

Партия призвала весь народ встать на защиту Республики Советов. На фронт были мобилизованы передовые люди рабочего класса и крестьян. За короткий срок ЦК РКП(б) направил на Южный фронт 25000 коммунистов, 35000 рабочих — членов профсоюзов, 10000 комсомольцев. Только в течение сентября—ноября 1919 года для укрепления Южного фронта ЦК РКП(б) командировал 8182 ответственных партийных работника, среди которых были и видные руководители партии.

В тылу врага под руководством коммунистов подполья разгорелась партизанская война.

Еще в июле 1919 года с целью улучшения руководства подпольной партийной и повстанческой работой на занятой деникинцами территории ЦК КП(б) Украины создал Зафронтовое бюро, которому подчинялись подпольные и повстанческие организации Украины и Молдавии. В села было послано много агитаторов, главным образом рабочих-большевиков.

Большую помощь в деле развертывания партизанского движения в тылу врага оказал великий русский народ, направив в партийные и повстанческие организации свыше 800 человек способных политических работников.

Братская помощь великого русского народа, улучшение работы подпольных партийных организаций способствовали активизации партизанского движения и на территории левобережных районов Молдавии.

Уже 15 сентября 1919 года по инициативе подпольной партийной группы, возглавляемой коммунистами

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 30.

тт. Самборским и Алешиним, состоялось первое заседание, на котором было решено для организации и развертывания партизанского движения против деникинцев создать ревком из 6 человек с местом нахождения в м. Окна.

«Тов. Самборскому, — читаем в протоколе первого заседания инициативной подпольной партийной группы, — как испытанному революционеру поручить руководство, т. Алешину — мобилизовать отряды и установить связь с отдельными отрядами, т. Варбанцу и т. Назарову — сбор оружия, т. Ковалю и т. Попадюку связаться с белой стражей.

Наступление повести из м. Окны»¹.

20 сентября 1919 года ревком, образованный, в районе Приднестровья обратился с воззванием «Ко всему населению Приднестровья». Военно-революционный комитет призывал все население, рабочих и крестьян теснее сплотить свои силы вокруг партии для решительной борьбы с врагом трудового народа².

К 1 октября 1919 года, как явствует из приказа Военно-революционного комитета, уже был сформирован 1-й Приднестровский партизанский отряд. В этом же приказе предписывалось всем подпольным организациям подготовить людей для восстания в Тымкове, Слободке, Окнах, Флере, Черне, Топалы, Мокра, Воронково, Рыбнице, Каменке, Рашково, Дубоссарах, Григориополе, Цыбулевке, Ставрово и Коссы³.

1-й Приднестровский партизанский отряд наносил чувствительные удары по тылам полчищ Деникина. Он вел бои даже с крупными деникинскими соединениями (с частями деникинских генералов Бредова и Стойкина). разрушал железнодорожные пути⁴.

Активные выступления партизан Приднестровского отряда, как сообщают нам документы, находили широкую поддержку со стороны трудящегося населения. «Все крестьянство, — читаем в одном из документов, — встало против белых, поддерживая этот отряд»⁵.

Боевые действия партизанских отрядов Приднестровья

---

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Молдавии, ф. 49, оп. 20, л. 162, л. 3.

² Там же.

³ Там же, л. 168, л. 1.

⁴ Там же, л. 6.

⁵ Там же, л. 7.

и Одесщины способствовали быстрейшему освобождению доблестными советскими войсками занятой белогвардейцами и интервентами территории.

В результате героических подвигов воинов Красной Армии и красных партизан 7 февраля 1920 года была освобождена Одесса, а 12 февраля над городом Тирасполем взвилось Красное Знамя республики Советов.

* * *

В сборнике «За республику Советов» собраны воспоминания участников революционного движения и красных партизан Молдавии, героически сражавшихся в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны против врагов страны Советов. Почти все эти воспоминания в свое время уже публиковались. Материалы сборника были сверены с подлинниками, хранящимися в различных архивах Молдавии, Украины и Москвы. В процессе подготовки к изданию была проведена некоторая литературная обработка воспоминаний, часть из них была сокращена. В конце сборника помещен именной указатель.

Настоящий сборник является первой попыткой систематизированной публикации воспоминаний участников героической борьбы трудящихся Молдавии за Советскую власть.

Редактор-составитель обращается к читателям-участникам гражданской войны с просьбой поделиться своими впечатлениями и замечаниями о сборнике, а также присылать личные воспоминания для их публикации.

Замечания и пожелания просим направлять по адресу: Кишинев, Могилевския 35, Госиздат Молдавии.

РУБАН (БАНТКЕ) С. С.

Родился в 1896 г. в Кишиневе. Член КПСС с 1917 г. Был одним из активных участников борьбы за победу Великого Октября в Молдавии. Энергично боролся против эсеро-меньшевистских соглашателей и различных мелкобуржуазных течений в Бессарабии. 28—30 ноября 1917 г. принимал участие в работе большевистской конференции Румынского фронта, состоявшейся в Кишиневе. В тяжелые дни борьбы против вторжения румынских королевских войск в Бессарабию являлся одним из участников обороны города Кишинева. Был военполиткомом 1-й особой Бессарабской бригады, составленной из Хотинских партизан. В 1918 — 1920 гг. принимал активное участие в подпольном коммунистическом движении в Бессарабии. Рубан — один из организаторов комсомола Бессарабии. За участие в революционной борьбе неоднократно подвергался арестам румынской сигуранцей и привлекался к суду властями боярской Румынии. С 1933 по 1935 гг., после возвращения в СССР, работал ответственным редактором журнала «Красная Бессарабия», издававшегося в Москве. В 1935 году был назначен директором Института истории Ленинградского отделения Комкадемии.

I

Бессарабия в 1917 году в политическом отношении была отсталым краем. Отсутствие рабочих масс, революционных организаций и традиций, близость Румынского фронта, — все это накладывало свой отпечаток на политическую жизнь Бессарабии.

Вместе с тем десятки сынов Бессарабии томились на царской каторге, в Бессарабии предпринимался целый ряд попыток создания политических организаций и подпольной техники. Например, известна попытка организовать по заданию ЦК большевиков специальную типографию для перепечатывания газеты «Искра»¹. В Бессарабии отбывали ссылку такие марксисты, как товарищи Рязанов, Павлович (Вельтман), Верхотурский и другие. Они имели свой кружок, кое-какие связи с рабочей массой, но в 1917 году почти все они покинули Кишинев.

Влияние численно возросшей и организационно окрепшей большевистской партии отхватывало все большие массы рабочих в России, завоевывало все новые территории. Волна большевистского влияния неизбежно должна была докатиться и до нас.

Июньское восстание очень многим открыло глаза, многие поняли, что есть партия, которая борется против Временного правительства и бабушки Брешко-Брешковской, посетившей наш Кишинев.

Прибытие ряда большевистски настроенных частей, в особенности 5-го и 6-го конных Заамурских полков, ускорило вопрос о создании самостоятельной организации. Среди солдат была группа во главе с товарищем Милешиным, которую все считали большевистской. Первое время эта группа входила в состав объединенной РСДРП и Бунда, где она составляла левое крыло. Предлагаемые ею резолюции всегда были в большевистском духе.

---

¹ Типография была создана и действовала в Кишиневе в течение 11 месяцев. (Апрель 1901 г. — март 1902 г.).

«К моменту выборов в «учредилку», — пишет Б-ов в своей брошюре «Под пятой румынских оккупантов»¹, — объединенная РСДРП и Бунд, впитавшая в себя к тому времени довольно солидную группу солдат, уже назрела для раскола. Поводом к расколу послужили *недоразумения* (подчеркнуто мною — С. Р.), возникшие на почве выставленного списка в «учредилку», между комитетом и солдатом Милешиным».

Вопрос о списке вырос в принципиальный спор о роли и задачах Учредительного собрания. Группа Милешина понимала его в большевистском духе, а «объединенцы» подходили к нему по-своему — с мелкобуржуазных позиций. Из этого спора и из ряда других вопросов, связанных с политикой «объединенной» в Совете рабочих и солдатских депутатов, было ясно, что обеим группам не по пути.

Тов. Б-ов, недостаточно продумав, наивно объясняет уход группы Милешина из «объединенной» и образование отдельной большевистской организации тем, что солдат Милешин был оскорблен одним из членов комитета. Таким образом, дело сводится к личным мотивам. Вот что он пишет: «Раскол произошел демонстративно, во время общего собрания, долженствовавшего утвердить список кандидатов от «объединенной». Тов. Милешин, *будучи оскорблен* (подчеркнуто мною—С. Р.) одним членом комитета, во время принципиального спора призвал всех единомыслящих покинуть зал заседания. Ушли почти все солдаты, несколько членов РСДРП и Бунда. Таким образом, было заложено начало организации РСДРП большевиков».

Начало-то было заложено, но не потому, что был оскорблен Милешин, а потому, что весь ход революции и самый главный вопрос ее — вопрос о власти, он понимал не так, как понимали господа из «объединенцев».

Я помню сам это собрание, на котором ставился вопрос о том, является ли Учредительное собрание хозяином всей страны или только ее слугой, должен ли народ подчиняться его решениям, или, если решения эти будут идти вразрез с чаяниями рабочих и крестьян, не подчиниться им, а *углублять* революцию.

¹ Брошюра Б-ова «Под пятой румынских оккупантов» издана компартией Бессарабии подпольно, небольшим тиражом (примечание автора).

Члены комитета кричали т. Милешину с мест и в своих выступлениях говорили о том, что мы получили все, у нас есть все права, а вот вы хотите гражданской войны, вы хотите поражения революционной армии России.

В своей речи т. Милешин им ответил, что мы ничего не добились, мы ничего не получили. Земля в руках у помещика, фабрики — у капиталиста, а мира на фронте не видать. Они говорили на разных языках: «мы» у социалистов-революционеров и социал-демократов означало буржуазию, а «мы» у Милешина означало рабочих, крестьян и трудящихся вообще. И Милешин говорил, что нам нужно углублять революцию.

Это слово «углублять» революцию, я помню, очень часто повторялось с шипением и злобой членами из «объединенной». Ибо «углублять» означало — это Милешин совершенно ясно и открыто разъяснял — вести борьбу против Временного правительства под лозунгом «вся власть Советам».

Вот в чем состояла суть противоречий! Тов. Милешин и его группа были за власть Советов, а господа, его оскорблявшие, считали, что революция уже завершена, «учредилка» станет хозяином земли русской и на этом все кончится.

Отсюда необходимость самостоятельной организации большевиков в Бессарабии, отсюда и коренная задача, ставшая перед организацией — задача завоевания власти. Правда, в первое время было еще кое-что от прошлого, от «объединенной». Об этом можно судить по тому списку, который был выставлен организацией большевиков в Учредительное собрание. Он почти сплошь состоял из левых интернационалистов, которые примкнули к большевикам после переворота в октябре 1917 года.

Но этот первый неверный шаг был немедленно исправлен ЦК большевиков. После того, как список был получен в ЦК, тогдашний секретарь его т. Свердлов доложил этот вопрос политбюро. Было принято решение о том, чтобы список аннулировать и поставить на вид бессарабской организации за совместные выступления с интернационалистами. Это был как будто единственный случай в 1917 году, когда о бессарабской организации большевиков стоял вопрос в ЦК нашей партии.

Из кого же состояла большевистская организация в Кишиневе? В ее составе можно наметить три группы: солдат, рабочих и интеллигентов. Мы, конечно, прекрасно сознаем всю недостаточность такого деления, но к нему приходится прибегнуть.

В большинстве солдаты были не местные, не молдаване, а временно стоявшие в Кишиневе, главным образом из 5-го и 6-го конных Заамурских полков, из команды самокатчиков и других частей. Эта группа была наиболее многочисленной, в ее составе были старые политические работники, каким, например, являлся т. Милешин.

Организованных членов партии, имевших на руках членские карточки и плативших взносы, было примерно 160 человек, к первой солдатской группе относилось до 100 человек. Из них-то фактически и выделялось руководящее ядро, ведшее всю практическую работу, дававшее политические лозунги, писавшее воззвания, выступавшее на митингах и т. д. В группе солдат была незначительная прослойка рабочих, а остальные были крестьяне.

Во вторую группу — рабочие — входили почти все местные. Здесь нужно назвать т. Ляйфера (сапожник), т. Райтмана (слесарь), Берту Аснес и ее сестру — Любу (из союза Иглы), младшего Волкова (плотник), разошедшегося во взглядах со своим дядюшкой, известным социалистом-революционером Александровым, и ряд других товарищей, фамилии которых мне пока восстановить в памяти не удалось.

Третья группа — интеллигенты — почти сплошь состояла из учащейся молодежи. Наиболее активными были товарищи Меерсон¹, Френкель И., Танеев С²., Зильберман Клара³, заведывавшая библиотекой, и некоторые другие.

Во второй группе было примерно человек 30, и в третьей 20. Местные рабочие и интеллигенты, входившие в эти группы, хотя в большинстве и были молоды — не только политически, но и по своему возрасту, — имели

¹ Убит в боях против белых (примечание автора).

² Умер от туберкулеза в санатории «Лясницкого», под Веной, осенью 1922 г. (примечание автора).

³ Будучи на подпольной работе, была арестована. Несмотря на беременность, подвергалась издевательствам и избиениям, умерла в военной тюрьме в 1920 г. (примечание автора).

довольно сильное влияние среди местной рабочей и учащейся молодежи.

Нужно отметить еще особую группу, которую я назвал бы группой «активных зрителей». Они приходили в наш клуб почитать газетку, послушать, о чем говорят, выкрикнуть иногда свое словечко: «безусловно верно», «так оно и есть», «бить их нужно, сволочей-предателей» и другие более крепкие, бывшие тогда в ходу выражения.

Эти «активные зрители» охотно заполняли первые ряды наших открытых собраний и всегда бурно выражали свой восторг. Иногда к завсегдатаям мы обращались с поручением разбрасывать прокламации, помогать писать лозунги и плакаты, носить дрова для клуба или втащить тук литературы (последнее бывало не особенно часто). В общем, был особый околопартийный слой, окружавший нашу организацию плотным кольцом.

Наша организация помещалась по Пушкинской улице угол Александровской, в самом центре города и в наиболее оживленной его части. Мы занимали один из бывших магазинов, имевший площадь примерно 15—16 квадратных саженей. Здесь были комитет, библиотека, читальня, зал для общих собраний, словом — все в одной комнате.

Мне как сейчас помнится один из декабрьских дней. Начинались морозы. Окна чуточку запушены снегом. В углу комнаты горка дров, рядом с ней шкаф с книгами, посредине докрасна накалившая железная печь. В воздухе угарно и сыро. Деревянные большие столы и длинные скамьи с обеих сторон. На столах петроградские газеты: «Окопная Правда», «Известия» и ряд брошюр. Сидят десятка два человек, читают, о чем-то говорят. Почти у входа, справа, сидит т. Френкель И., исполнявший обязанности технического секретаря, управделами, кассира, и что-то углубленно записывает в большую бухгалтерскую книгу. Клара Зильберман в углу, у шкафа, с кем-то спорит из-за книги, из которой вырван портрет одного из вождей.

Это будничный рабочий день. Милешин, Меерсон, Рожков и другие заседают в Совете, выступают в воинских частях, пишут и на ходу исправляют статьи в газету «Кишиневские Известия»¹.

---

¹ «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Вечером политический клуб большевиков набивается до отказа. Читаются последние телеграммы с Румфронта, из Петрограда, рассказывается о различных событиях, о делах Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, «Сфатул Цэрий»... Иногда даются тут же указания на завтра, распределяются роли, выступления, намечается, кому и о чем писать.

Нередко тут же, под обстрелом сотни глаз, заседал временный губернский комитет под неизменным председательством т. Милешина.

Все же нашу организацию нельзя было назвать губернской, так как она не имела своих комитетов в уездах, не было систематической связи с центром. Почти никаких директив из ЦК мы не получали и никаких указаний на периферию почти не давалось.

Даже в самом городе, который очень разбросан и насчитывал около 150 тысяч жителей, у нас не было опорных пунктов. Нужно отметить только читальню на Бендерской улице, против казарм 2-го и 3-го батальонов бывшего Минского полка. Сюда присылались из «центрального» клуба на Пушкинской газеты, здесь молодежь устраивала громкие читки газет и брошюр перед солдатской массой.

Иногда такой большевистский «чтец» не знал, как объяснить тот или иной вопрос, но в массе солдат всегда находился толкователь, который давал объяснения, близкие солдатскому сердцу. Ребята соглашались, и чтец, не смущаясь своим политическим незнанием, продолжал делать свою кропотливую, незаметную работу.

Эта читальня содержалась за счет революционного союза учащейся молодежи, но руководители читальни, а главное, чтецы и литература, поставлялись всегда, как выражались, «с Пушкинской», то есть от большевиков.

Помню мы несколько раз получали литературу от большевиков из Петрограда. Аснес Берта, имевшая связь с бывшими ссыльными большевиками, послала им письмо, и они прислали пару тюков. Кроме того, она написала своей двоюродной сестре, большевичке Лие Зильбель, работавшей в партийном издательстве, и та тоже кое-что выслала.

Получение литературы являлось для нас сплошным праздником. Но эти посылки не посили, как и все у нас

в Бессарабии, организованного и систематического характера.

Эти штрихи показывают контуры нашей городской организации, объединяемой политическим клубом большевиков. Так мы жили до Октября. После Октября резко обозначилась задача взятия власти. Комитет стал к этому готовиться.

III

Нужно было видеть, насколько было велико влияние большевиков на рабочую массу города.

Сразу же после получения телеграммы о том, что в Петрограде образован Совет Народных Комиссаров, было решено созвать конференцию правлений профсоюзов, рабочих депутатов Совета, членов центрального бюро профсоюзов и представителей от политических организаций.

На этой конференции шла борьба за массы. Каждая партия выставила лучшие силы. Надежда Гринфельд¹, кутая руки в котиковую муфту, рассказывала о кровавой борьбе, которую затеяли большевики в Петрограде. Она вспомнила «нашу», «бескровную» февральскую революцию и ужасно возмущалась товарищами, которые углубляют революцию.

Известный в Кишиневе Александров, весь в защитном, шагая по сцене, пытался подействовать на собравшихся своим политическим прошлым, каторгой, тюрьмой, ссылкой. «Поверьте мне, старому революционеру, — говорил он, — что большевики не удержатся даже двух недель». Но голосование полностью разочаровало «бывших властителей дум» Кишинева — эсеров, меньшевиков и бундовцев. Большинство получила большевистская резолюция, меньшинство получили интернационалисты, а меньшевики — всего полтора десятка голосов.

На собрании местного гарнизона, где присутствовали члены ротных, батальонных и полковых комитетов, меньшевикам не дали даже говорить. Абсолютным большинством голосов прошла большевистская резолюция. Было совершенно ясно в начале ноября, что гарнизон и рабо-

---

¹ Меньшевичка, в 1918 г. была румынами выслана в Россию, но при переправе брошена в Днестр (примечание автора).

чие полностью на стороне большевиков и их лозунга — «Вся власть Советам».

Но нужно было знать, что скажут уезды, как отнесется к этому Румынский фронт, во что выльется образовавшийся в результате объявления 28 сентября 1917 года Народной Молдавской республики «Сфатул Цэрий»?¹.

Вскоре уезды дали о себе знать. Из Оргеева приехала делегация из трех человек во главе с анархистом Байковским (Валентином). На заседании комитета они сделали доклад, сущность которого сводилась к следующему: «Мы готовы в Оргееве к захвату власти, дайте только сигнал, и все буржуазные организации будут разогнаны, и власть силой гарнизона, который настроен большевистски, будет передана городскому Совету».

— У вас есть большевистская организация? — спросил т. Милешин.

— Организация? — переглянулись между собою делегаты, — мы все большевики, мы все за власть Советов.

— Но организация большевиков есть? — переспросил т. Милешин.

— Полковой комитет есть, ротный тоже есть, ну а большевистской организации нет, — со вздохом ответили делегаты.

В общем выяснилось, что по настроениям оргеевский гарнизон целиком на стороне большевиков, но у них не только нет организационной большевистской ячейки, но нет даже ни одного члена партии большевиков.

Настроены-то большевистски, взять власть, конечно можно, но удержат ли ее? — спрашивал делегацию и членов комитета Милешин.

Так и не было ничего конкретного принято по этому оргеевскому докладу.

Вторым таким делегатом, но уже в единственном числе, был т. Николаев Павел. Он приехал из Комрата, огромного села, центра Гагаузии, или, как раньше называлось это место, Буджак.

Он приехал посоветоваться с нами по вопросу об образовании Буджакской или Гагаузской республики, с центром в Комрате.

---

¹ Дата указана неверно. На самом деле эта так называемая республика была провозглашена в конце октября, а «Сфатул Цэрий» был образован в конце ноября 1917 г.

В товарищах-гагаузах жили еще традиции 1905 года, когда они в результате аграрных выступлений образовали свою республику, прогнали, предварительно избив, исправника и создали нечто вроде своего революционного комитета во главе с Галацаном. Все это революционное предприятие, стихийно возникшее, не продержалось и двух недель. Но сейчас, после Октября, после образования ряда национальных республик (Украинской, Молдавской) в их головах начали бродить те же старые идеи.

После короткой беседы с т. Милешиным т. Николаев составил себе ясное представление о том, что из центра, то есть из Кишинева, никакой поддержки сейчас оказать нельзя, да и, кроме того, раз там на месте нет большевистской организации, то и разговоры вообще об этом трудно вести. Тов. Николаев остался в Кишиневе и стал нашим завсегдатаем. Во время отступления он ушел вместе с нами и в 1918 году вступил в нашу партию.

Вскоре также выяснилось политическое лицо Румынского фронта. Там пока господствовали господа Лордкипанидзе и др. Они, после выборов в «учредилку», куда провели по своему списку № 3 двенадцать депутатов, в противовес большевикам, проводим только трех¹, чувствовали себя победителями. Октябрь сравнительно мало изменил положение. Только в конце ноября и начале декабря большевики кое-где пытались, и безуспешно, захватить корпусные и армейские комитеты, как это имело место в IV армии.

Для установления единой политической линии фронта было решено созвать конференцию большевиков Румфронта. Она собралась примерно 10—12 декабря² и заседала около недели. Ее заседания происходили в зале городской думы, по Синадиновской улице.

Конференция состояла почти сплошь из солдат, среди которых было и несколько прапорщиков. Наша организация послала двух делегатов. Первым был, как будто, т. Милешин, а вторым — Меерсон. Конференция отказалась вначале вообще признать нашу организацию, а затем она признала мандат т. Милешина, Меерсону же решающего голоса не было дано.

---

1 От большевиков прошли: 1) Крыленко Н. В. 2) Мостовенко П. Н. 3) Солерс Б. И. (Примечание автора).

2 По старому стилю 28—30 ноября 1917 г.

Поскольку мне помнятся обрывки выступлений, которые мне пришлось слушать в качестве гостя, нас, т. е. бессарабскую организацию, ругали за то, что мы до сих пор не взяли власть, что до сих пор в Совете сидят еще меньшевики, эсеры и бундовцы, что на наших глазах идет образование национальных молдавских частей, которые в будущем явятся угрозой не только Совету, но и фронту, и еще за многое другое, чего мне не удалось запомнить.

Никто не хотел найти корней этого явления, никто не искал соотношения классовых сил и особенностей развития революционного движения в Бессарабии, и, в частности, в Кишиневе, в 1917 году.

Большевики Румынского фронта, как и впоследствии т. Рошаль, доказывавший необходимость *немедленного* захвата власти, не могли понять одной специфической особенности наших условий — это отсутствия партийной организации в губернии, отсутствия местных людей, если хотите, отсутствия вождей местного масштаба с ясной и четкой программой. Окраинное положение губернии и близость фронта еще более ухудшали условия борьбы. Большевистская организация, давившая на все политические организации города, заставила, в конце концов, декларировать переход власти в руки Совета. Но она не могла найти людей, чтобы расставить их на узловые пункты, на руководящие посты. Совет не был достаточно очищен, и в нем еще болтались «объединенцы» и эсеры. Совет, а главное исполком, продолжал оставаться коалиционным, во главе с левым эсером и левым бундовцем.

Ни городскую думу, ни «Сфатул Цэрий» не удалось разогнать. Чтобы подготовить их разгон, не хватало времени. Мы должны были начать отступление под штыками румынских оккупантов...

МОРОЗОВ Д. Г.

Родился в 1888 г. Член КПСС с 1905 г. Работал парторганизатором на заводе в Иваново-Вознесенске, избирался членом 2-го районного и городского комитетов РСДРП. В октябре 1913 г. был арестован и в феврале 1914 г. выслан в Олонецкую губернию. В 1916 г. мобилизован в армию. После февральской революции — член полкового, дивизионного и армейского солдатских комитетов на Румынском фронте. В октябре 1917 г. — делегат II съезда Советов. По возвращении был избран заместителем председателя комитета 6-й армии. В 1919—1922 гг. работал в органах ЧК в Иваново-Вознесенской и Самарской губерниях. В 1923—1932 гг. — на ответственной партийной работе в Иваново-Вознесенске и Ярославле. С 1932 г. — член партколлегии ЦКК ВКП(б). С 1934 г. — ответственный секретарь партколлегии ЦКК ВКП(б) по Западной и Днепропетровской областям. С 1940 г. — персональный пенсионер. В 1956 г. в связи с 50-летием первой русской революции и за активное участие в революционном движении награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ОКТЯБРЬ НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ

Румынский фронт в силу своей отдаленности от центра был самым отсталым фронтом, где имели свои глубо-

кие корни монархисты, кадеты, эсеры и меньшевики. Февральская революция там прошла с опозданием. В некоторых дивизиях 6-й армии она сопровождалась молебном и обхождением рядов «христолюбивого воинства» с иконами (115-я дивизия, стоявшая на берегу Дуная).

Собравшийся 10 мая областной фронтовой съезд в городе Одессе выделил знаменитый в свое время «Румчерод», состоявший почти целиком из эсеров, меньшевиков, из коих значительная часть, по сути дела, была кадетами. Вся работа на местах направлялась «Румчеродом». Единичными встречавшиеся большевики яростно преследовались.

По возвращении с этого съезда в 460-й пехотный Тимский полк 115-й дивизии во время отчета о работах съезда нам, двоим солдатам, смотревшим на работы съезда под большевистским уклоном, пришлось выдержать жаркую схватку с доктором-кадетом, который был также делегатом съезда. Симпатии солдат полка были на нашей стороне, и мы остались победителями. С этого времени в полку закрепилось большевистское направление и образовалась группа социал-демократов большевиков, в которую входили два прапорщика и двое солдат: Васильев и я.

Эта группа, объединив около себя целый ряд сочувствующих, взяла под свое руководство полковой комитет. В первой половине июня, готовясь к первому съезду Советов, наша группа решила вывить свой взгляд по основным в то время вопросам: о войне и мире, о правительстве, о Государственной думе, и вынесла по всем этим вопросам резолюции, которые не были строго выдержанными в большевистском духе, но все-таки вызвали вой со стороны офицерства и комитетов дивизии. Наш полк получил название «большевистского», против него начали натравливать остальные полки дивизии. Но какая была наша радость, когда во второй половине июня, получив газеты, мы выяснили, что по всем основным вопросам смотрим так (в общем), как смотрит партия в центре. Это увеличило наши силы, придало нашим выступлениям большую уверенность.

Речь В. И. Ленина на I съезде Советов указала нам, в каком направлении мы должны идти. Его ответ Церетели о том, что наша партия не отказывается от власти, что «каждую минуту она готова взять власть целиком», под-

креплял в нас уверенность, что партия растет и крепнет, а вместе с ее ростом и силой развивается и революция.

В это время фронт усиленно готовили к наступлению. Ораторов по частям возили целыми телегами, но среди солдатских масс недоверие к власти нарастало и нарастало. Наконец, началось 18 июня наступление. Помню, как «Новое время» во всю первую страницу крупнейшим шрифтом печатало: «Слава богу, наступление началось».

Поражение на фронте, подавление революционных масс Питера 3—4 июля, начавшаяся провокация против большевиков и В. И. Ленина, поддержанная меньшевиками и эсерами, дали возможность контрреволюционному командному составу выпустить свои коготки. Командиры полков по приказуначдива начинают подтягивать полки, дисциплинировать их строгими приказами. В ответ на это представители пулеметной команды обращаются ко мне за разрешением выставить пулеметы против контрреволюционеров. Приезжает эсер — уполномоченный «Румчереда» и командования — и привозит «приятную» новость о введении смертной казни для солдат и поддерживает контрреволюционный командный состав. Яростно преследуются большевики.

Нашу группу обманно вызывают в дивизию и начинают суд в церковной ограде. Присутствует весь генералитет и штаб-офицерство. Эсеры обвиняют нас во всех грехах, вплоть до измены и шпионажа в пользу Вильгельма. Около ограды начинают группироваться солдаты, наша самозащита вызывает среди них одобрение. Это обстоятельство сорвало суд, и обвинители вынуждены были ограничиться порицанием.

Среди полков, начиная с июньских дней, начинается сильное расслоение. В момент Корниловского выступления низовые армейские комитеты начинают укрепляться за счет наиболее революционно настроенных солдат и полностью впитывают в себя отдельные группы большевиков. Между низовыми комитетами и армейскими начинаются трения. Армкомы, остающиеся еще во власти эсеров и меньшевиков, под влиянием требований низов вынуждены часто идти им на уступки.

Боеспособность армии падает день ото дня. Контрреволюционный командный состав не в силах справиться с восстановлением боеспособности армии и вынужден при-

бегать к помощи армейских организаций. Председатель полкового комитета — власть в полку.

«Румчерод», сидящий в Одессе, теряет власть и вынужден ставить вопрос о большем приближении к фронту. В середине августа он созывает областную конференцию в Яссах, на которой избирается бюро с нахождением в Яссах. В это время у нас в армии производится объединение большевистских сил. По почину члена Армкома Воробьева устраивается армейская партийная конференция, на которой я, к сожалению, вследствие поездки в Яссы не присутствовал. Нарождаются и оформляются большевистские организации.

В это время поднимался вопрос о созыве II съезда Советов. Наш Армком был против его созыва и разослал на места распоряжения, чтобы выборов не производить и делегатов на съезд не посылать. По этому вопросу на местах разгорелась широкая борьба, места стояли за посылку делегатов и в конце концов одержали верх, но победа эта была запоздалой, так как мы, делегаты на II съезд, собрались для поездки в Армком только 29 октября. К этому времени в Армкоме уже была получена телеграмма о происшедшем в Питере восстании. 29 октября при Армкоме было устроено совещание делегатов, избранных на II съезд, на котором была принята резолюция о недопущении в состав правительства цензовых элементов, за недопущение репрессий против восставших, за однородную революционную демократическую власть, за сохранение сильного революционного фронта.

В тот же день сели на поезд и поехали в Петроград. Проезжая Киев, узнали, что в большинстве крупных городов власть перешла в руки Советов. По городу было расклеено обращение Киевского военно-революционного комитета, в котором население извещалось о происшедшем перевороте и призывалось к сохранению революционного фронта.

О Москве и Питере ясных сведений не было, сообщалось, что там идет борьба большевиков с Временным правительством.

3 ноября приехали в Москву. Пассажиров с поезда пропускали сквозь патрули вооруженных рабочих. Среди этих патрулей были и рабочие из близлежащих городов, например из Серпухова. Отправляемся в первую попавшуюся чайнушку. Только успели сесть, входят вооружен-

ные рабочие, требуют документы и оружие. Проверили наши документы, оружие оставили. Наскоро попив чаю, направляемся на вокзал, нужно скорее в Питер. Идя по пустынным и темным улицам, слышим изредка единичные выстрелы. В витринах магазинов, в окнах домов побиты пулями стекла, кое-где в стенах зияют пробитые снарядами бреши. Попадающиеся изредка люди нервно и коротко рассказывают о боях, о жертвах. Всюду — патрули и полнейший порядок. Поезд от Москвы на Питер набит солдатами и матросами.

По приезде в Питер направляемся в Смольный, где 5 ноября было устроено заседание армейских представителей. Первым на этом заседании выступил представитель 17-го корпуса эсер-оборонец, он вел себя нагло, вызываясь, называл заседающих в Смольном «узурпаторами власти», требовал, чтобы пути к Петрограду были свободны, не портились и чтобы комитету корпуса были предоставлены поезда для переброски войск на Петроград.

Выступавший на этом собрании левый эсер Камков заявил, что имеющуюся власть они не считают законной властью — это власть большевиков. Власть должна состоять из всех социалистических партий.

Представители 17-го корпуса продолжали угрожать своим наступлением на Петроград. Они заявляли, что их части — на станции Луга, но какие части и в каком количестве не сообщали, заявляли, что не уполномочены говорить. В конце заседания была получена справка, что части 17-го корпуса — около Пскова и только штурмовой батальон сумел прорваться к Питеру. Командный состав держит солдат в руках. Выступавший затем представитель 35-й дивизии 17-го корпуса заявил, что их повезли обманным путем, а куда и зачем — не знали, говорили, что защищать Учредительное собрание. Это был трюк контрреволюционеров. Он был осужден всеми представителями армии.

Остальные представители заявили:

Представитель 3-й армии. Армком не хотел участвовать во Всероссийском съезде, но низы послали. Из состава армейского съезда выделен военно-революционный комитет, который взял под свой контроль оперативную и хозяйственную части, почту, телеграф, железные дороги, находящиеся в расположении армии. Переворот

массами встречен с ликованием: были аресты комсостава, который хотел улигнуть.

15-й армейский корпус. Все резолюции дивизий корпуса «за власть Советов».

532-й Волоколамский полк всецело поддерживает Советскую власть.

7-й корпус — за Советскую власть.

124-я и 184-я дивизии — за социалистическую власть, за власть без Керенского и его единомышленников.

16-я кавалерийская дивизия, Северный фронт, — на страже революции. Была стычка с казаками.

5-я стрелковая дивизия — за власть Советов.

5-я кавалерийская дивизия — Искосол запрашивал поддержки Временного правительства, дивизия не дала. За власть Советов.

4-я фин. дивизия 12-й армии. Поддержка большевикам.

16-й стрелковый финляндский полк — за власть Советов.

Московский гвардейский полк — за власть Советов.

542-й армейский полк. Требуем прекращения братоубийственной бойни. Никакой иной власти, кроме советской, не признаем.

Армейский съезд 1-й армии признает Керенского изменником и в случае продолжения братоубийственной бойни пошлет половину армии против него, а другую оставит защищать фронт.

9 ноября было принято постановление о том, чтобы всем делегатам немедленно разъехаться по своим частям для правильного осведомления их о происшедшем перевороте. Обеспечить всей силой частей власть и мощь нового правительства. Полковые комитеты на местах должны взять в свои руки всю власть, удалить контрреволюционный командный состав, произвести перевыборы армейских учреждений, где они не переизбраны. Поддерживать революционный порядок, дисциплину и связь с Петроградом. Немедленно взять в свои руки инициативу по заключению перемирия, причем утверждение этого перемирия должно принадлежать Совету Народных Комиссаров.

Получив 9 ноября поздно вечером соответствующие на этот счет удостоверения от Народного комиссара по военным и морским делам, делегаты начали спешно разъ-

езжаться по своим частям. По приезде в полк, стоявший в то время в Бессарабии на берегу Дуная от Измаила до Рени, сделал отчет о своей поездке в полку и дивизии.

Армейский комитет, все еще состоявший из меньшевиков и эсеров, вынужден был назначить съезд, каковой и собрался в городе Галаце 26 ноября. На этом съезде фракция большевиков, состоявшая исключительно из солдат и нескольких прапорщиков, вела по всем вопросам бой с меньшевиками. Съезд продолжался по 6 декабря и кончился победой большевиков. Мы имели в новом составе Армкома большинство в 3—4 голоса. 9 декабря приехал в Болград, был избран в президиум Армкома. Меньшевики и эсеры в Армкоме саботировали работу и старались срывать вопросы. Поэтому вся тяжесть работы лежала на нашей фракции.

5 ноября (старого стиля) 1917 года в Смольном. Я был в числе десятков тысяч делегатов от фронтов, посетивших Смольный. В Смольном нас информировали о происшедшем перевороте. От грандиозности происшедшего брала жуть: чувствовали боязнь за то, что с властью мы, темные рабочие, солдаты, крестьяне не справимся.

Ночью, часа в два, мы попросили повидать В. И. Ленина. Он пришел, такой простой, незаметный, ничем не отмеченный, и только лоб его бросался в глаза. Темный галстук с горошинками, старый потертый пиджак. Начал говорить так просто, так понятно, что казалось он передает нам те мысли, которые копошатся у нас в мозгу, что он их обобщает и предает гласности. Я коротенько записывал речи всех ораторов в Смольном, но Ильича бросил записывать, казалось, что все это я знаю и никогда не забуду. После его речи наступило успокоение и уверенность, что мы с властью справимся и победим. Никогда после этого не приходила в голову мысль о том, что мы не справимся с властью. До сих пор уверенные слова Ильича: «Во всех странах растет недовольство, нарастает социалистическая революция, против власти Советов никакая сила в России устоять не может», не забыты, вероятно, слушавшими его, затаив дыхание фронтовиками, и не одну сотню рабочих-солдат, слушавших его в эту ночь, они подбадривали в трудные минуты революционной работы.

ЛЕВИНЗОН Ф. Я.

Уроженец Бессарабии, солдат старой армии, проходил службу в Кишиневском гарнизоне. В 1917 г. вступил в ряды КПСС, и вместе с большевиками А. Христовым, Я. Мелешиним, И. Рожковым и другими разоблачает антинародную политику соглашателей Временного правительства и его органов в Бессарабии. Избирался в 1917 г. членом Исполнительного Комитета Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Совете и в частях Кишиневского гарнизона отстаивал большевистскую линию борьбы за социалистическую революцию. Принимал активное участие в борьбе против корниловщины. В сентябре 1917 г. на Бессарабском губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран членом губернского исполкома Советов. В период борьбы за установление Советской власти в Молдавии был назначен начальником гарнизона и комендантом Кишинева. В то же время являлся членом большевистского фронтодела Румчерода. Принимал активное участие в формировании первых советских частей на территории Молдавии, был одним из руководителей разгрома контрреволюционных частей трансильванцев в начале января 1918 г. на станции Кишинев. В 1918 г. работал в качестве начальника штаба Тираспольского отряда советских войск. Весной 1919 г. после освобождения Украины и восточных районов Молдавии формирует Приднестровские отряды, которые вошли в

1-ю Бессарабскую стрелковую дивизию. В годы гражданской войны работал политкомом, а затем командиром 1-й бригады 45-й дивизии. За проявленный героизм и умелое руководство военными операциями был награжден золотыми часами и орденом Красного Знамени. После окончания гражданской войны работал в центральном аппарате Красной Армии, одновременно был председателем Центрального Совета общества бессарабцев. В 1936 г. награжден орденом Ленина.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАХВАТА БЕССАРАБИИ

События 19 января 1918 года¹ в Кишиневе были прелюдией к тем событиям, которые ровно через неделю завершились оккупацией Бессарабии румынскими войсками.

19 января, рано утром, ко мне на квартиру ввалились трое «министров»: премьер Инкулец, военный министр Пынтя и министр земледелия Ерхан. Я был поражен ранним визитом «высоких» гостей, но, как оказалось, они пришли по делу.

Посетители изложили следующее. На станцию Кишинев прибыл эшелон трансильванцев из военнопленных, который был направлен на Румынский фронт на смену уставшим частям. По распоряжению фронтотдела эшелон задержан, трансильванцам предложено разоружиться. Молдавское правительство считает, дескать, действия фронтотдела вмешательством в дела Молдавской Республики. Оно выслало на вокзал 1-й Молдавский пехотный полк, дав ему распоряжение препятствовать разоружению трансильванцев и очистить эшелону путь на фронт. И они, лойяльные министры, желая избежать сражения, которые неминуемо возникнет между русскими и молдавскими частями гарнизона, просят меня, как начальника гарнизона, отозвать русские части, вызванные на вокзал фронтотделом.

Выслушав их, я поставил условие своего вмешательства в разрешение конфликта — подчинение мне молдавских частей. В этом случае я гарантировал бескровное решение инцидента. Такое согласие было дано, и мы вчетвером отправились на вокзал.

¹ Даты даны по новому стилю.

Недалеко от вокзала мы встретили Молдавский полк, который был еще в колонне. Лишь только Пынтя отдал распоряжение передать командование полком мне, я предложил «министрам» удалиться. Последние сочли для себя за благо выбраться из столь неприятного положения.

Район вокзала имел боевой вид. 5-й Заамурский полк, частично спешенный, частично в конном строю, располагался на флангах противника. Небольшая часть пехоты была рассыпана в цепь против эшелона трансильванцев. Из окон вокзала торчали дула пулеметов. Трансильванцы наспех окапывались за насыпью железной дороги, прикрываясь составами.

Трансильванцам было дано уже третье предупреждение о сдаче оружия. В случае их отказа должен был начаться бой.

На вокзале находился председатель фронтодела Каабак. Мы обсудили с ним положение и решили действовать. Один батальон Молдавского полка развернулся для действий во фланг противнику, остальная часть была двинута на залегшего противника. Не успели части занять позиции, как раздалась пулеметная стрельба — трансильванцы ответили отказом разоружиться. Заамурцы перешли в наступление. Противник вначале отвечал дружным огнем, но, увидев, что его обходят, прекратил огонь, выбросив белый флаг. Более 600 трансильванцев, прекрасно экипированных, были разоружены и интернированы.

Эта история заставили деятелей «Сфатул Цэрий» задуматься. Первая часть их плана, связанная с интервенцией румынских войск, сорвалась. Они поняли, что не учли возможности решительного отпора со стороны революционных сил Кишинева. Нужно было, не навлекая на себя подозрений, замаять следы готовившегося предательства и сделать вид, что инцидент с трансильванцами не связан с уже созревшим у них решением об оккупации, первым этапом которой должен был стать именно приход трансильванцев.

Начинаются заискивания «Сфатул Цэрий» перед исполкомом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, подчеркнутые попытки контакта (модное для того времени слово) и усиления связи с ним. Не то в тот же день, не то на следующий состоялось, по инициативе «Сфатул

Цэрий», заседание президнума исполкома Совета совместно с представителями «Сфатул Цэрий». В повестке дня стоял вопрос об усилении связи «правительства» Молдавской республики с Исполкомом Совета для предотвращения «румынской опасности».

Присутствовали Ерхан и Инкулец. «Опасность румынских влияний» на нас очевидна... Необходимо с ней решительно бороться... Среди членов «Сфатул Цэрий», имеется ряд румынофилов, влияние которых необходимо парализовать», — вот к чему сводились их рассуждения. Предатели стремились показать себя весьма революционными и предложили радикальную меру: немедленно арестовать ряд лиц, подозреваемых в симпатиях к боярской Румынии. Они привезли с собой даже мандат на арест и требовали лишь санкции Исполкома.

С момента прихода трансильванцев для всех стало ясно, что это не случайный эпизод, но определенных данных или даже более или менее серьезных предположений насчет возможной оккупации не было. Эти данные были только у тех, кто готовил предательство. А факт наличия предательства подтвердили дальнейшие события и документы. Открытую агитацию за присоединение к боярской Румынии в тот момент не решалась вести даже наиболее склонная к этому газетка Халиппы. Разговоры о присоединении не нашли бы для себя почвы и могли иметь весьма неприятные последствия для тех, кто стал бы ставить такой вопрос.

Во всяком случае, те лица, которых Инкулец предлагал арестовать, меньше других могли быть заподозрены в измене. Как это обнаружилось впоследствии, мы не ошиблись, полагая, что этими арестами «Сфатул Цэрий» хотел устранить именно наиболее активных противников «румынского влияния». «Контрреволюционеры», как их называли Ерхан и Инкулец, впоследствии оказались в числе тех, кто в первые же дни хозяйничания румынских оккупантов были расстреляны, как противники оккупации. Мы отказались их арестовать, а «Сфатул Цэрий» не решился без нас осуществить арест.

Каждый день приносил все больше доказательств готовящегося захвата Бессарабии. На одну из ближайших к Кишиневу станций, Страшены, прибыл со своим штабом генерал Некрасов, который должен был принять командование русскими частями, якобы выделенными для

охраны тыла Румынского фронта. На самом деле это было просто прикрытие для вступления румынских оккупантов. Генерал кончил плохо — он был убит своими же солдатами, понявшими, куда их ведут.

Все более усиливалась агрессивность командования молдавских частей. Молдавский гарнизон, вернее, его офицерский состав, начал претендовать на занятие важнейших караульных постов. Офицерство стало заносчивее, хотя этого нельзя было сказать про всех. Значительно большая часть офицеров, наравне с русскими войсками, была встревожена слухами о возможном приходе оккупантов, даже временном, как вначале об этом говорилось. К этому прибавились и более частые попытки «пьяных разгромов», безусловно провоцируемых румынскими агентами. Обстановка создавалась крайне напряженная. Партия дискутировала, социал-демократы делали вид, что опасности нет. Кроме того, они считали, что «в крайнем случае румыны лучше большевиков». Вместо организации сопротивления, они только занимались болтовней и фактически поддерживали шовинистов из «Сфатул Цэрий».

22 января были получены определенные сведения о движении румынских оккупантов, а 23 они подходили к Кишиневу. Под вечер наши войска готовились к бою... На позицию вышли все бывшие в гарнизоне русские части. Наспех были сформированы отряды из добровольцев, непрерывно прибывавших в распоряжение Исполкома.

Здание фронтотдела превратилось в центральную базу формирования и вооружения новых частей из рабочих и вообще жителей Кишинева. Вооружение велось непрерывно, днем и ночью. Под давлением солдат, бывших в распоряжении Совета, вышли на позицию и молдавские части. Вечером произошло первое столкновение с сильными передовыми войсками противника. Румыны встретили дружный отпор и вынуждены были отойти. В течение всей ночи столкновения продолжались. Оккупанты были очень осторожны и с каждым разом вводили все более крупные силы. К утру наступило затишье. Враг отошел на исходные позиции...

В течение дня производились разведки с обеих сторон. Наши части, ободренные ночным успехом, были весьма активны. Противник держался пассивно, ведя лишь ближайшую разведку.

Наступила ночь на 25 число. Подтянув за день еще большие силы, румыны пробовали вновь атаковать, но, получив отпор, притихли... Так прошло и 25 января.

Все эти ночи население окраины, где расположены были наши позиции, провело без сна. Крестьяне, населявшие окраины города, окружили наших бойцов заботой и вниманием. Они несли службу вместе с солдатами, кормили и поили их, ходили в разведку, каждый вооружался чем мог. Все от мала до велика принимали положительное участие в обороне.

Я не помню, чтобы вопросы, связанные с положением вещей в этот тревожный момент, обсуждались в Исполкоме. Жизнь кипела лишь во фронтоделе, куда входило несколько военных работников из Исполкома. Исполком в эти дни бездействовал.

Для всех нас было ясно, что продолжение борьбы бессмысленно, силы в борьбе неравны: на одной стороне — румынская армия, хотя и недостаточно боеспособная, но численно значительная, на другой — 2—3 тысячи дисциплинированных революционных солдат. Мы могли только рассчитывать уйти из Кишинева с тем, чтобы через короткий срок вернуться и очистить его от захватчиков. Для этого нужно было организовано, не теряя имущества и вооружения, вывести из города войска. Частям было отдано распоряжение собраться у Исполкома, чтобы затем выйти из города.

Румыны нажимали на «Сфатул Цэрий», на ту его часть, которая была связана с румынским командованием. Они не надеялись на свои войска и ждали помощи изнутри, но этой помощи военной силой «Сфатулуй Цэрий» оказать не мог. Я уже говорил, что молдавские части вышли на позицию, заставив выйти и своих офицеров. Настроение солдат молдавских полков было боевое, они были полны решимости сражаться против оккупантов. Но предатели не дремали, они вели среди солдат молдавского гарнизона агитацию за «невмешательство». Под всевозможными предлогами, различными способами они стремились изолировать молдавский гарнизон от общения с революционными частями Исполкома. В ночь, когда решался вопрос об оставлении Кишинева, молдавские части фактически были заперты в своих казармах. Лишь офицерские разъезды рыскали в районе расположения наших войск и, налетая, стремились внести в наши

ряды панику. Такие налеты была совершены, например, на пулеметную команду 5-го полка, на Автороту и др.

Утомленный этой тревожной обстановкой, гарнизон нервничал. Исполком как целое в эти дни, как указано выше, бездействовал. Созвать президиум не удавалось, и лишь небольшая группа в 3—4 человека выносила в эти дни, и особенно в последнюю ночь, всю тяжесть обстановки на своих плечах. Они объезжали части, ободряли солдат. Темный, замерзший город, враг у его ворот, налеты офицеров и уже принятое решение о необходимости отхода — все это создавало у частей стремление немедленно, не дожидаясь утра, уйти. Некоторые части оставили город еще ночью. С нами уходили десятки рабочих, успевших узнать о нашем отступлении и одиночки-солдаты молдавского гарнизона. Население провожало нас сердечно...

Ночью заседала дума, обсуждая положение. На собрании веяло кладбищем. В городе в это время была жуткая тишина. Лишь изредка раздавался одиночный выстрел, произведенный из-за угла провокатором, румынским наемником. 26 января вышли из города основные части: 5-й Заамурский полк, батарея 14-й артбригады и др. Мы успели вернуться в город за имуществом Исполкома. В городе были лишь молдавские офицерские патрули. Румынские оккупанты все еще не вступали. Они считали, что выход из города является маневром с нашей стороны, и не решались его занять.

Мы уходили с тем, чтобы соединиться с частями гарнизона Бендер, и, заняв позиции по ту сторону Днестра, укрепиться, а оттуда начать освобождение Бессарабии.

Лишь спустя неделю после занятия Кишинева румынские войска подошли к Бендерам. До нас дошли уже слухи о зверствах, чинимых оккупантами в Кишиневе. Поэтому ненависть к ним была настолько сильна, что части, уже находившиеся на левом берегу Днестра, вернулись в Бендеры, чтобы дать бой захватчикам. Этого дня румынские оккупанты вероятно никогда не забудут. Они были отброшены далеко от Бендер на станцию Бульбоки, потеряв целую бригаду. Наши же части после удачного боя отошли на другой берег Днестра и приступили к формированию Тираспольской группы.

Тысячи солдат-молдаван, возвращавшихся с разных фронтов на родину, вступали в отряд. В течение самого

короткого срока он вырос во внушительную силу, состоявшую из 10 000 прекрасно обученных, дисциплинированных солдат-фронтовиков, революционно настроенных и готовых отдать жизнь за Советскую Бессарабию. Подготовка к наступлению шла быстрыми темпами. Воины были полны энтузиазма. С нетерпением ждали они наступления. Вера в победу была огромна.

Но надеждам не удалось сбыться. Немецкие войска подходили уже к Раздельной, очутившись, таким образом, в тылу отряда. Остаться на месте значило быть взятыми в клещи, прижатыми немецкими войсками к Днестру, на другом берегу которого были румынские оккупанты. Надо было уходить. И отряд ушел, оставив берег Днестра... Он шел с боями по Украине, неся то же знамя борьбы за власть Советов, под которым боролся в Бессарабии и на берегах Днестра.

СУВОРОВ И. Г.

Уроженец Бессарабии. Бывший моряк Черноморского флота. В 1917 г. был избран членом Одесского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. В период борьбы трудящихся Бессарабии против боярско-румынской оккупации по поручению Одесского Совета был направлен в Вилков. Вскоре избирается членом Вилковского ревкома и по поручению ревкома для организации обороны Вилкова формирует Красную гвардию. При непосредственном руководстве и участии И. Г. Суворова трудящиеся Вилкова, во главе с моряком-большевиком А. Железняковым, героически сражались против румынских захватчиков. Однако под давлением превосходящих сил румынских войск защитники Вилкова, вынуждены были во второй половине февраля 1918 г. отплыть на судах Дунайской флотилии в Одессу. Затем воины революционных отрядов Вилкова влились в регулярные части Красной Армии. И. Г. Суворов участвовал на важнейших фронтах гражданской войны, отстаивая великие завоевания Октября. После окончания гражданской войны и демобилизации из рядов Красной Армии возвратился в город Одессу, где работал в различных советских учреждениях. Являлся членом правления Одесского отделения общества бессарабцев.

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЮГА БЕССАРАБИИ ПРОТИВ РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ

Румынские войска, заняв Болград и Измаил, повели усиленное наступление на Килию и Вилков. Помимо прочих соображений, их привлекала надежда захватить громадное количество военного имущества, принадлежавшего отдельной Балтийской морской дивизии и находившегося на нескольких баржах.

По поручению Одесского Совета Матросских Депутатов, членом которого я состоял, я прибыл в Вилков в тот момент, когда на рейде стояли готовившиеся к отходу в Одессу последние два транспорта, прибывшие из занятого румынами Измаила, с демобилизованными солдатами. Грузился последний батальон, находившийся в Вилкове.

Большинство населения — рыбаки Вилкова — настроено было без боя Вилкова румынам не сдавать. Но местный Совет бездействовал. Он в большинстве состоял из кулаков, а меньшинством — рыбацкой беднотой, — некому было руководить. Существовала еще и городская управа, городским головой был Петрекеев Маркел, член «Союза русского народа». А Совет работал лишь в рамках «прав», предоставленных ему городской управой.

Группа моряков-большевиков, без ведома Совета, созвала население на митинг и осветила положение. Выступили рыбаки и крестьяне ближайших сел. Все указывали, какую кабалу несут рыбакам и крестьянам румынские сатрапы и русская буржуазия. Крестьянин Т. Порошенко, в серой крестьянской шубе, подвязанной большим красным поясом, только что прибывший из оккупированного румынами Измаила, рассказал о кошмарных зверствах и насилиях оккупантов над беззащитными крестьянами и их семьями.

Первый же день прихода румын в Измаил был ознаменован расстрелом 14 матросов за принадлежность к партии большевиков. Трупы расстрелянных валялись потом за городом, на свалке, несколько недель. Родные, пытавшиеся забрать трупы, избивались нагайками и прикладами.

Вилковская буржуазия (рыбопромышленники и кулачество), вела на митинге контрреволюционную агитацию среди рыбаков, уговаривая их не слушать большевиков и

никакого сопротивления румынам не оказывать. Но рыбацкая масса контрреволюционной агитации не послушала и пошла за большевиками.

Митинг наш прошел под лозунгами: «За освобождение Бессарабии», «За большевиков», «За Советскую власть». В этом духе была единодушно принята резолюция.

В тот же день, после митинга, на заседании наиболее активных рыбаков и демобилизованных моряков и солдат, был избран ревком в количестве 5 человек. В него вошли Суворов И. (под фамилией Косов) — председатель ревкома, Платов И. (под фамилией Поляков), Иванов И., матрос, представитель от села Жебриены и другие.

Для организации и руководства Красной гвардией ревком создал боевой штаб из трех человек. И. Суворов (начальник Красной гвардии), И. Платов и И. Иванов. Комиссаром фронта был назначен т. Платов. Работали ревком и штаб буквально день и ночь. В течение одного дня в Вилкове были организованы две роты из рыбаков по 200—250 человек, пулеметная команда, две легкие батареи по четыре орудия и санитарный отряд. В Красную гвардию шли все бывшие фронтовики, прибывшие к этому времени домой по демобилизации, вся молодежь и немало пожилых людей в возрасте 45—50 лет и даже старше. У всех у них было одно желание — отстоять Бессарабию от румынских захватчиков и русских помещиков и капиталистов.

В ревком приходило много работниц, желавших бороться вместе с мужьями и сыновьями за освобождение Бессарабии. Работницы взяли на себя выпечку хлеба для фронта, оборудование прачечных, работали в наспех устроенной общественной столовой, в санитарном отряде на передовых позициях.

Винтовок, пулеметов и орудий было очень мало. Мы с трудом выпросили оружие у ушедшего третьего полка морской дивизии.

Вечером в обеих ротах Красной гвардии состоялись митинги. Затем выступили на фронт. Первая рота под командой рыбака Андрея Семибратнева заняла позицию на берегу Дуная по направлению к Килии, в 18—20 км от Вилкова. Вторая рота с одной батареей заняла позиции на нашем правом фланге в районе села Гирилешты, около 25 км от Вилкова. Дальше продвигаться было не-

возможно, так как румынские войска заняли Килию и вели с двух сторон развернутое наступление на Вилков.

Наши позиции были неудобны, трудно было руководить борьбой. Роты находились на расстоянии около 20 км. друг от друга, разделенные сплошными зарослями камыша и небольшими озерами. Связь между обоими участками нашего фронта, живую и телефонную, пришлось установить не непосредственно, а через Вилков. Все же связь штаба с передовыми позициями была налажена хорошо.

Держать фронт одним вилковцам было не под силу. Ревком послал представителей в села Жебриены, Галилешты, Зелюкары, Нерушай. Всюду на сходах большинство крестьян принимали резолюции «вместе с Красной гвардией с оружием в руках добиваться освобождения Бессарабии, чтобы окончательно вырвать из рук помещиков землю». И через пару дней на фронт прибыли два хороших сводных отряда крестьян из Галилешт, Зелюкар, Нерушай и Жебриен. Многие крестьяне приводили и своих лошадей, привозили фураж и продовольствие. Эти подкрепления дали нам возможность организовать два кавалерийских отряда по 25—30 человек, и мы значительно укрепили свой правый фланг.

Для того, чтобы румынские войска не обошли наш правый фланг, мы заняли тогда новые позиции: Карачки, Галилешты, Нерушай до озера Сасыка. Ревком назначил комиссаром этого фронта члена штаба Красной гвардии т. Иванова. Он все время находился непосредственно на фронте и неплохо руководил боевыми операциями.

С самого начала наших действий мы допустили большую ошибку: ревком и Дунайская флотилия не разработали единого оперативного плана, действовали порознь. Но эта ошибка вскоре была нами исправлена. Положение флотилии было тяжелое, так как в это время проходила демобилизация не только солдат, но и моряков нескольких возрастов. На некоторых судах команды значительно поредели. Но в эти же дни в Вилков прибыли демобилизованные с других фронтов — более 150 моряков-вилковцев. Они сразу же согласились пойти на суда по своим специальностям. Таким образом флотилия была значительно укомплектована моряками-вилковцами, а на канон-

нерской лодке «Терец», например, до 45% команды были вилковцы.

По сведениям, полученным от перебежчиков, румынские генералы выставили против нас две бригады пехоты с пулеметами и сильную артиллерию, мониторы, миноносцы и аэропланы. А мы имели всего 600—650 красногвардейцев, несколько пулеметов, две-три батареи и несколько судов Дунайской флотилии.

Мы все время пытались установить связь с румынскими солдатами и повести среди них агитацию, посылали несколько человек, но должного успеха не имели, потому что у нас не было агитаторов, которые бы хорошо владели румынским языком и могли объяснить румынским солдатам значение Октябрьской революции.

Все же за время боев к нам перебежало около двадцати румынских солдат. Приходили одни с винтовками, другие без винтовок. Перебежчики называли себя большевиками, тут же становились в ряды Красной гвардии и вместе с нами шли в бой против королевской армии за большевиков, за Советскую власть.

7 февраля 1918 года боевые действия оживились. Румыны на своем левом фланге несколько часов вели на нас наступление, одновременно обстреливая наши части артиллерией. С нашей стороны отвечала одна батарея и канонерская лодка «Терец», которая вышла из Дуная и стала в море у села Жебриены. Румыны не смогли продвинуться вперед.

После первого боя к нам стали прибывать новые отряды крестьян. Это пополнение значительно укрепило моральное состояние и боеспособность бойцов Красной гвардии.

По радиостанции, расположенной в Полуночном канале, мы неоднократно просили Румчерод послать нам на помощь 2—3 миноносца, но не получили ответа. Впоследствии мы обратились по радио и в Севастополь, просили у Центрофлота помощи. Центрофлот обещал послать один миноносец, но мы его так и не дождались.

8 и 9 февраля по всему фронту происходили бои, в которых участвовали все силы противника: артиллерия, флот и авиация. Румыны обстреливали не только позиции и наш флот, но систематически обстреливали и Вилков, надеясь создать паническое настроение и этим дезорганизовать Красную гвардию. Там было много убитых и ра-

ненных, но надежды румынских генералов не оправдались.

В течение 7 дней по всему фронту румыны вели против нас наступление. За это время мы потеряли несколько десятков убитыми и ранеными. Но несмотря на превосходство сил румынской армии, Красная гвардия по всему фронту стояла твердо и героически отбивала наступление противника.

Крестьяне, особенно беднота, помогали Красной гвардии продовольствием и гужевым транспортом.

Моряки Дунайской флотилии проявили исключительную сознательность и преданность большевистской партии и Советской власти. Их героизм во многом способствовал укреплению боеспособности Красной гвардии. Примером была канонерская лодка «Терец», которая каждый раз, как только противник теснил наш фланг, выходила из Дуная в море и своим артиллерийским огнем вынуждала его отходить. Неоднократно «Терец» вступал в бой и с румынской флотилией и полевой артиллерией. Нашей флотилией был подбит один румынский монитор, который на 2—3 дня вышел из строя.

Румынские генералы, видя, что при наличии нашей флотилии им трудно против нас сражаться, установили на левом берегу Дуная против Вилкова две тяжелые батареи и наблюдательный пункт. Наши суда оказались под перекрестным огнем. На канлодке «К15» (самоходная баржа с орудием) было подбито орудие, и канлодка вышла из строя.

Нужно сказать, что наше положение с первых дней было очень тяжелым. Мы были почти в кольцевом окружении, а главное мы, руководители, были плохими стратегами, нередко действовали наугад, и совершили ряд ошибок.

Через некоторое время к нам из Одессы от Румчерода прибыл на миноносце «Керчь» моряк Балтийского флота т. Железняков Анатолий (известный своей ролью в разгоне Учредительного собрания). Он передал нам директивы Румчерода: во что бы то ни стало продержаться еще несколько дней, пока нам будут даны новые силы на помощь. Тогда же мы ввели в состав ревкома представителей флотилии. Председателем ревкома избрали т. Матлаева — моряка флотилии, я остался заместителем председателя и начальником Красной гвардии. На второй день

созвали в Вилкове и в селах митинги. Для проведения митингов были посланы моряки и красногвардейцы.

В Вилкове выступил т. Железняков, он рассказал о разгоне «Учредиловки», о значении Октябрьской революции, о партии большевиков, сообщил о директиве Румчорода. Митинг прошел с большим подъемом. Тут же в наши ряды вступило еще около 150 человек.

В тот же день вечером прибыли делегаты от крестьян с заявлением, что крестьяне все идут на фронт против румынских захватчиков и ждут от нас оружия. Но оружия у нас не хватало.

В штабе Красной гвардии разработали новый план действий. По предложению т. Железняка мы решили послать через Дунай на румынскую сторону десант и напасть ночью на румынские батареи. Для этой операции приготовили 15 рыбацких каюков, ее осуществить должны были 60—70 бойцов. Операцию эту провести было поручено мне.

До переправы десанта наша флотилия произвела артиллерийскую подготовку, основательно обстреляв румынский берег. Румыны не отвечали.

В 12 часов ночи в 5 км выше Вилкова возле пограничного кордона «Бозарчук» началась операция десанта. Когда каюки достигли середины Дуная, наши суда прекратили огонь. В это время неподалеку от места переправы с нашего берега засветились две сигнальные ракеты, выпущенные румынскими шпионами. По этому сигналу со стороны румынского берега начался усиленный обстрел десанта пулеметами и артиллерией. Несколько каюков были пробиты и стали наполняться водой, человек 10 было ранено, остальные благополучно возвратились обратно. Наша флотилия возобновила обстрел румынского берега. Позже мы получили сведения, что у румын было много убитых и раненых. После этой операции т. Железняков уехал в Одессу.

В районе расположения наших частей и в самом Вилкове появилось много румынских шпионов. Были тут и русские белогвардейцы, якобы пробиравшиеся в Одессу, и румыны в военной форме и в штатском платье, выдававшие себя за перебежчиков и т. д. На правом фланге, возле села Нерушай, в разгар боя было обнаружено два случая шпионской работы. Один шпион был переодет в форму матроса, проявлял внешне большую активность,

а вместе с тем во время ночного боя подал знак сигнальной ракетой. По этому сигналу румыны стали обстреливать артиллерией данный участок. Второй шпион был пойман с донесением о расположении и количестве Красной гвардии. Оба шпиона были задержаны и отправлены в Вилков. При допросе выяснилось, что они были белогвардейскими офицерами и работали по заданию генерала Щербачева в пользу румынских оккупантов.

Кроме того в Вилкове действовала контрреволюционная организация, возглавлявшаяся бывшим городским головой М. Петрекеевым, его помощником Н. Зарзар, Я. Гончаровым и другими. От этой организации румынское командование получило сведения о нас. Для борьбы со шпионами и контрреволюцией ревком организовал военно-революционный трибунал. Несколько человек, задержанных на фронте и в Вилкове и уличенных в шпионско-контрреволюционной работе, были приговорены трибуналом к расстрелу. Приговоры приводились немедленно в исполнение.

14 февраля было последним днем нашей борьбы с румынскими оккупантами. На рассвете над Вилковым появился один, а затем несколько аэропланов. Одновременно с фронта стали поступать донесения, что над расположением наших частей тоже летают аэропланы и что в течение ночи и утром румыны стянули большие силы. 3 вражеских монитора и 2 миноносца подошли к Вилкову примерно на расстоянии 8 км. Наша первая рота, расположенная на берегу Дуная, оказалась в тылу румынского флота.

К 10 часам утра начался артиллерийский бой между флотилиями. К 12 часам дня обстрел усилился, в воздухе все время реяли аэропланы, совершавшие бомбардировку наших судов и Вилкова. На правом фланге тоже происходило большое сражение с участием полевой артиллерии. Бой флотилий длился целый день. Артиллерия с обеих сторон вела бесперерывный обстрел, орудия накалялись и переставали действовать.

В Вилкове несколько домов были превращены в груды развалин, на улицах и в домах лежали убитые и раненые. Отряд Красного креста с трудом мог оказывать первую медицинскую помощь. Все это длилось до 5 часов вечера. Мирное население, женщины и дети, не могли больше оставаться в своих рыбацких домиках, скрыва-

лись в песках и камнях, многие в поисках убежища уезжали на шлюпках на острова.

Положение нашей флотилии стало невыносимо тяжелым. На одной канонерской лодке вышло из строя орудие, на второй была ранена часть артиллеристов. Флот вынужден был уйти на 2—3 км ниже Вилкова. На фронте в течение дня несколько раз переходили в атаки и контратаки. Несмотря на превосходство румынских сил, Красная гвардия героически дралась и не уступала своих позиций, но к вечеру была вынуждена отступить на некоторое расстояние.

Мы созвали экстренное заседание ревкома с представителями флотилии. Большинство высказывалось за прекращение боевых действий, так как наши силы слишком малы, а помощи из Одессы не было. Примерно в 12 часов ночи ревком вынес решение: военные действия прекратить, снять всех с фронта, срочно погрузиться на пароходы и уходить в Одессу.

В эту же ночь в Вилкове произошел большой пожар, тушить его было некому, — все взрослое население было на фронте. Сгорели дома наиболее активных бедняков-рыбаков. Этот пожар был прямой местью кулаков бедноте за активное участие в борьбе против оккупантов, и, главное, против местных рыбопромышленников и кулачества.

15 февраля утром большинство частей прибыло в Вилков. Не задерживаясь, бойцы садились на рыбацкие каюки, брали с собой оружие и отправлялись к Полуночному каналу, где производилась посадка на пароход «Русь», некоторые же части грузились на военные суда. Один отряд, около 200 человек, остался в районе села Зелюкары и отступал на Аккерман.

К 11 часам дня посадка красногвардейцев на суда была закончена. Вокруг наших судов стояли десятки каюков, в которых сидели старики и женщины. Они перевозили наших красногвардейцев и после посадки ждали, пока мы уйдем в море.

Сразу после посадки выйти в море было невозможно, был большой шторм со снежной метелью. К вечеру шторм несколько успокоился, и мы ушли. На Дунае оставалось несколько барж с военным имуществом, увести которые в Одессу было невозможно из-за отсутствия буксира. Часть имущества перегрузили на уходившие

суда, две баржи потопили, а все остальное осталось ру-
мынам.

Через несколько дней после прибытия в Одессу наш отряд переименовали в Дунайский и под командой т. Железнякова отправили на станцию Слободка для участия в боях против немцев. В сражениях с немцами отряд наш был разбит, погибли лучшие наши товарищи-командиры А. Семибратнев, С. Золотарев и десятки красногвардейцев. Большинство из оставшихся в живых влилось в ряды Красной Армии, продолжая борьбу за великое дело Октября.

ЯКИР И. Э.

Родился в Кишиневе в 1896 г. Член КПСС с апреля 1917 г. В январе 1918 г. принимал активное участие в борьбе против румынской оккупации Бессарабии, затем после отхода советских войск на левый берег Днестра участвовал в организации революционных отрядов, в частности Тираспольского отряда. В период борьбы против немецких захватчиков был назначен командиром первого китайского батальона, сформированного из китайских рабочих. С конца 1918 г. до мая 1919 г. командовал группой войск VIII Советской Армии. В июле 1919 г. был назначен командиром 45-й стрелковой дивизии. В период известного в истории «Южного похода» был командующим Южной группой советских войск. Во время боев против белополяков командовал Фастовской, Злочевской и Львовской группами войск. Впоследствии И. Э. Якир — командовал войсками Украины и Крыма. С 1930 г. являлся членом РВС СССР, ЦИК СССР и УССР. За боевые заслуги Советское правительство наградило И. Э. Якира тремя орденами «Красного Знамени».

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО КРАСНОАРМЕЙЦА В БЕССАРАБИИ

Я никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал.

Начал я свою карьеру с того, что организовал 2—3 десятка бойцов и с ними на грузовике преследовал румын у Кишинева. Я думал, что ежели бы мы, кроме нескольких эскадронов крепкой конницы, располагали и пе-

хотой, то румынские оккупанты не так скоро захватили бы Бессарабию.

Итак, начал я с командирства над грузовиками с тем, чтобы потом, будучи вынужденным вместе с другими большевиками уйти из Бессарабии за Днестр, начать организацию красных отрядов. Так же, как небольшая группа моих товарищей, я занимался организацией, мобилизацией и прочими вещами, готовя сборные, сводные полки, батальоны и батареи.. За основу бралось имущество какой-нибудь царской части, поехавшей домой, намечался командир, и береговое приднестровское крестьянство подымалось против румынских помещиков...

Это не все, что приходилось делать в Тирасполе, центре Тираспольского отряда или, что то же, «Особой армии по борьбе с румынской олигархией» (название данное Муравьевым). Мне пришлось, кроме того, командовать — и чем бы вы думали! — «китайским батальоном».

Я думаю, что это был первый китайский батальон в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Создался он так. Тирасполь лежит в низине на берегу Днестра. Полтора месяца в Тирасполе мы находились на положении осажденных: непрерывный огонь румынских батарей, разгром одного штабного домика за другим, потеря ото дня на день новых товарищей. Отсутствие какой бы то ни было увязки с центром затрудняло наше положение, но одновременно укрепляло выдержку небольшой группы товарищей, взявшихся тогда за организацию красных полков.

Нашей опорой, вокруг которой мы формировали новые части, был славный 5-й конный Заамурский полк. Он целиком остался от старой армии, остался без единого офицера заамурца (они все сбежали) и затем целиком же проявил себя как прекрасная, сплоченная красная часть. Все заамурцы называли себя большевиками, и большинство из них позже действительно стало большевиками.

Итак, был у нас 5-й Заамурский полк под командой Кокарева, отряд Котовского, тоже конный, несколько бессарабских батарей и затем наши формирования — 1-й Бессарабский приднестровский полк, 2-й и т. д.

Настроение было воинственное. Братва ненавидела румынских оккупантов, ибо по ту сторону Днестра видны были свои родные поля, где не так давно мужик вдохнул

свободу, поделил было помещичью землю и где помещик сейчас, с помощью румын, мстил за это круто, кровожадно. Одни заамурцы были издалека, но они держались крепко, не расходились.

Людей вообще было немного, и воевать было трудно. Мимо нас ежедневно на всяких поездах, паровозах, лошадях, казенных и крестьянских, многими десятками, сотнями тысяч уезжали они на север, оставляя Румынский фронт.

Мужик не хотел воевать, не мог, он устал... Наши митинги, уговоры на станциях не давали никаких положительных результатов, только одиночки из тысяч оставались с нами.

Крестьянство херсонского берега также поднять всерьез на массовое движение не удавалось. Приходилось довольствоваться своими земляками бессарабцами, не имевшими дома, ненавидевшими оккупантов-румын и своих помещиков. Лишь в середине февраля Одесса понемногу начала раскачиваться и присылать отдельные отряды, но по своей организованности и дисциплине они в своем большинстве превзошли наши самые худшие ожидания.

У нас был военный совет, в состав которого входило по одному представителю от роты, эскадрона, батареи и отдельной части. Этот совет вершил дела, имея свой президиум, секретарями которого являлись Ваня Рожков и я. Кроме того, совет имел штаб и командующего.

Командовал у нас т. Венедиктов, позже погибший на Дону. Дальше у нас был «Генварм», «Дегенарм» и всякие прочие «армы». Сейчас уже не упомнишь точно. Первым был т. Левинзон, вторым — Гарькавый.

Был и свой суд, который вершился т. Меерсоном. Все эти основные роли находились в руках у крепких ребят, большевиков (некоторые из них оформили свое вступление в партию несколькими месяцами позже, когда мы выбрались в Советскую Россию).

Тяжело, откровенно говоря, было командовать. Соберется это человек 150 совета, всяк по-своему — и ничего не разберешь.

Мне вспоминается, как приехал к нам главнокомандующий Муравьев. Все были довольны. Наконец-то начальство, руководство, определенные перспективы. Собран совет. Муравьев хорошо говорил, большой был демагог

(предателем он сделался позже). Ударил это он себя кулаком в грудь, да как набросится на нас: «Моя доблестная первая армия, — говорит, — мрет под Рыбницею, а вы, предатели, не наступайте на Бендеры...» Никто, нужно сказать, нам не приказывал наступать. Мы даже сами два раза пробовали и удачно — правда, с большими потерями — перебрались через реку, да не только перебрались, но и регулярную румынскую армию гнали верст 30—40, а там выдыхались: силы слабы были — ну, и отходили.

Однако речь разжалобила, некоторые дядьки даже заплакали: «Как же это? Мрет первая, а мы вот как». Ну, и пошли... В третий раз пошли, хорошо дрались, много потеряли и... опять отошли. Отошли это мы, очухаться не успели, приказ от него же, от главнокомандующего: грузитесь срочно всей армией и отходите через Одессу на север, немцы вам в тыл вышли.

Вот это уж совсем новость была, неожиданность! Какие немцы, откуда они, что им здесь надо?... Однако грузиться начали. Грузиться нелегко было: не хотят дядьки ехать; не видят они немца, где он там, а хату и румына видно — вот они тут, теплая хата и злобный враг, и не могут понять сразу, как можно бросать свое поле и куда-то уходить.

Почти всех, однако, уговорили, одна только батарея не поехала, так и осталась с четырьмя пушками на берегу Днестра продолжать войну с румынами, отбивать свою землю. Уж как мы ни уговаривали — никак не могли пронять... не убедишь. Что было дальше с этой мужицкой, по-своему крепкой батареей, когда ей в тыл вышли австро-германские корпуса, а с фронта нажали румыны, не знаю. Думаю, разошлись... а может по своей крепколюбости и драться со всеми стали.

КИТАЙСКИЙ БАТАЛЬОН

Мысль бежит, срывается. Многое забыто, как-то боишься забыть и остальное.

Было это в одну из очень тяжелых ночей. Я был дежурным по отряду, лежал на соломе в хате. То и дело подымал меня с соломы телефон: то с одной заставы, то с другой звонят, кто по делу — разведка румын показала, кто без толку, просто так — скучно в ночи слушать редкий снаряд, очередь пулеметную. Измотался я до по-

следнего, да и кто не измотался тогда, в эти тяжёлые первые месяцы тяжелого года!

Под утро кто-то будит в сотый раз. Ночь на фронте прошла спокойно. Продрал глаза — предо мной в какой-то синей кофте китаец. Произносит одно слово:

— Васики... Я мой Васики...

— Что тебе? — спрашиваю.

— Китайси надо?

— Какие тебе китайцы?..

А он все свое твердит:

— Китайси надо?

Так я его и не понял, не понял его и наш «Дегенарм». (Слово это тогда произносили, но никто его не понимал).

Часа через два тот же китаец вошел в штаб и знаками предложил нам выйти во двор. Вышли и поняли: во дворе в строю стояли человек 450 китайцев. По окрику «Васики» они подтянулись, взяв, вероятно, «смирно». Оказывается, румыны, по подозрению в шпионаже, расстреляли трех китайцев.

Китайцы в тылу фронта работали на лесной порубке, вот они озлились на румын и пришли к нам. Голые они были, голодные. Ужасную картину представляли собой.

Людей у нас было мало, оружия много, не вывезешь, все равно придется оставлять, ну и решили мы — чем не солдаты? Будущее показало, что прекрасные солдаты были... Обули, одели, вооружили. Смотришь — не батальон, а игрушка. Вот меня и назначили ими командовать и направили нас на оборону старой Тираспольской крепости.

Сподручными у меня были — первый знакомец «Васика» и один китаец Сэн Фу-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший был солдат. Он-то собственно и командовал, а я так — верховное руководство проводил. Сначала они меня не понимали, я их тоже не понимал, и договориться было трудно. Станешь «Васике»-переводчику толковать (он был переводчиком, ибо лучше других объяснялся)... «жестами» — и форменная комедия происходила.

* * *

*

Как полагается вообще умным воякам, мы, получив распоряжение занять крепость, двинулись туда в колонне,

вперед которой ехали на лошадях я, Сэн Фу-ян и «Васика». Дорога в крепость местами шла по совершенно открытому месту, и здесь румыны нас тщательно обстреливали. Подавалась гортанная команда, и народ очень недружно, по-своему применялся к местности.

Итак, первое «умное» дело, совершенное батальоном под моим руководством, с помощью китайского «капитана», было движение в колонне под огнем по ничем не защищенной местности.

Второе — в крепости мы расквартировали свой штаб в пироксилиновом погребе с многоаршинными стенами (и позже принуждены были выбраться, ибо ни один телефонист не желал туда тянуть провода). Правда, здесь нужно отметить, что все строения были сожжены.

Освоились это мы в крепости, стали привыкать. Неудобное было наше расположение — мы внизу, румыны выше. Мы на виду, они чуть кого заметят — одиночку или группу — сейчас огонь.

Стояли мои посты над берегом... Проверял я их довольно часто... Поедешь как-нибудь без «Васики», оставишь лошадь, сдашь кому-нибудь на заставе, сам пойдешь. Ну и беды не оберешься! Всюду тебя с трудом допускают. Сначала наведет на тебя винтовку, орет благим матом: «Не хади». Потом узнает — расплывается: «Капитана», «Хади» — и всякие прочие любезности. Осмотришь все это, устанешь, возвращаешься к коню. Опять — «не хади», опять винтовка на изготовке — того и гляди пальнет... Ты «капитана», а он тебя же... не признает... Да, трудно было на первых порах.

Потом примелькался. Каждый знал, без хвастовства скажу — любил. Забот с ними было много.

*   *   *

*

Простояли мы до получения приказа Муравьева, а затем в арьергарде отходили... Штаб, артиллерию и еще не помню уж что — в эшелонах двинули, а нас — походиком. Мы и прикрывали...

Хорошо, гарантированно прикрывали. Китаец — он стоек, он ничего не боится. Брат родной погибнет в бою, а он и глазом не моргнет, подойдет, глаза ему прикроет, и все тут. Опять возле него сядет, в фуражке — патроны, и будет спокойно патрон за патроном выпускать. Если он

понимает, что против него враг (а наши тираспольские китайцы понимали это — много над ними румыны издевались, пороли), то плохо этому врагу. Китаец будет драться до последнего.

* * *

Я не помню как называется маленькая станция около Одессы, где мы встретились с немцами. Немцев было много, и они побили нас, но дрались мы хорошо, потеряли много, однако на нужное время задержали противника...

Мы уже отошли и подсчитывали раненых, потери убитыми и в пулеметах. Убитых было много, и пулемет один погибшим считали и знали, что раз погиб — значит не иначе, как пулеметчики убиты...

Через двенадцать верст на отходе ночью к нам вернулся пулемет с тремя людьми. Начальник пулемета был тяжело ранен, двое других приволокли его, а пулемет не бросили.

В то время это было, знаете, сильно.. Тут рядом целые склады оставляют старые царские полки. Пулемет чуть не пятерку стоил, а то и дешевле. Пушку можно было сторговаться и достать за те же деньги... А они и товарища раненого и оружия своего не бросили...

После этого дела батальон еще крепче стал. Сошлись мы, сроднились...

Только раз неприятность одна получилась. Жалованья китайцы по 50 рублей получали и на жалование очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Да, так вот. Приходят это ко мне их уполномоченные и говорят, что их «нанималось» 530 человек, и, значит за всех я и должен платить. А скольких нет (в бою этом мы, пожалуй, человек 80 потеряли), то ничего — остаток денег, что на них причитался, они про-меж всеми поделают.

Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, — не по-нашему. Все же они свое получили. Другой довод привели нам, говорят, в Китай семьям убитых посылать надо.

Много хорошего было у нас с ними в долгом многострадальном пути через всю Украину, весь Дон, на Воронежскую губернию. Большинство их погибло, но об этом после...

Я почти ничего не сказал об основе отряда. О тех, благодаря которым уже тогда, в январе восемнадцатого года, удалось сколотить довольно крепкий отряд численностью тысяч пятнадцать и не только сколотить, но и в значительной своей части сохранить.

О заамурцах. На Румынском фронте было несколько конных заамурских полков. Мне довелось близко знать 5-й и 6-й конные полки, из них 5-й — наша твердокаменная основа.

Еще в Бессарабии 5-й был единственно твердой опорой большевиков. Все офицеры в один прекрасный день от него тайком ушли, но полк не только не распался, но еще более спаялся. На сотнях у него стояли старые унтеры, то же на полку. Все они были наши... мужицкие командиры... Выработались они позже в прекрасных коммунаров и многие, пожалуй, почти все — погибли в боях за рабоче-крестьянское дело... Из 30—40 командиров я знаю только двоих живых: Кокарева, все болеет, на грудь жалуется, да Медведева — пулеметчика, начальника команды, потом командира полка, да и тот раненый — рука перебита.

Политические же организаторы этого славного полка все погибли. Погиб комиссар Иван Рожков, храбрый крепкий большевик, погиб, когда вырос в большого хорошего работника, погиб уже под конец гражданской войны, под Мелитополем: ногу снаряд оторвал, врача вблизи не было, ну и погиб, а война через две недели кончилась...

В последнее время он уже командовал 2-й Блиновской дивизией, а до этого все политработником-комиссаром был.

Милешин, секретарь нашего большевистского коллектива, умней всех нас был и большевик постарше, очень мы его любили, слушали. Этот от Краснова погиб. Зарубили казаки.

Гуровой, помощник командира Гожий, и не перечесть добрых боевых товарищей, один за другим подымавшихся со взвода на эскадрон, с эскадрона на высокую должность командира полка и затем, или до этого честно сражаясь за революцию, отдавших свою жизнь.

ГАЛАЙДА (ПОНЯТОВСКИЙ) Г.

Рабочий-слесарь, родился в семье бондаря в местечке Луканье Полтавской губернии в 1896 г. На путь революционной борьбы вступил в 1917 г., был членом армейского комитета Киевского гарнизона. Член КПСС с 1917 г. По поручению Одесского обкома КП(б)У, в 1918 г. прибыл для организации подпольного коммунистического движения в Бессарабию, оккупированную румынскими войсками. При активном участии Галайды к началу 1919 г. на территории Бессарабии уже были созданы подпольные партийные организации в Оргеевском, Кишиневском, Бендерском, Аккерманском, Измаильском и Кагульском уездах. В августе 1919 г. был арестован румынской сигуранцей и судим в Румынии по процессу «108». Правители боярской Румынии приговорили Галайду к смертной казни, затем, после пересмотра дела в Яссах, смертную казнь заменили каторгой на 5 лет. В 1922 г. в августе был освобожден из тюрьмы и вернулся в СССР. В Советском Союзе занимал различные ответственные посты на партийной и советской работе.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕССАРАБИИ ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ

Начало подпольной работы в Бессарабии относится к лету 1918 года, но налаженная связь с уездами и за-

кладка в них фундамента партийной и революционной работы относится к октябрю — ноябрю 1918 года.

После эвакуации в Бессарабии парторганизации как таковой не осталось. Это объясняется тем, что отступление из Бессарабии рассматривалось, как временное явление. Остались только отдельные товарищи, работавшие раньше в партклубе и во фракции Совета в Кишиневе. В Бендерах же не было и этого. Имелись только элементы, активно сочувствующие советской власти. В Аккермане и его окрестностях было много бывших матросов и революционной молодежи, стоявших за Советскую власть. В Леово было 1—2 человека из принимавших участие в работе большевиков. А вообще по всей Бессарабии, в каждом городе и селе, даже, пожалуй, в каждой семье, после зверств, чинимых румынскими оккупантами, появились активные сторонники Советской власти.

В то время между Тирасполем и Бендерами курсировали служебные поезда, а между Аккерманом и Одессой два или три раза в неделю — пассажирские. Управление железной дороги находилось в Одессе и издавало свои циркуляры по Бессарабии.

В этих условиях, не ощущая работы на месте, бессарабские активисты начали искать «начало», то есть центр, откуда должна исходить революционная борьба. Тов. Старый предпринял попытку связаться с партийным руководством, узнать, что делается в Социалистической республике. Хотинцы отправились в Одессу и Кишинев, где уже с лета или весны 1918 года была инициативная группа — комитет.

Во всех крупных селениях создавались всевозможные группы активных сторонников изгнания румынских захватчиков. В большинстве это были сторонники Советской власти. Всех активистов дорога вела в большевистскую организацию, которая одна действительно начала работать и бороться против оккупантов. Бывший в то время секретарем временного комитета Аркадий встретился со Старым и вернулся, уже зная, что ему делать.

Мне пришлось одному из первых явиться к Старому. Помню, я хотел «арендовать» у него комнату. Через день-два мы уже создали собрание из представителей инициативной группы на квартире у «Дяди Вани», возле лагерей. «Дядя Ваня» встречал у калитки, задерживая

пришедшего разговором у ворот в случае, если на улице были прохожие.

Выработка плана организационных мероприятий заняла очень мало времени, а затем посыпались расспросы: «Что происходит в РСФСР? Что с Германией?» А самое главное, «Скоро ли придут наши?» Это было лейтмотивом всех расспросов.

На этом собрании инициативная группа была оформлена в оргбюро (с введением туда Старого) по созданию партийной организации большевиков. В его задачу входило провести подготовительную работу, созвать более широкое собрание и выбрать комитет. На заседании присутствовали (сколько помнится) Старый, железнодорожный рабочий-столяр, имевший основательные связи с железнодорожниками; Черкаш, бывший матрос, и в городе и в деревне у него были свои люди; «Дядя Ваня» — мельничный рабочий, имевший обширные связи в городе; какой-то сапожник и молодой студент (фамилий и имен последних двух не помню).

От этой группы быстро разветвились связи во всех слоях населения уезда. К весне уже имелась довольно крепкая и обширная организация.

После того как Аркадий побывал в Аккермане, он сообщил мне, что там отсутствует организация как таковая. Моей задачей было создание партийной ячейки-комитета и затем организация ревкома. Я собрал сведения о товарищах, примыкавших раньше к большевикам, которым можно было довериться. Было организовано инициативное партийное собрание. На нем присутствовало, кажется, человек 8—9, не считая меня. Помню только Черноброва, Михайлова и «Ваню». Большинство были железнодорожники, все уже в годах. У всех у них имелось обширное знакомство среди крестьян, чабанов, матросов. Настроение было боевое. Собрание было довольно шумное, видно было, что они не опасаются соседних хат; в них жили свои, готовые по одному знаку выскочить из хат и гнать «куркулей».

На собрании был выделен партком, в который помню вошли Чернобров и «Ваня». Остальных не помню. Кажется, на этом собрании наметили ревком. Была выработана своеобразная конституция взаимоотношений ревкома с парткомом.

По моему мнению, аккерманская организация была

наиболее сильной и имела наиболее глубокие корни среди населения сел. Этим, собственно, объясняется тот факт, что наибольшие экзекуции по отношению к земельным комитетам со стороны румынских жандармов были произведены в Аккерманском уезде. Именно здесь производились зверские порки десятков и сотен крестьян и массовые расстрелы.

В Оргеевском уезде работу начала вести местная молодежь, с которой связался Аркадий. Хотин и Бельцы, будучи оккупированы немцами, не могли держать тесную связь с Кишиневом, они больше были связаны с Каменцем и Могилевом. Их работа была вполне самостоятельной и имела массовый характер. Как известно, они при уходе австрийских войск восстали, но, будучи обмануты Украинской Радой, власть которой была в Могилеве, не получив от нее поддержки, героически сражались и были раздавлены оккупантами.

Румыны огнем и кровью залили это восстание, — жертвами пали десять тысяч повстанцев, многие были приговорены к вечной каторге.

В Кагульском и Измаильском уездах организация развилась сразу вширь, не успевая охватывать массу организационно и оформлять крупные ядра. Работа имела свои очень слабые и уязвимые стороны. Она велась лихорадочно-быстро, спешили создать хоть кое-какие кадры, которые, казалось, могут немедленно понадобиться.

Революция прорывалась всюду: в Австрии, Германии, Болгарии, Венгрии, освещая своими факелами путь всем угнетенным. Эта ситуация, конечно, подбадривала и отражалась и в Бессарабии: «Скорей, вот-вот наступит час!»

К апрелю 1919 года, ко времени первой областной конференции, партийные организации уже были во всех уездах: Оргеевском, Кишиневском, Бендерском, Аккерманском, Измаильском и Кагульском. Три северных уезда были разгромлены после восстания.

Черновая организационная работа во многом почти была закончена. Предстояло создать областной центр и начать более тщательную организационную работу. Нужна была большая четкость в революционной и партийной работе. Нужно было начать проверку и отбор кадров-партийцев для систематической дальнейшей работы. Проведение этого принадлежит уже последующей эпохе.

ТИМАНЮК К. А.

Родился в Молдавии в м. Дубоссары. Член КПСС. В период борьбы против немецких захватчиков и гетманской диктатуры Скоропадского принимал активное участие в партизанском движении и был одним из организаторов Дубоссарского партизанского отряда. Весной 1919 г. вместе со своим отрядом участвовал в разгроме мятежных войск, возглавляемых предателем Григорьевым. Затем Дубоссарский партизанский отряд вошел в 3-й Бессарабский полк, а позже в 405-й полк 45-й стрелковой дивизии. После окончания гражданской войны работал в Москве, а в 1930 г. в Казани. В 1932 г. являлся преподавателем Саратовской военной школы.

ДУБОССАРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

В марте 1918 года по одну сторону Днестра оказались оккупанты-немцы. Победившая контрреволюция принесла Приднестровью белогвардейские расправы, холод и нужду.

Сформированный в Яссах под руководством генерала Щербачева белогвардейский отряд подполковника Семёнова в ночь с 2 на 3 марта переправился через Днестр у местечка Дубоссары под охраной румынских и немецких часовых. В отряде было 400 офицеров, 12 орудий, 2 радиостанции, много пулеметов.

Днем 3 марта казаки с помощью нагаек собрали на митинг молдаван Дубоссар и окрестностей. Высокий офицер в гусарских сапогах, с хлыстом в руках держит речь «о бедной, несчастной России» и заканчивает: «Кому дорога Россия, тот за мной! На Дон! За единую, неделимую Россию!» Но никто из четырех тысяч молдаван добровольно не записался, и митинг был разогнан нагайками казаков.

Парами и тройками расквартированы офицеры в Дубоссарах. В квартирах пир. Пируют по случаю «победоносного» отхода из Бессарабии и «победоносного» же вступления на территорию Украины. После попойки офицеры спят. Не спят только подполковник Семенов, радиостанции, батарея и громилы-патрули. Но бодрствуют также и коммунары-подпольщики и партизаны-молдаване. Они готовы к бою и только ждут сигнала.

В три часа ночи 4 марта подполковник Семенов, сопровождаемый адъютантами и усиленным конвоем, подошел к дверям занимаемой им квартиры. Короткий карабинный залп партизан Кости, Миши и Степы нарушил ночную тишину. На взрыв ручной гранаты откликнулись тревожным звоном колокольной семи дубоссарских церквей.

Трещат ручные пулеметы. Беспорядочная ружейная стрельба. Грохочут взрывы ручных гранат. Где-то высоко-высоко вспыхивают светящиеся ракеты. Возле батареи противника и у радиостанции слышна четкая и твердая команда коммунаров-подпольщиков Гриши и Оськи. «Уничтожай предателей!»

Заспанные, полупьяные и совсем пьяные бегут офицеры на сборный пункт.

Так ответили молдаване на призыв Семенова сражаться за «единую неделимую». Они оставили себе на память радиостанцию, 4 замка испорченных орудий батареи и другое военное имущество.

* *
*

Март 1919 года. На Балтской улице в местечке Дубоссары взволнованное население чего-то ждет. Начальник гетманской варты (стражи, милиции) Хаджинов мобилизовал все свои силы. Его пулеметы, ручные гранаты и винтовки в боевой готовности

— Тов. Костя, на горе показался петлюровский разъезд. Из местечка Окны сегодня в 12 часов выступил их отряд, до 800 человек пехоты с артиллерией и до 200 конницы, — доложил разведчик-подпольщик Сидор Березовский.

Гуляя с Анной Овручевской, Костя подошел к площади. Галопом пронесшаяся сотня петлюровских сечевиков подняла облако пыли. Толпа зевает и свои люди заполнили площадь. Все ждут проезда главных сил петлюровцев.

Ждали недолго. Вот их атаман — на вороном коне, высокий, стройный и пестрый. Широкие казачьи шаровары, кривая «шаблюка» и шелковый темляк. С гладко бритой головы свисает прядь волос — «оселедец». Гарцуя на коне, атаман поклонился начальнику варты и повернул за угол. Конница, артиллерия и пехота на подводах с пулеметами потянулись за ним.

На углу — еврейская лавчонка с вязкой бубликов на дверях. Отставший «лихой» казачок-сечевик обнажил клинок и, подняв им висевшую на дверях лавчонки вязку бубликов, бросил ее и сказал: «Дивчата ишьте»... Старый еврей заплакал и побежал собирать бублики, а казак рубанул... Голова старика покатилась к бубликам... Костя свалил казака с коня. Ребята добились его...

*   *   *
\   *   /

Ручная граната на столе начальника варты Хаджинова. Его голос и руки дрожат. Он, читая, спрашивает: «Константин Александрович, так?!» Константин Александрович берет из рук начальника варты листок, на котором написано: «Обязанности начальника варты сдал Сандулову. Варте приказываю выполнять распоряжения Сандулова».

Бумажка передана старшему вартовому т. Сандулову — он же знаменосец Дубоссарского партизанского отряда. Сандулов отдает варте приказ: в ружье и не допускать погрома в местечке. Пулеметы расположить на Конной площади, возле управы и на бульваре. Огонь открывать по приказанию т. Вржижевского.

*   *   *

Только лай собак напоминает, что позади остались Дубоссары. В двух километрах от села Лунга Костю и

Сидора Березовского, вышедших на разведку, задержал петлюоровский патруль: «Куда идете?»

— В Карантин — домой...

— Жиды задержали наш обоз, утром перережем, — говорит пьяный голос. В тот же момент петлюовец падает в канаву, сваленный ударом приклада собственной винтовки. Второй патрульный ведет разведчиков в Карантин и дрожа говорит: «Атаман у Фогеля гуляет» (Фогель — трактирщик, колонист-немец)... «Пехота на берегу Днестра готовит паром, а конница и артиллерия на площади возле церкви».

На рассвете, возвратившись с разведки, узнаем, что обоз противника действительно задержал Степа Козюлич, но подводчиков отпустили. На сборном пункте подпольщики не собрались. Десятка два-три парней спрашивают: «Костя, а когда будем брать петлюоровское золото?..»

Страшновато, но голос тверд и четок: «Сбор по сигналу три ракеты и колокольный звон во всех церквях, и все в Карантин. Поняли?».

*   *
*

Здание табачной фабрики Лафсрма в Дубоссарах памятно еще по борьбе с немцами-оккупантами в июле-августе 1918 года. Теперь здесь не оккупанты-немцы, а десятка два-три арестованных петлюоровцев и десятки надежных бойцов-подпольщиков. Вот-вот настанет рассвет... Многие спят, другие, затаив дыхание, сжимают винтовки и клинки, ожидая приказа.

Короткий выстрел нарушил тишину. Он разбудил Сидора на колокольне лунговской церкви. Поняв, что настал момент, Сидор ударил тревогу. Ему ответили еще семь церквей местечка Дубоссары и селений Погребы, Карантин, Магала и Коржево.

Прорвавшийся к фабрике взвод конницы противника встречен дружным ружейным залпом подпольщиков, короткой пулеметной очередью Никиты Чекира и тремя разорвавшимися высоко-высоко ракетами. Пулеметный огонь отозвался на всех боевых участках подпольщиков, и наступление партизан началось.

Петлюоровская конница была встречена метким пулеметным и ружейным огнем. В ответ на попытку петлюоровцев открыть артиллерийский огонь партизаны атако-

вали батарею ручными гранатами. Окруженный, деморализованный и жестоко побитый противник принялся спасать свое золото. Кое-кому посчастливилось. Сбежал и их атаман к румынам на плоскодонке...

* * *

*

Получена телефонограмма: плосковский партизанский отряд Колесникова и тираспольский партизанский отряд Попова (в дальнейшем он предал дело революции) окружены петлюровцами и находятся в большой опасности. Дубоссарцы построились и с песней двинулись в поход на помощь Колесникову и Попову.

Песня заликает виноградники немца-колониста Фогеля. Могучее эхо разбивается о склоны Карантинской горы и правый берег Днестра. На площади следы петлюровского обоза и выведенная из строя артиллерийская батарея. На берегу Днестра группа партизан не теряет надежды извлечь из воды замки к орудиям. Отданы все распоряжения будущему командиру партизанской батареи. Прощальное «ура» красным артиллеристам прерывается огнем румынских пушек с бессарабского берега.

Местечко Григориополь встречает партизан радостно. Отряд пополнен местными партизанами — с ними Оська Остапенко, Шутак, Ильин и другие.

Село Ташлык еще не раскачалось, чего-то ждет... Вечером достигли села Малаешты. Тов. Кожухарь, руководитель здешних партизан, говорит:

— Мы вот уже 5 дней отбиваем атаки петлюровцев и румын. Эх, и много же их... Но все бегут в Бессарабию.

— Мост Бендерский надо взорвать.

— Пробовали, но неудача... Наших переловили и расстреляли.

— Попробуйте еще раз. Прощайте... Смотрите, обеспечивайте правый фланг.

Наконец, добрались до штаба плосковского отряда. В штабе шумно, одни работают, другие здесь же спят. Старшего или младшего не разберешь. Дежурных и дневальных тоже нет...

— Я Черненко, начальник штаба отряда Попова. Вам что нужно?

— Дубоссарские партизаны прибыли на помощь!

— Хорошо, утром разберемся, а теперь накормите людей и смените охранение на центральном участке.

На макушке холма в селе Плоском — старообрядческая молельня. На ее крыше — наблюдательный пункт. Как на ладони, видны все подступы к селу, но подступы к Тирасполю, бендерскому железнодорожному мосту и крепости скрыты. Хорошо видно, как в радиусе 5—10 километров кипит работа. Роют две-три линии окопов, устанавливают проволочные заграждения. Редкий артиллерийский огонь петлюровцев и румын не останавливает работ. Все знают: минуты дороже часов, а потеря Плоского равносильна потере головы.

Дневные атаки сечевиков и пехоты бандита Козубского отбиты. Но артиллерийские снаряды вызвали пожары в разных концах Плоского.

Переговоры с парламентарями о перемирии на 3 дня закончились расстрелом петлюровских дипломатов.

Ночные атаки петлюровцев тоже отбиты.

Утро... Наша берет... Вперед, на Тирасполь!

Снаряд петлюровцев попал в упряжку первого орудия нашей батареи. Шрапнель со свистом лопается над цепью наступавших партизан. Но и эта последняя атака петлюровцев отбита. Они бегут к железнодорожному мосту.

Вечером колонны партизан подошли к северной окраине Тирасполя — селу Ближний Хутор. В голове колонны оркестр, знамена. Встречают делегаты от населения Тирасполя. Родные и знакомые спрашивают об участи отцов, братьев, сыновей.

Отряды красных партизан на подступах к Тирасполю. Далеко навстречу прибежали жены, дети, сестры, братья, матери, знакомые.

...Митинг закончился и отряды стали расходиться по квартирам. Сегодня можно разрешить себе роскошь поспать в тепле и уюте. Противник укрылся за Днестром. Оставшиеся в Тирасполе белогвардейцы запрятались и молчат. Многие вчерашние сечевики в последний час бросили Петлюру, надеясь пробить себе обратно дорогу в учительские, сельскохозяйственные, духовные и другие семинарии, откуда большинство их влилось в петлюровское войско.

Прекратившийся в момент вступления партизан в город артиллерийский огонь румын и петлюровцев с бесса-

рабского берега Днестра возобновился. Огонь сосредоточен по району вокзала, по крепости, Астраханским казармам и мосту на Покровской улице. Наши батареи молчат. Конные патрули и пешие дозоры густо расставлены на берегу Днестра от села Парканы до села Граденицы.

Поздно ночью разместили по квартирам Базарной и Рыбной улиц партизан Дубоссарского отряда.

Все отряды пополнили свои запасы вооружения, боеприпасов, обмундирования, снаряжения, военного имущества.

Опубликовано воззвание, извещающее, что власть в городе взял в свои руки революционный комитет. Ревком поставил своей задачей в кратчайший срок обеспечить полный революционный порядок и создать высокодисциплинированные молдавские военные части РККА.

ГУЛЯНИЦКИЙ Т. М.

Старый рабочий-металлист, член КПСС с 1917 г. организатор Красной гвардии в Елизаветграде. В 1918 г. был командирован ЦК РКП(б) на Украину для подпольной работы. В июне этого же года, прибыв в распоряжение подпольного Одесского обкома, направляется в Ананьевский уезд для организации партизанского отряда для борьбы против немецких захватчиков, гетманцев и петлюровцев. Руководимый Гуляницким партизанский отряд участвовал в мае 1919 г. в подавлении антисоветского мятежа предателя Григорьева. Влившись в состав 45-й дивизии, отряд принимал активное участие в борьбе с кулацкими контрреволюционными выступлениями и петлюровскими бандами в районе Приднестровья, в период «Южного похода» входил в авангард 45-й советской дивизии. После тяжелого ранения на деникинском фронте Гуляницкий в апреле 1920 г. был демобилизован из рядов РККА. За отвагу и мужество в боях за Советскую власть награжден орденом Красного Знамени.

1-ЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ...

В июне 1918 года ЦК партии большевиков командировал меня из Москвы на Украину для организации партизанских отрядов и для подпольной работы. Я явился в распоряжение Одесского областного подпольного коми-

тета РКП(б) и был направлен в район бывшего Ананьевского уезда.

В Ананьевском уезде я поселился в селе Счастливка Голованевской волости. Село маленькое, всего около 40 дворов, почти 90% крестьян батрачило у крупного помещика Карла Фратца. Вокруг Счастливки на сотни верст раскинулись владения крупных помещиков-немцев, имевших от полутора до двух и трех тысяч десятин земли. Таким образом, здесь было немало батраков и почва для работы была благоприятная. Село Счастливка являлось к тому же еще и родиной моей жены. В Счастливке в 1903—1905 гг. я проводил революционную работу, там же скрывался от преследования жандармов в период реакции 1906—1907 гг. и был арестован за руководство забастовкой сельскохозяйственных рабочих у помещика Келлера в 1907 году. К этому нужно добавить, что в 30 верстах от села Счастливка был расположен город Голта (теперь Первомайск), в котором было два небольших механических завода и железнодорожные мастерские. Вот, собственно говоря, те причины, в силу которых я избрал этот район для своей подпольной работы.

Связь с рабочими завода я поддерживал через двух братьев моей жены — Герасима и Константина Федоровых и через шофера помещика Фратца Луку Савицкого. Работать подпольно было трудно, так как в каждом селе и в каждой помещичьей экономии стояли довольно большие петлюровские или гетманские отряды, к тому же кулачье устраивало слежки за мной. Несмотря на эти трудности к октябрю 1918 года мне все же удалось создать в селе Счастливка подпольную ячейку РКП(б) в числе 11 человек и попутно с этим приступить к организации отряда.

Первое организационное собрание желавших вступить в отряд было проведено 9 ноября 1918 года в темную, помню, дождливую ночь, на хуторе помещика Круссера. Хутор этот находился в глубокой балке, на 8 верст вокруг — никакого жилья. На собрание прибыло 63 человека, не считая 11, уже состоявших членами ячейки. Я сделал доклад о необходимости борьбы с оккупантами, с гетманско-петлюровской помещичье-кулацкой властью и предложил образовать партизанский отряд. Все присутствующие изъявили согласие записаться в отряд и на четвертушке листа вскоре появилось 74 подписи. Отряду

дали название: «1-й Партизанский Коммунистический отряд т. Гуляницкого».

После организации отряда встал вопрос об оружии. Я располагал пока лишь 3 винтовками, затворы у которых от долгого хранения в земле заржавели и почти не действовали. Достать оружие было очень трудно, так как немцы расстреливали крестьян даже в том случае, если находили у них один патрон.

Вскоре я узнал от своего товарища рабочего-литейщика из Голты И. Недина, что на заводе Фратца в Голте имеется 16 винтовок и очень много ящиков с патронами русского образца, и что все это спрятано в обшивке потолка в слесарном цехе. Это оружие, — говорил т. Недин, — можно получить лишь с разрешения предзавкома. Короче говоря, через три дня, ночью, рабочие завода передали нам 16 винтовок, 24 ящика патронов, пулемет системы «Кольт» и 4 ящика лент к нему. Все это мы погрузили на две подводы и 12 февраля 1919 года, созвав ночью общее собрание отряда, вооружились.

18 февраля 1919 года, также ночью, я с группой в 21 человек разоружил отряд австрийцев в 150 человек. Отряд не мог оказать нам никакого сопротивления, так как налет наш был очень быстрый, решительный, австрийцев к тому же мы застали спящими в казарме. Попытавшиеся сопротивляться два офицера, фельдфебель и доктор были нами убиты. Было захвачено 163 винтовки, 2 пулемета системы «Максим», один пулемет «Льюиса», 3 пулемета «Шоша», очень много патронов и около 50 штук ручных гранат.

Этот первый успех сильно воодушевил партизан, и они готовы были начать более активные действия. 20 февраля отряд уже насчитывал 160 человек. Боевых действий долго ждать не пришлось и уже 23—24 февраля 1919 года отряд разоружил австрийцев еще в трех экономи́ях. Также были разоружены два гайдамацких «курения».

Мы решили организовать волостной революционный комитет в Голованевской волости, а в экономии Фратца расположился штаб отряда. У нас появилась конная сотня. К первым числам марта отряд увеличился до 250 человек, из которых 90% являлись бывшими фронтовиками. Дисциплина в отряде была железная, товарищеская спайка крепкая. Помню, в отряде был такой обы-

чай: любого, кто без команды покидал поле боя, каждый партизан имел право расстрелять на месте.

В марте и апреле отряд вел упорную борьбу с петлюровцами и кулацкими бандами. В апреле отряд, насчитывавший уже 360 человек, переходит в Голту и охраняет этот важный пункт от банд петлюровского полковника Волынца.

Тогда же, в апрельские дни 1919 года, нам пришлось участвовать в подавлении григорьевского восстания. Обстоятельства сложились так, что для ликвидации восстания могла быть выделена лишь часть отряда в количестве 120 человек, остальная же часть вынуждена была биться с бандами Волынца.

С григорьевщиной было покончено довольно быстро. Из 120 посланных для борьбы с григорьевцами возвратилось 110. Десять партизан отдали свою жизнь в боях против врагов революции. Возвратившиеся привезли с собой два горных орудия, правда без передков, и вагон снарядов, но от полевых 3 дюймовых орудий. Трофеям, как и дареному коню, в зубы не смотрят. Радостно и торжественно встречали мы своих бойцов, привезших эти боевые трофеи.

Вскоре отряд получил и второе боевое крещение в боях с бандой Волынца в районе Хоцеватой. Бой длился 3 часа. Наш отряд потерял 7 человек убитыми, 11 человек было ранено. Я тоже был ранен. Банду Волынца мы все же заставили отступить, она оставила на поле боя 16 убитых, 19 раненых и 29 бандитов было нами захвачено в плен.

Возвратившись после боев с бандой Волынца в Голту, я получил телеграмму из штаба 45-й дивизий, предлагавшую мне прибыть с отрядом на ст. Бирзула в распоряжение начальника 45-й дивизий. 28 июня я прибыл в Бирзулу и в 10 часов утра построил свой отряд на площади за вокзалом Бирзулы для смотра. Парад моего отряда принимали тт. Якир и Гарькавый. Они остались очень довольны боевым видом и дисциплиной отряда. От Якира я получил благодарность за новую боевую единицу, а 5 июля 1919 года отряд, влитый в дивизию, получил название «1-й Коммунистический отряд Особого Назначения при Штабе 45-й Советской стрелковой дивизии».

Из Бирзулы отряд распоряжением начдива 45 был

послан снова против надоедливых банд Волынца, которые наступали на Балту и уже успели занять город к моменту прибытия нашего отряда. Коротким ударом банда Волынца была наполовину уничтожена, остальная часть скрылась в лесах. Преследуя бандитов, отряд занял городок Ольгополь, что на северо-востоке от Первомайска, и линию узкоколейки Гайворон — Рудница.

Долго задержаться на этом участке, однако, не пришлось. События шли довольно быстро. Одесса оказалась под угрозой высадки белогвардейского десанта. Французские крейсера стали все чаще и чаще появляться на горизонте перед Одессой. В районе расположения дивизии контрреволюция поднимала то тут, то там восстания. Помню, как с половиной отряда был срочно вызван т. Гарькавым в Бирзулу. Прибыл в 10 часов вечера. Явился к нему. Штаб помещался на 2-м этаже железнодорожного училища. Илья Иванович, как всегда серьезный, протянул мне руку, и не сводя глаз с разложенной на столе трехверстки, проговорил:

— Ну что, прибыл?

— Да, прибыл... Что дальше?

— А дальше вот что. Здесь недалеко станция Веселый Кут, а в нескольких верстах от нее немецкая колония Цебриково. Там что-то немцы шалят. Черт их знает, чего они собственно хотят. Ты сейчас же отправляйся на Веселый Кут, утром займи Цебриково, узнай, что хотят немцы, всыпь им хорошенько, восстанови Советскую власть и возвращайся в штаб!

— Слушаюсь. Все будет выполнено, — ответил я, — но дело вот в чем, у меня в отряде нет ни одного фунта хлеба. Прошу отдать распоряжение начснабдиву 45 о выдаче хлеба, консервов, а также 10 000 патронов.

— Хорошо.

В течение одного часа я все это получил и уже в 24.00 с отрядами отправился усмирять немецких кулаков. На станцию Веселый Кут мы прибыли на рассвете. Здесь я узнал, что дело обстоит не так просто, как его обрисовал мне т. Гарькавый. Оказалось, что восставших колонистов около 2000 человек. Они хорошо вооружены — ушедшие австро-германские оккупационные отряды оставили им немало оружия. Кроме того, повстанцы успели разоружить стоявший в Цебрикове артиллерийский дивизион в 200 человек, напали ночью на спящих красно-

армейцев, расстреляв весь командный состав, и особенно поиздевавшись над коммунистами. У меня же было всего 195 человек.

Неравенство сил было налицо. И все же в 8 часов утра я послал железнодорожного стрелочника в Цебриково с предложением немедленно освободить арестованных красноармейцев артдивизиона и сдать оружие. Срок 4 часа. В ответ на мое предложение немцы начали наступление на Веселый Кут. Мы их встретили пулеметным и ружейным огнем, и кулачье отошло в Цебриково.

На следующий день отряд на рассвете повел наступление на Цебриково. В двух верстах от колонии он был встречен сильной винтовочной и пулеметной стрельбой, но все же в 2 часа дня колонию мы заняли и пленных красноармейцев освободили. В бою мы потеряли 11 человек убитыми, около 20 человек было ранено.

Снова была пролита кровь лучших бойцов!..

Не успели мы покончить с восстанием в Цебриково, как получили приказание из штаба дивизии ликвидировать кулацкое восстание в районе Ананьева (села Пасицелы, Святотроицкое, Жеребково). Интересно отметить, что молдавское кулачье села Пасицелы, поднявшееся под руководством помещиков и офицеров против Советской власти, объявило себя ни больше, ни меньше... Молдавской республикой. Кулаки разобрали железнодорожный путь на участках Голта—Бирзула и Голта—Жеребково, перерезали телеграфные провода. Появилась так называемая «народная власть» во главе с помещиками и офицерами.

Я был назначен начальником боевого участка Бирзула—Помощная (расстояние по железной дороге около 180 верст) и получил задание пробиться до Голты и Помощной, в Голте соединиться со второй половиной моего отряда, занять Помощную, очистить ее от банд Махно и удержать эту станцию для пропуска поездов по линии Одесса—Бахмач. Одновременно мы должны были подавлять кулацкое восстание в этом районе.

Отряд наш был маленький, всего около 150 человек. Нужно было в обстановке кулацких восстаний пробиваться более сотни верст, восстанавливая разобранный путь, налаживая связь, причем все это необходимо было сделать в кратчайший срок.

И вот началась тяжелая неравная борьба. Вторая

часть отряда под командой моего заместителя т. Ткаченко и политкома т. Авраменко¹ пробилась из района Ольгополя в Первомайск. В Первомайске к ним присоединился Рославский железнодорожный батальон, очень недисциплинированная часть, наделавшая затем немало бед.

3 августа 1919 года этот отряд начал пробираться от Голты на Помощную и в 2 часа дня вступил в бой с маховскими частями. Рославский батальон проявил нестойкость и под первым натиском маховцев обратился в паническое бегство и тем самым ухудшил положение старых партизан отряда. Последние сопротивлялись до 10 часов вечера и уже, когда не осталось ни одного патрона, начали отступать по направлению к селу Благодатное, готовые встретить врага в штыки. В результате около 60 человек из отряда вместе с т. Ткаченко попали в плен, его заместитель т. Авраменко был тяжело ранен.

Остатки отряда отступили и ночью 4 августа скрывались в камышах на берегу реки Буг. Выслав 3 человека для разведки в сторону Голты, Авраменко узнал, что Голта находится в руках кулачья и что 45 человек пленных нашего отряда заперты в леднике пивоваренного завода и приговорены к расстрелу. Разведка установила также, что со стороны Бирзулы к Первомайску продвигается наша часть отряда. 5 августа 1919 года мы встретили кулацких повстанцев у села Вradiевка, разбили их и ночью подошли к станции Каменный Мост. Нам было оказано сопротивление, но все же после решительного натиска кулачье разбежалось, бросив на коновязи около 80 лошадей.

6 августа мы заняли Первомайск и освободили красноармейцев, попавших в плен под Помощной. В отряд скоро начало возвращаться много красноармейцев, бежавших от Махно. Все они были сильно избиты бандитами, некоторые были изуродованы до неузнаваемости. Так, например, я не мог узнать своего заместителя Ткаченко, настолько он был избит.

8 августа наш отряд уже в полном составе на рассвете занял Помощную, а на следующий день в Помощную

---

¹ Авраменко был прислан по моей просьбе для политической работы Елизаветградским партийным комитетом в апреле 1919 г., Через 2—3 недели он стал общим любимцем, и в отряде лучше заработала ячейка.

прибыл с большим отрядом т. Княгницкий. Мне было приказано возвратиться в Первомайск и ждать прихода частей 58-й дивизии, которая отходила на север. От начдива 45 я получил приказание связаться с отступающей 58-й дивизией, держать ее в курсе того, что делается по пути ее следования. Связь с 58-й дивизией удалось установить только дней через 7, то есть 15—16 августа.

А затем начался славный поход Южной группы. Отряд шел все время в авангарде 45-й дивизии, во время перехода из его рядов выбыло 65 человек убитыми, около 80 человек ранеными и 18 человек умерло от тифа.

После ликвидации Юденича наш отряд был расформирован и влит в полки. Большинство красноармейцев было направлено в дивизионную школу младшего комсостава.

За свои боевые действия в 1919 году в мае Одесским областным партийным комитетом отряд был награжден Красным Знаменем.

БОГУН И. З.

Уроженец Херсонской губернии. С 1917 г. участвовал в революционном движении на Украине и в Молдавии. В период борьбы против немецких захватчиков и диктатуры Скоропадского в октябре 1918 г. в с. Ближний Хутор Тираспольского уезда принял участие в подпольном совещании инициативной большевистской группы по организации партизанского движения в Тираспольском уезде. В январе-феврале 1919 г. являлся одним из участников освобождения партизанами Тирасполя. Затем был отправлен в район ст. Помощная в партизанский отряд Ткаченко. 14 февраля 1919 г. вместо заболевшего Ткаченко был избран командиром партизанского отряда. Руководимый им партизанский отряд вел активные бои с петлюровскими бандами Козубского. Весной 1919 г. партизанские отряды, действовавшие в районе Вознесенска, Голты, Балты, Помощной, были объединены в 3-ю отдельно действующую южную партизанскую бригаду. Командиром этой бригады был назначен Богун. Возглавляемая им партизанская бригада, помогала наступающим частям Красной Армии, преследовала отступающие к Днестру петлюровские войска, разгромила за короткое время 24-ю дивизию генерала Вишневецкого и задержала большое количество эшелонов на ст. Бирзула, Раздельная и Тирасполь. В мае 1919 г. решением реввоенсовета 3-й Украинской Армии 3-я

партизанская бригада влилась в состав регулярных частей Красной Армии. Демобилизовавшись из армии, Богун был направлен на советскую работу в Тираспольский уезд.

ПРИДНЕСТРОВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

После падения гетманщины власть взяла Украинская директория. Собственно говоря, в селах этот приход Петлюры может быть охарактеризован, как начало периода безвластия и произвола. В городах же он ознаменовался передачей власти так называемым городским самоуправлением, которые должны были наводить порядок и беспокоиться о благоденствии «вверенного» им населения.

На селе все больше поговаривали о необходимости твердой власти и о том, когда, наконец, дадут землю. Немало было разговоров и о большевиках, которые должны прийти из России, выгнать остатки немцев и австрийцев, разбить петлюровскую армию и восстановить Советскую власть.

Мы, местные херсонские большевики, учитывали настроение крестьянства своих районов и решили, что откладывать вооруженное выступление до прихода большевистских войск из России нецелесообразно. Да и возможен ли этот приход в ближайшее время? Ведь Россия окружена кольцом врагов революции. Надо поднимать восстание, решили мы, и поднимать немедленно. Оружие у нас было, так как австрийцы и немцы не могли все отобрать у крестьян.

Помню в октябре 1918 года было созвано первое большевистское совещание в селе Ближний Хутор, у крестьянина Николая Зайца. На собрании присутствовало 17 человек. Был избран ревком и было решено немедленно начать вербовку людей для создания отряда. В частности председательствовавшему на этом собрании и избранному председателем ревкома т. Марченко было поручено связаться с Тирасполем.

На следующий день мы узнали, что в Тирасполе ревкома еще нет, но там находится уполномоченный Одесского областного комитета большевиков т. Анисимов (из Кронштадта). Тов. Анисимов дал нам явку и указал квартиру, где помещается организуемый им подпольный

ревком, а также и штаб для организации крестьянского восстания.

Вскоре ревком был организован и обратился к крестьянам с воззванием, призывавшим их к восстанию. Первым в Тирасполь прибыл отряд из села Ближний Хутор. Он состоял из 72 человек, вооруженных винтовками. Командовал им Коваленко. Отряд тихо вошел в город и, никого не трогая, занял бывшие Драгунские казармы, пустовавшие в то время. Прибытие отряда начало беспокоить городское самоуправление, которое не знало, петлюровский ли он или большевистский. Выручил нас т. Колесников. Он тогда работал в нашем ревкоме, и в то же время был гражданским комиссаром Тирасполя. Таким образом, петлюровцы считали его своим человеком, в то время как он, в сущности, являлся нашим уполномоченным во вражеском стане.

— Отряд прибыл для охраны города. Это я его вызвал, получив разрешение от высших петлюровских властей, — успокоил Колесников испугавшихся «самоуправленцев». Таким образом, назревавший конфликт был ликвидирован.

3 ноября из Маяк прибыл еще один отряд во главе с т. Гончаровым, он остановился в селе Суклея, что в четырех верстах от Тирасполя. Обстреляв город из орудий, отряд вошел в Тирасполь, занял почту, банк, железнодорожную станцию. Была объявлена Советская власть, ревком вышел из подполья, выпустил воззвание и назначил своих комиссаров. Только тогда близорукие тираспольские «самоуправленцы» поняли, что они были обмануты Колесниковым, и поспешили сообщить в Одессу о захвате большевиками власти.

Французское командование, находившееся тогда в Одессе, отдало распоряжение французской воинской части, стоявшей в Бендерах, занять Тирасполь и разогнать большевиков.

Один батальон французской пехоты двинулся на Тирасполь. Наши заставы, расположенные в Парканах, немедленно сообщили нам об этом. Мы вышли из казарм и рассыпали свои цепи в удобных, защищенных местах, возле города.

Правда, мы попытались сначала испробовать «дипломатию». Послали навстречу движущимся французам своих парламентаров на автомобиле под белым флагом. В

составе делегации были я, т. Карпенко и т. Черненко. Последний, студент-химик, неплохо владел французским языком. На автомобиле наша делегация приблизилась к французской цепи почти вплотную. Навстречу нам выехал французский офицер, командовавший цепью.

— Что вам угодно? — спросил французский офицер.

— А что угодно вам? — переспросил т. Черненко. — Вы идете на город Тирасполь боевым порядком, в то время как мы совершенно не намерены вести с вами войны и просим вас не вмешиваться в наши внутренние дела.

— Я послан занять город, — с гонором ответил французский офицер, — и должен восстановить в нем порядок, а потому приказываю вам немедленно отправляться обратно в казармы, оставить ваше оружие и разойтись по домам. Я обещаю вам, что никого не буду преследовать, если вы это сделаете. В противном случае знайте, что через час, когда я займу город, пощады не будет никому.

— Русские большевики никогда и никому добровольно оружия не отдают, — резко ответил Черненко.

Наш автомобиль, сделав полукруг, полным ходом пошел по направлению к Тирасполю. В догонку нам посыпался десяток выстрелов, но мы отделались счастливо. На выстрелы ответило наше орудие, и потом все смолкло.

«Дипломатия» не дала нужных результатов, и мы вынуждены были принять бой. Как только французы приблизились к нашим цепям на расстояние выстрела, по ним был открыт беглый огонь: с обрыва крепости, с насыпи Житомирских казарм и с вала железной дороги. Французский батальон, находившийся на открытом месте, попал под перекрестный огонь. Не ожидая такой энергичной встречи, французы, прикрываясь артиллерией, в беспорядке начали отступать, оставляя на поле боя убитых и раненых. Потрепанный и поредевший французский отряд, не солоно хлебавши, отступил по мосту в Бендеры. Эта победа воодушевила нас. Мы почувствовали себя способными вести борьбу с врагами Советской власти.

Но через несколько дней Тирасполь был захвачен отрядом польских легионеров, располагавших танками. Город был взят внезапным, неожиданным для нас налетом после того, как были сняты наши посты на ст. Новосавицкая. Мы вынуждены были отступать в Плоское и там на военном совещании решили пробиваться на север для соединения с Красной Армией. На следующий день отряд

выступил из Плоского, держа направление на Вознесенск.

Меня командировали для связи на ст. Помощная, где в то время стоял партизанский отряд Ткаченко. Как представитель от тираспольчан я пробыл в отряде недолго. Уже 14 февраля 1919 года я был избран общим собранием отряда командиром вместо заболевшего и отправленного в больницу в Елизаветград Ткаченко.

После удачного столкновения с петлюровским отрядом Козубского, который был нами разбит, я получил приказ начдива Скачко: «Все партизанские отряды, находящиеся на периферии Вознесенск, Голта, Болта, Помощная и т. д. объединить в один отряд. Организовать роты, батальоны, полки и составить бригаду, дав ей название, «3-я отдельно действующая южная партизанская бригада».

Я приступил к выполнению этого приказа. В результате вместо распыленных мелких партизанских отрядов организовалось три полка: Ананьевский, Знаменский и Балтский. Я вступил в командование вновь организованной бригадой.

Кроме этих полков осталось еще несколько отрядов, как например отряды Тарасенко, Попова, Недолуженко, полк Колесникова, которые сохранили самостоятельность, но уже действовали в контакте со штабом бригады.

Организация 3-й бригады проходила как раз в тот момент, когда петлюровская армия отступала с Украины, увозя с собой колоссальные народные богатства. Нужно было помешать петлюровцам полностью осуществить намеченный ими план «заграничного экспорта». И бригада, организовываясь «на ходу», «вцепилась» в петлюровские полки. Нашим противником оказалась 24-я «окрема дивізія» под командой генерала Вишневого. Эту дивизию и пришлось преследовать до самой бессарабской границы. Нам удалось задержать часть эшелонов с грузами на ст. Бирзула и Раздельная, а также в Тирасполе.

Петлюровская армия вынуждена была бросить эшелоны с грузами и пешим порядком отступить через Бендерский мост на правую сторону Днестра. Наш нажим был довольно энергичен, и петлюровская кавалерия, спасаясь от преследования партизан, пустилась вплавь через Днестр у села Парканы. Дело было ранней весной 12 апреля 1919 года, когда вода в Днестре была выше уровня.

к тому же очень холодная. Многие из пустившихся вплавь кавалеристов утонули. Погибло около 1000 всадников. В три часа дня румынские оккупанты взорвали Бендерский мост.

Так закончилось бесславное отступление петлюровцев. 3-я бригада возложенную на нее высшим командованием Красной Армии задачу выполнила.

3 мая, помню, в бригаду прибыли товарищи из реввоенсовета 3-й Украинской армии и предложили нашей партизанской бригаде влиться в состав Красной Армии и стать ее регулярной частью. Бригада была влита в Красную Армию. Возвратившийся к этому времени Ткаченко принял бригаду, а я ушел на советскую работу.

Вот те отрывки периода партизанской борьбы за Советскую власть, в которой мне пришлось принимать участие...

ШАПОВАЛОВ Е.

Уроженец с. Березовки, Балтского уезда, крестьянин-бедняк. После демобилизации из старой армии, вернувшись на родину, принял активное участие в борьбе против немецких оккупантов и гетманской диктатуры Скоропадского. В мае 1918 г., связавшись с подпольными организациями, участвовал в формировании вооруженного партизанского отряда с. Березовки. Затем осенью 1918 г. принимал активное участие в боевых операциях Балтского партизанского отряда. В феврале 1919 г. сражался в составе Балтского партизанского отряда против петлюровцев. Весной 1919 г. после освобождения Одесщины и левобережных районов Молдавии партизанский отряд, в котором сражался Е. Шаповалов влился в регулярные части Красной Армии.

ПРОТИВ ГЕТМАНА, НЕМЦЕВ И ПЕТЛЮРОВЦЕВ

Наше село Березовка Балтского района первое восстало против немцев и гетманщины и первое на Украине пошло за большевиками.

В нашем селе было много батраков и бедноты. Еще с весны 1918 года здесь зародилась большевистская подпольная партийная организация — «девятка». В нее входили гг. Дьячишины Иван и Михаил, Нарцов Наум, Сорокатый Стефан, два матроса-большевика — уроженцы

нашего района (они вернулись уже во время революции из Севастополя); немного позже прибыл к нам из центра т. Кузнецов, затем появились и другие товарищи.

Я был одним из самых бедных крестьян нашего села, жил исключительно батрацким трудом, работая у помещиков и кулаков, и поэтому пошел за «девяткой». Кроме того, еще до революции у меня хранилась подпольная литература и в моей хате происходили собрания.

В старой армии я был фельдфебелем, с военным делом был хорошо знаком, и потому меня партийная организация привлекла к формированию партизанских военных групп.

В последних числах мая 1918 года мне было поручено сформировать первый подпольный революционный батальон. В этот батальон входили батраки и бедняки разных национальностей села Березовки и смежных сел. Ядром батальона были березовцы, которых я хорошо знал еще по фронту. Входили в батальон и члены «девятки». Большинство из них в старой армии были рядовыми, только Иван Дьячишин имел некоторые военные знания, он был в старой армии бомбардиром-наводчиком.

По всем селам Мошнягской волости и в Приднестровьи одновременно с нашим батальоном организовались и другие подпольные военные группы, а в Балте были созданы подпольные группы городских рабочих. В этих группах работали коммунисты Безносков, В. Вайнштейн и др.

Политический партийный центр подготовки восстания против гетманцев и немцев находился в нашем селе. Организованный нами батальон был реальной вооруженной силой, на которую он опирался.

Все лето 1918 года прошло в мелких стычках с гетманцами и австро-германскими отрядами, которые беспощадно грабили села. Крестьянскую бедноту гетманцы, австрийские и немецкие оккупанты сгоняли на сельские сходы и поролы до смерти, заставляя «восстанавливать имущество помещиков» и с лихвой возвращать не только то, что было забрано у помещиков прежде, но и то, чего у них никогда не забирали. По селам были поставлены старосты из крупных кулаков, которые и выдавали крестьянскую бедноту на дикую расправу гетманским карательным отрядам.

Трудно даже описать все издевательства и насилия,

чинимые гайдамацкими бандами, кулаками и немецкими империалистами над крестьянами. Они заставляли пожилых крестьян раздеваться на сходе и в присутствии детей избивали их розгами. Детей избивали до смерти на глазах у матерей...

В нашем селе старостой был Белоконь Игнат, сторонник кулаков и помещиков. Волостным старшиной поставили кулака Иллариона Богомольного. Помещик же наш фон Герсдорф, бывший вице-губернатор Подольской губернии, организовал для расправы с крестьянами карательный отряд из офицерских сынков и всяких бандитов и хулиганов.

Села кишели немецкими и гайдамацкими шпионами. Почти половина крестьян нашего села сидела в тюрьме. Село целыми днями обстреливали артиллерийским и пулеметным огнем, требуя, чтобы население выдало руководителей-большевиков.

Но никакой террор не помог нашим врагам. Шпионов крестьяне убивали, как бешеных собак. В Маньковском лесу нашли убитых германских шпионов, а на дощечках, прикрепленных к трупам, была надпись: «Отак зробимо зі всіма ворогами трудового народу».

Наступление гайдамаков и немцев еще больше сплотило нас вокруг большевиков. Мы нападали на эшелоны, в которых немцы и гетманцы вывозили сало, хлеб, лес и всякое сырье. Нередко мы вступали в бой с их отрядами.

Так продолжалось до сентября. К этому времени все села Балтщины представляли собой пороховой погреб. Достаточно было бросить спичку, чтобы все воспламенилось. Когда гетманский карательный отряд, посланный Герсдорфом, въехал в наше село для расправы, он попал в устроенную партизанами западню. Больше трети его состава было убито, остальные бежали в село Мошняги, что в 8 верстах от Балты, теряя по дороге еще многих, которых убивали восставшие крестьяне.

К селу Мошняги подоспела гетманцам помощь и здесь, в волостном центре, они окопались. Но 26 сентября собралось уже несколько тысяч вооруженных партизан и под командой Ивана Дьячишина мы выбили гетманцев из Мошняги. После этого отряд партизан двинулся на Балту.

В ночь на 12 октября 1918 года мы захватили Балту, где и ликвидировали остатки гетманщины. Восстание

приняло огромные размеры. В Балту стеклись тысячи вооруженных повстанцев. Отсюда мы повели наступление по линии железной дороги на Одессу. При помощи одесского пролетариата была взята станция Одесса-Главная, но к этому моменту власть в центре Украины удалось захватить петлюровцам, и они успели договориться с командованием занимавших в то время Одессу французских войск. Воевать с французами мы еще были не в силах и нам пришлось отступить снова на Балтшину. Здесь с декабря по апрель мы продолжали ожесточенную борьбу против петлюровских банд.

Но еще в то время, когда в Балте власть была в наших руках, петлюровцам удалось обманным путем пробраться на ответственные гражданские должности, и они разлагали наши отряды изнутри. В начале 1919 года петлюровский комиссар Сикорский с галичанами-сечевиками внезапно напал на нас. Они разгромили наши части и убили нескольких большевиков из нашей организации.

В ночь, когда петлюровцы наступали на Балту, был убит Михаил Дьячишин. Ему нанесли 15 штыковых ран, затем его истерзанный труп бросили в речку Кодыму. Наповал был убит наш воинский начальник Бойчук. В ту же ночь петлюровцы схватили и т. Сорокатого. Они его повели на расстрел по льду Кодымы. У Сорокатого были прострелены плечо и рука. Он упал, притворившись мертвым. Полуживого, раздетого, тяжело раненого, его подобрал, спрятал и подлечил доктор Аникин.

Тогда же был тяжело ранен и командир наших отрядов Иван Дьячишин. Узнав, что на город напали петлюровцы, Иван Дьячишин собрал небольшую группу товарищей и сейчас же поехал навстречу нападающим. Он прямо подъехал к петлюровцам, рассчитывая их обмануть, проникнуть в их ряды и нанести им удар. Но к несчастью среди петлюровцев находился балтский комиссар — изменник Сикорский, знавший Дьячишина. Как только Дьячишин подъехал, Сикорский его узнал и закричал:

— Оце він головний злодіяка більшовик.

Раздался залп, Дьячишин упал с лошади, из левого плеча у него сочилась кровь. Подошедшие петлюровцы раздели его, решив, что он мертв. Но тяжело раненный Дьячишин только притворился мертвым. Его подобрал и

спрятал у себя один балтский рабочий. А на другой день перевязанный Дьячишин пробрался к нам в отряд, который отступил в села Мошнягской волости.

Петлюровцы, собрав в городе большой гарнизон, решили «искоренить» всех большевиков. Издевательства петлюровцев над мирным населением были безграничны. Они собрали всю молодежь и расстреливали каждого десятого на льду Кодымы. Потом они устроили еврейский погром, многих поубивали, остальных загнали в так называемые «турецкие погреба» (рытвины и ямы на окраине Балты, остатки каких-то старинных сооружений). В конце концов в Балте остались одни петлюровцы и их сторонники.

Через несколько дней группа наших партизан, человек 15, во главе с еще не совсем выздоровевшим И. Дьячишиным, решила пробраться «в гости» к петлюровцам. У петлюровцев в штабе, помещавшемся по Большой Купеческой улице, был банкет. Наши товарищи подошли к почте, без шума сняли петлюровских часовых, узнали от них пропуск и прямо подошли к штабу, постучали и сказали, что, мол, поймали большевика Дьячишина. Начальник петлюровского гарнизона и весь его штаб выбежали посмотреть на пойманного большевика, но больше они в штаб не вернулись.

Петлюровский гарнизон был обезоружен. Мы продержались в городе целый день. На другой день прибыли новые большие силы петлюровцев, и нам пришлось снова отступить в свои села.

В феврале 1919 года мы взрывали полотно железной дороги и нападали на петлюровские эшелоны. Так мы боролись против петлюровцев до прихода Советской власти.

ДЬЯЧИШИН И. К.

Родился в 1894 г. в с. Березовка, Балтского уезда, в семье крестьянина. Находясь на военной службе в Севастополе, принял участие в февральской буржуазно-демократической революции, а затем в Великой Октябрьской социалистической революции. В 1917 г. вступил в ряды КПСС. Участвовал в организации Красной гвардии. После демобилизации из старой армии с мая 1918 г. активный руководитель партизанского движения в Молдавии. В 1919 г. принимал деятельное участие в организации 3-й Украинской Советской Армии, и затем в формировании 6-й советской дивизии. Летом 1919 г. участвовал в создании 45-й стрелковой дивизии, являлся командиром полка одной из стрелковых бригад. После окончания гражданской войны принимал активное участие в восстановлении народного хозяйства страны, был одним из организаторов Молдавской Автономной республики, неоднократно избирался членом ЦИК Молдавской АССР.

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В РАЙОНЕ БАЛТСКОГО УЕЗДА В 1918—1919 гг.

Приблизительно в середине мая 1918 года во время занятия Украины немцами и австрийцами я приехал в село Березовку Балтского уезда из Севастополя, который был занят немецкими частями.

В это время в Балтском уезде, как и везде на Украине, царила гетманщина, опиравшаяся на вооруженную

силу немецких войск. Карательные отряды переходили из деревни в деревню, производя в них экзекуции и насилия. Недовольство и озлобление против гетманской власти росло среди крестьян...

Крестьянская масса ясно чувствовала, что царству помещиков пришел конец, что гетманская власть, которая идет рука об руку с их врагами-помещиками, не может дать им ничего хорошего, а лишь несет позорные наказания и насилия, ставит крестьян в унижительное и рабское положение не только в политическом и экономическом, но и в моральном отношении.

Во всех деревнях было много недовольных, и я усиленно занялся агитацией против гетманской власти.

Подпольная работа по созданию в селах ячеек повстанцев продолжалась около 3 месяцев... Когда установилась связь между отдельными сельскими ячейками, было созвано совещание, на котором решили установить контакт с балтскими рабочими, а также с организациями Тираспольского уезда. Для этой цели были посланы представители, которые узнали о работе и положении дел в других организациях. С помощью балтских рабочих удалось связаться с комитетом, руководившим всем повстанческим движением на Украине, откуда был послан для связи и указаний член ЦК КП(б)У т. Кузнецов.

После того как повстанцы были частично вооружены и была проведена подготовка к открытому вооруженному выступлению, я отдал приказ о сборе всех вооруженных в селах Березовка и Обжила. В это же время я получил сведения, что гетманские карательные отряды должны прибыть в эти же села на следующий день 24 сентября. Для вооруженной встречи гетманцев была сделана засада и выставлены караулы на дорогах. В сельских церквях ударили в колокола, чтобы собрать крестьян и разъяснить им значение наступающих событий. В центре Обжилы и Березовки были сконцентрированы все наши вооруженные силы, разбитые на роты, причем каждая рота состояла из членов определенной подпольной ячейки, которые и были организованы с таким расчетом, чтобы в случае вооруженного выступления они могли развернуться в роты. Ко времени первого выступления эти роты еще не были сведены в более крупные единицы, так как этого не допускала подпольная обстановка.

Как и ожидалось, первое вооруженное выступление произошло 24 сентября. К 2 часам дня прибыл из Балты гетманский кавалерийский карательный отряд, состоявший почти целиком из офицеров. Всего было около 60 человек при нескольких пулеметах.

Наш караул растерялся и авангарду противника удалось захватить его, причем караул не был разоружен и они вместе приблизились к центру села, где были расположены наши главные силы. Представилась довольно странная и непонятная картина: идет наш караул при оружии, а также авангард противника тоже вооруженный. Трудно было разобрать, кто кого взял. Очевидно противник, не разобравшись в чем дело, принял наших караульных, заявивших, что их поставил сельский староста, за своих и смело подъехал в расположение нашего вооруженного отряда, который сейчас же окружил его и обезоружил.

В это время подоспела главная часть карательного гетманского отряда и завязался бой, в результате которого противник потерял убитыми и пленными треть отряда и в панике бежал обратно по пути в Балту. Недоезжая села Евтодиевка, отступавшие были встречены вооруженными ячейками нашей же организации и, попав в кольцо, вынуждены были пробиваться в Балту окольными путями, объезжая села.

Вдохновленные успешным исходом столкновения с противником, чувствуя поддержку со стороны восставших крестьян, мы решили послать часть лучших рабочих, имеющих организаторские способности, во все окрестные села, чтобы поднять всеобщее восстание против гетманщины. Сам я с отрядом, не давая опомниться отступающему и разбитому противнику, начал преследовать его по направлению к Мошнягам. В Мошнягах снова произошел бой, в результате которого было нами захвачено в волостном правлении много винтовок и разного военного снаряжения. Противник отступил по направлению к Балте.

В нашем распоряжении уже имелось значительное количество оружия, патронов, пулеметов, наши ряды пополнялись добровольцами-крестьянами из окрестных сел Балтского уезда. Учитывая все это, для развития более интенсивного наступления и для более удобного руковод-

ства движением, было решено тут же в Мошнягах сформировать из отряда полк. Эта работа заняла всего один день, так как большинство добровольцев были бывшие солдаты.

На следующий день я отдал приказ во что бы то ни стало взять села Мироны, Сенную, Лесничевку и связаться с другим отрядом, наступавшим на станцию Слободка. После продолжительного и упорного артиллерийского боя, который продолжался более суток, они были заняты.

В этих селах к нам присоединилось еще много крестьян. Теперь в моем распоряжении был полк, насчитывающий более четырех тысяч человек, и я отдал распоряжение о подготовке наступления на город Балту. Противник ожесточенно защищал подступы к городу. Но после двухдневного упорного артиллерийского боя он не выдержал нашего натиска и вынужден был в ночь на третьи сутки отступить, очистив город.

Я передал известие об очищении города в мой штаб и послал в Балту ночью только разведку, а весь полк, находившийся на подступах к городу на расстоянии полуверсты, вошел туда только на рассвете во избежание всяких случайностей, которые могли возникнуть при ночном занятии оставленного неприятелем города. Между прочим ко мне в ту же ночь явился из города Сикорский, назвавший себя комиссаром Балты, и подтвердил, что противника в городе нет. Сикорский был задержан до утра, так как личность его мне не была известна.

Утром мы вступили в Балту, где были встречены представителями рабочих. Сразу же были приняты меры по установлению порядка и прекращению грабежей и налетов. По этому поводу был издан специальный приказ. Также был издан приказ о сдаче оружия, восстановлении милиции и необходимых гражданских учреждений. В городе мы захватили большие склады, переполненные винтовками, патронами, снарядами, а также более двадцати вполне исправных орудий.

Противник отступил пешим порядком, а также по железной дороге по направлению к Одессе. Мы решили его преследовать. Но так как в Одессе было сконцентрировано много гетманских войск, польских legionеров, а также французов, игравших главенствующую роль, было решено заняться серьезной реорганизацией и комплектованием наших военных сил. Для того, чтобы преследо-

вать отступающего противника и овладеть железной дорогой, идущей к Одессе, были выделены пехотные отдельные ударные батальоны, а также артиллерийские пулеметные и кавалерийские части. Временно, до занятия станции Бирзула, полевой штаб находился в Балте, а затем, по мере успешного передвижения наших сил к Одессе, он перебрался сначала в Бирзулу, а потом в Раздельную. Я же остался в Балте и занялся подготовкой резерва с таким расчетом, чтобы ко времени подхода передовых отрядов к Одессе в моем распоряжении были бы достаточно крупные и хорошо вооруженные силы для занятия города. Мы прекрасно понимали, что противник без упорного сопротивления его не оставит.

Успех похода на Балту усилил повстанческое настроение широких крестьянских масс. В Балту как центр повстанческого движения прибывали отряды добровольцев не только с Балтского, но и из других уездов. Партизанское движение, начавшееся со скромной сельской ячейки, охватило волости, потом весь уезд и, наконец, приняло губернский масштаб. Силы были крупные. Нужно было привести их в порядок, придать им вид регулярных войск. Несмотря на громадный наплыв добровольцев, мы для проверки отношения населения к нашему делу назначили мобилизацию во всем Балтском уезде. Ввиду перегруженности города Балты, мобилизация проводилась по волостям и прошла с громадным успехом и дала от каждой волости по несколько тысяч человек, а всего более ста тысяч. Эта мобилизация явилась скорее демонстрацией политического настроения крестьян и успеха нашего дела, чем мерой военной необходимости, так как в Балту, как я уже отмечал, и без мобилизации стекались буквально десятки тысяч добровольцев, из которых, по мере надобности, формировались отряды и отправлялись на соединение с частями, подходившими к Одессе. Совместно с нашими частями на Одессу наступали и другие мелкие отряды.

Отряды, посланные из Балты для занятия Бирзулы, после непродолжительного боя заняли ее и продолжали дальнейшее наступление по линии железной дороги, преследуя отступающего к Раздельной противника и поддерживая телеграфную и телефонную связь со штабом, который находился в Балте, откуда и посылались необходимые указания и директивы. Приблизительно в начале

второй половины октября Раздельная была занята. Получив донесение о взятии Раздельной, я выехал на место военных действий для руководства операцией по освобождению Одессы. Вместе со мной выехали части для подкрепления.

По пути в Одессу мы разоружили немецких и австрийских оккупантов, эшелонами отправлявшихся на родину. Были при этом и столкновения, но они всегда оканчивались в нашу пользу.

Наши части подошли к Одессе и в результате непродолжительного боя заняли станцию Одесса-Главная, откуда повели наступление на город. После упорных уличных боев был занят почти весь город. Гетманские войска частью погрузились на суда, частью расплылись, а некоторые даже, потеряв связь и командование, остались в казармах и были взяты в плен. Захвачено было много складов оружия, в котором мы сильно нуждались.

На следующий день в события вмешалось французское командование, которое в своем ультиматуме предлагало нам в течение 12 часов оставить город и сложить оружие. Учитывая, что нам было еще не под силу бороться с французами, мы решили ультиматум выполнить, но не в течение двенадцати часов, а в сутки. Это дало нам возможность эвакуировать часть захваченного оружия и патронов на станцию Одесса-Главная. Борьба еще не была закончена, мы знали, что оружие нам еще пригодится.

Когда нами был оставлен город, мы все-таки удерживали в своих руках станцию Одесса-Главная и железную дорогу и продолжали эвакуировать из города склад оружия. Противник сделал попытку выбить нас со станции, но эта попытка закончилась для него полной неудачей.

Днем станция была окружена броневыми автомобилями и танками. Противник открыл сильный огонь из пулеметов, бомбометов и минометов, которые были установлены в соседних домах. Однако этот обстрел не причинил нам никакого вреда, так как мы были защищены стенами громадной толщины. Видя, что обстрел станции пулеметами и бомбометами ни к чему не приведет, атакующие решили взять станцию приступом. Но огонь наших пулеметов помешал осуществлению и этой попытки. Убедившись в бесполезности и опасности попыток овладеть

станцией приступом, противник в замешательстве бросился назад к своим автомобилям. В результате этого боя нам удалось захватить автомобили. После этого мы снова продолжали перевозку оружия из складов на станцию.

В это же время к нам был прислан представитель из Киева от петлюровского правительства, который был уполномочен вести дальнейшие переговоры с французами. Кроме того, через некоторое время прибыл генерал Греков, назначенный командующим третьим украинским корпусом. Он принял на себя командование Южным фронтом, и как командующий имел полномочия на непосредственные переговоры с французским командованием.

Таким образом, официально я был подчинен петлюровскому командованию в лице генерала Грекова, однако, несмотря на это, я поддерживал связь с одесскими и балтскими рабочими организациями, совместно с которыми предстояло вести дальнейшую борьбу против наших общих врагов. Я видел враждебное отношение петлюровского командования к рабочим, его тайное дипломатическое соглашение с гетманцами и французами, которое выразилось, с одной стороны, в приказах отступить из Одессы сначала в Раздельную и впоследствии — в Бирзулу без всяких боев и, с другой стороны, в приеме в петлюровскую армию тех же самых гетманцев, которые были нашими врагами.

Оставив на ст. Бирзула кавалерийский дивизион, я с остальными частями возвратился в Балту. Мы знали, что политика генерала Грекова идет вразрез с интересами рабоче-крестьянского движения. Однако в виду того, что мы не были вполне подготовленными к открытому выступлению против петлюровцев, нам пришлось действовать дипломатично, как будто подчиняясь командованию, и в то же время ведя усиленную подпольную работу в смысле противодействия петлюровской власти.

Петлюровцы, считая меня не вполне благонадежным по отношению к своей власти и опасаясь восстания, старались распылить наши довольно значительные военные силы, с которыми им волей-неволей приходилось считаться. С этой целью петлюровское командование отдавало приказы о переброске наших отрядов в разные стороны, так, например, в Рыбницу был отправлен один батальон. Но поняв, к чему клонится эта политика, мы решили в дальнейшем приказы этого рода не выполнять, объяснив

это тем, что нет никакого смысла перебрасывать войска в места, где совершенно нет противника.

Я просил петлюровское командование разрешить мне со своими частями взять Одессу. Однако петлюровцы отклонили это предложение и приказали мне с частью моих войск выступить против большевиков. Я согласился, но с условием, чтобы одновременно отправлялись все, находящиеся под моим командованием части, отлично понимая, что приказы петлюровского командования имеют целью частичное разоружение наших войск и захват нашего штаба. В случае же отправки меня с целым полком, артиллерией и кавалерией им бы конечно не удалось выполнить свои намерения, так как в их распоряжении в то время не было достаточно сил. С другой стороны они совершенно справедливо опасались, что если они отправят все наши силы на фронт против большевиков, то мы перейдем на их сторону. Я именно с таким расчетом и изъявил согласие «исполнить» приказ об отправке на «борьбу» с большевиками. Видя, что и эта их затея не удалась, они решили вызвать меня телеграммой в штаб как будто бы для участия в военном совещании. Но и эта попытка не увенчалась успехом, меня не удалось заманить в эту не очень хитрую ловушку.

Кроме того петлюровский штаб присылал в наши части свой командный состав, надеясь через своих доверенных людей изменить настроение в частях в пользу петлюровской власти, но у нас была такая крепкая спайка, что это им не удалось сделать.

Петлюровцы сделали вид, что оставили меня в покое, а на самом деле передали эту работу петлюровскому комиссару Балты Сикорскому, который еще при гетманской власти заранес был назначен комиссаром Центральной Рады. Его деятельность на должности комиссара Балты проявилась, главным образом, в том, что он являлся каждую ночь в тюрьму совместно с Заболотным и ему подобными, самочинно забирая арестованных по подозрению в большевизме и расстреливал их. Узнав о подобной деятельности комиссара, я приказал без моего ведома никому арестованных не выдавать. Кроме того, во всех подведомственных ему, как комиссару, гражданских учреждениях был установлен военно-политический контроль, который осуществлялся нашей военной организацией. Комиссар и его приближенные часто собирали секретные

совещания, на которых принимали решения во что бы то ни стало свергнуть «большевицку-злодияцку владу», но привести это в исполнение им не удалось потому, что мы были также начеку и нам удалось заранее раскрывать их заговоры.

Первого января 1919 года во время парада войск произошло открытое, но невооруженное разделение нашей военной власти и гражданской, петлюровской, которое выразилось в следующем: наши войска вышли с красным революционным знаменем, петлюровцы вынесли свое желто-блукитное, а также пригласили священника для служения молебна на площади во время парада. На этой почве произошло политическое столкновение, выразившееся в том, что военная власть приказала убрать желто-блукитное знамя. Знамя было унесено, затем опять появилось несколько раз, но в конце концов парад состоялся.

Сикорский и его приспешники убедились, что наши части, состоящие из крестьян и рабочих, целиком на стороне большевиков. Он понял, что мы лишь ждем удобного момента. Поэтому господин Сикорский со своими сторонниками в одно прекрасное время исчезает неизвестно куда и спустя две-три недели, в конце января, появляется в Балте с полком сечевиков, чтобы проучить «большевицкого-злодияку» — Дьячишина.

В отсутствие Сикорского в городе оставались его ласкй—комендант города Сорочан, Каминский и помощник начальника полковой разведки Заболотный, которые готовились с приближением петлюровских частей взорвать полк изнутри. Все это учитывалось ячейкой большевиков во главе которой стояли Федор Крыжановский и Лазарь Безносов.

Наши опасения были не напрасны. В одну из лунных морозных ночей влетел ко мне запыхавшись один из товарищей из караула, стоявшего на станции Балта, и сообщает, что на станцию прибыли и выгружаются петлюровские части для наступления на город. Наш караул арестован и только ему одному удалось бежать. Я сейчас же бросился к телефону, звоню в штаб. Телефон не работает. Сажусь на лошадь, мчусь в штаб, чтобы сообщить всем частям по телефону о случившемся, но оказалось, что провода, связывающие штаб с частями, перерезаны. Я понял, что это работа местной петлюровской власти. Сейчас же были посланы люди во все части с приказанием

собраться к штабу, дежурной роте было приказано встретить противника. Сам же верхом вместе с бывшим воинским начальником т. Бойчуком направился к месту расположения артиллерии, находившейся немного в стороне от дороги, по которой двигался противник.

Мы опередили дежурную роту шагов на 200, не ожидая, что противник так быстро мог продвинуться со станции в город, и натолкнулись на отряд сечевиков, который остановил меня окликом: стой, кто идет? Остановившись, я спросил пропуск, считая, что это отряд, выделенный для дежурства нашей артиллерией, но оказалось, что это отряд сечевиков во главе с Сикорским, который подошел опознавать нас. Узнав меня, он крикнул «они», после чего последовал ружейный залп в упор из тридцати-сорока винтовок.

Я был легко ранен, и, сознавая свое безвыходное положение, воспользовался ночным временем и притворился убитым. Бойчук, под которым была ранена лошадь, остался на ногах. К нему подошел Сикорский и сказал: «А, це ты войсковой начальник, злодияка, большевик!» Бойчук гордо и смело ответил: «нет, я не злодияка, а защитник рабоче-крестьянской власти». Сикорский крикнул: «Зараз забити его!» и Бойчук моментально был убит выстрелом из винтовки в голову.

Через несколько минут начался бой петлюровцев с нашей дежурной ротой. Воспользовавшись поднявшейся суматохой и стрельбой, я стал бежать по направлению к Русской Слободке; перебираясь по льду через реку, я провалился, но, выбравшись, поспешил к своим, чтобы принять руководство боем. Но петлюровцев было очень много и их натиск ночью был настолько внезапным, что части не успели собраться и были застигнуты врасплох на квартирах. Видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, я приказал отступить из города, а сам остался в нем для подпольной работы.

Я узнал, что были арестованы и приговорены к расстрелу мой брат Михаил Дьячишин и т. Сорокатый. Во время расстрела Сорокатуму раненому удалось бежать.

Собрав некоторые сведения, я уехал в Мошнягскую волость для организации хотя бы незначительного, но хорошо вооруженного отряда для набега и расправы с петлюровскими властями. Через несколько дней, взяв с собой человек сорок самых отчаянных бойцов, не взирая на

то, что в городе находились около двух тысяч петлюровцев, я решил внезапно ворваться в город. Вечером, подъехав вплотную к городу, мы решили снять караул противника без выстрела, чтобы узнать пропуск. Узнав расположение частей в городе и получив пропуск, я взял с собой 10 человек и мы направились к зданию воинского присутствия, где была расположена часть численностью в 600 штыков. Воспользовавшись ночным временем и пропуском, мы сняли караул у ворот, затем часового у дверей и ворвались в помещение, произведя панику. Мы заявили петлюровцам, что они окружены со всех сторон большими силами и что сопротивление их ни к чему не приведет. Перепуганные петлюровцы сдались без выстрела, после чего им всем было приказано сдать оружие, лечь и не подыматься. Оставив караул у дверей и сложив все оружие в одно место, так как взять его с собой не было возможности, мы заставили человек 20 пленных петлюровцев нести за собой 10 пулеметов.

Таким же образом были разоружены и другие, отдельно расположенные петлюровские части, а также захвачены почта, штаб всех частей и гостиница, где находился весь петлюровский командный состав. К 4 часам ночи вся военная операция была закончена.

Сикорский, находившийся у себя на квартире на окраине города, ничего о происходящем не знал. Мы свободно подошли к его дому и начали стучать, чтобы нам открыли. Охрана спросила пропуск, ей ответили, однако нам двери не открыли; но так как мы настойчиво стучались, охрана начала стрелять. Тогда мы отошли немного от дома, подтянули пулеметы и открыли ураганный пулеметный огонь и было приказано бросить в окно бомбы. Охрана сразу почувствовала, что ей не удержаться, и начала кричать, что сдается. Мы вошли в дом и увидели, что Сикорский застрелился.

В результате операции нами было захвачено более 30 пулеметов, большое количество винтовок, несколько сот лошадей. Но долго продержаться в городе мы не могли, и под натиском довольно крупных сил противника, наступающего со всех сторон, мы с боем вынуждены были оставить город и отступить в нашу «крепость», как мы называли свою Мошнягскую волость. Несмотря на неоднократные попытки, противник не мог овладеть этой «крепостью» и всегда терпел поражение.

Таким образом, в продолжение нескольких месяцев борьбы приходилось почти каждый день участвовать в непрерывных боях. В результате этих боев за несколько месяцев до соединения с большевистским фронтом инициатива перешла в наши руки. Доверие и симпатия крестьян и рабочих были на нашей стороне.

Отступление к Мошнягам, о котором здесь идет речь, произошло при следующих обстоятельствах: многочисленные войска петлюровцев надвигались на город со всех сторон. В продолжение нескольких дней мы сражались против врага, зажавшего город в кольцо. Решено было прорваться в сторону наиболее слабо защищенной противником дороги на село Казацкое. Нашим частям удалось прорваться, а я с малочисленным отрядом последним покидал город и оказался отрезанным от главной части полка. Пришлось, рискуя попасть в плен, некоторое время подождать в городе. Однако с наступлением ночи мы благополучно пробрались к своим, в основной штаб, который находился в Березовке.

После этого мы начали вести организационную работу для защиты своего района и нового наступления на противника. У нас была довольно крупная сила рабочих и крестьян и было решено действовать по-новому, а именно вести одновременно наступление сразу во всех направлениях — на Мошнягу, Балту, Бирзулу, Слободку.

Мы решили организовать уездный ревком, разослали для этого предписание во все села и волости о выборе и посылке из каждого села по одному представителю, которые должны были остаться для гражданской работы в центре уезда — Березовке, а часть из них должна была работать в волостях. Это было сделано как в интересах мирных граждан, так и с целью освободить штаб и военных руководителей от гражданской работы, которой они были перегружены.

После целого ряда наступлений и отступлений, все наши части ощущали недостаток во всем, а главное в вооружении. Поэтому перед нами стояла задача: во что бы то ни стало достать оружие. Весь вопрос состоял в том, где же его достать! Большевики были еще за Харьковом, связаться с ними было невозможно. Пришлось прибегнуть к связи с теми моими частями и бывшими подчиненными, которые еще не преследовались и считались петлюровскими. Это была часть, находившаяся сна-

чала в Бирзуле, а затем в Слободке, и батальон Балтского полка, которым командовал мой однофамилец Дьячишин, посланный в Рыбницу.

Учитывая то важное обстоятельство, что все части созданы мною и что дух и политическое настроение как командиров, так и солдат этих неразоруженных частей остались прежними, я решил обратиться к ним. Несмотря на то, что я был объявлен петлюровскими властями вне закона и что этим частям была объявлена в приказе по 2-му корпусу благодарность за то, что они не пошли за своим бывшим начальником-изменником директории Дьячишиным, я был принят в этих частях не только так, как раньше, но даже лучше.

В штабном вагоне было устроено собрание командного состава с участием представителя Всеукраинского повстанческого комитета и члена ЦК КП(б) Украины т. Кузнецова. Собрание признало мои действия, как противника петлюровской власти, законными и постановило для дальнейшей борьбы снабдить меня всем необходимым. После этого штаб кавалерийского полка, который в то время считался петлюровским, систематически снабжал повстанческие отряды не только вооружением, одеждой и продуктами, но и давал своих пулеметчиков, артиллеристов во время крупных наступлений и мы даже сообща готовили наступление для полного свержения петлюровской власти.

Таким образом, с 12 по 20 февраля работа по вооружению всех войск для общего наступления проходила исключительно организованно. Оно было предпринято одновременно во всех направлениях: на Кодыму, Слободку, Бирзулу, Балту. Политическая обстановка и военное положение сложились таким образом, что наступление имело смысл вести только по линии железной дороги.

К вечеру 19 февраля наши силы были собраны в экономии возле станции Слободка, откуда ночью началось наступление, и Слободка была занята. Для того, чтобы ускорить нападение на Бирзулу и сделать его внезапным, мы погрузились в поезда и прибыли на станцию Борщи. В Борщах поезд застрял на стрелке, пришлось сгрузиться и идти пешком порядком. Нам не удалось, как было решено, прибыть к Бирзуле ночью и напасть врасплох на

спящего противника. Двигаясь лучшим порядком, мы прибыли в Бирзулу к 12 часам дня.

Получив сведения от разведки, мы повели наступление на город со всех сторон. Произошел упорный и решительный бой. Нами было захвачено два дежурных бронепоезда, 50 пулеметов, 20 орудий. Неприятель потерял очень много убитыми, многие попали к нам в плен. Но, несмотря на успех, мы вынуждены были отступить, так как к Бирзуле с одесского и киевского направлений подоспели бронепоезда, а также эшелоны с частями противника, отправлявшегося на фронт против большевиков.

Мы отступили на станцию Слободка, увозя с собой захваченные бронепоезда и ведя во время отступления ожесточенный бой. Удержаться в Слободке не было возможности, так как противник наседал с обеих сторон, обстреливая нас с бронепоездов. Отступая и сражаясь, мы разгружали захваченные бронепоезда и увозили пулеметы и артиллерию. Всем отступающим войскам было приказано собраться в селе Березовка, где тогда находился наш штаб.

На следующий день все партизанские отряды прибыли в Березовку, но не успели мы привести себя в боевой порядок, как вслед за нами прибыли крупные силы преследовавшего нас противника, который окружил нас и обстреливал Березовку и Обжилу ураганным артиллерийским огнем, не щадя мирного населения. Петлюровская власть решила задушить, наконец, повстанческое движение в Балтском уезде.

Положение наше было чрезвычайно критическим, в случае нашего поражения рабочих и крестьян ждала жестокая расправа. Решили защищаться до последней возможности и не отдать восставшие трудящиеся массы на растерзание озверевших петлюровцев. Нельзя было и думать одолеть в открытом бою превосходящие, хорошо вооруженные силы петлюровцев. Разработали план, согласно которому наши силы были разделены на две части: в одну вошли все хорошо вооруженные, в другую вошли маловооруженные и совсем не вооруженные. Эта вторая плохо вооруженная группа, подкрепленная пулеметами, была направлена на слабый фланг противника, а ударная группа, снабженная лошадьми и тачанками и имевшая поэтому большую подвижность получила задание,

быстро передвигаясь, разбить противника часть за частью, внезапно. в различных местах налетая на врага.

Этот план удалось блестяще привести в исполнение. Противник, в несколько раз превосходивший нас численностью и хорошо вооруженный, к вечеру был разбит по частям и бежал, оставив убитых лошадей, повозки и пленных. Только незначительная часть его спаслась бегством.

После этого поражения у противника пропала охота утвердить свою власть в нашем районе, хотя бы даже при помощи крупных сил, и он оставил нас в покое. Чтобы не дать возможности петлюровцам опомниться и взять в свои руки наступательную инициативу, мы старались как можно чаще их беспокоить, заставляли вечно думать о своей собственной защите, а не о том, чтобы нападать на нас. Такое положение продолжалось несколько месяцев.

Вся эта наша деятельность производилась в полном контакте с балтскими рабочими. Главной же силой и основным источником, за счет которого мы постоянно пополняли свои ряды, были крестьяне. Молодые и старые, они являлись десятками, сотнями и тысячами с оружием и без оружия и вливались в наши ряды. Часто прибывали представители из сел и спрашивали: не нужно ли подкрепление. Справедливость требует отметить, что крестьяне Одесской губернии и в частности Балтского уезда в это время настолько были подготовлены и организованы для борьбы за власть Советов, что их не нужно было убеждать. Достаточно было сказать: необходима военная сила для борьбы с противником, как моментально появлялись тысячи и десятки тысяч человек. Вся трудность состояла в нехватке оружия — живой силы было неисчерпаемое количество.

В первых числах марта 1919 года снова было решено наступать на Балту. После упорного боя, город был занят. В это время в нем находилось много новобранцев, мобилизованных петлюровцами. Эти новобранцы были совсем еще молодыми. Петлюровцы проводили мобилизацию насильственными мерами, новобранцы уводились из сел вооруженными петлюровскими отрядами. К нам прибывали представители крестьян и рабочих с просьбой сорвать мобилизацию и не дать их сынов для отправки в Галицию. Когда мы захватили город, часть мобилизо-

ванных осталось у нас добровольцами, а часть была отпущена по домам.

Во время нашего пребывания в городе, противник еще оставался на станции Балта. Положение создавалось для нас неблагоприятное. Обладая крупной артиллерией, противник обстреливал город и наносил ущерб мирному населению. Надо было или оставить город, чтобы спасти его от обстрела, или же выбить противника со станции. Решено было взять станцию приступом. С утра до самой ночи происходила ожесточенная борьба с большими жертвами с обеих сторон. Несмотря на упорное сопротивление, помощь подошедших бронепоездов, а также выгодность позиции петлюровцев, к ночи станция была взята штыковой атакой.

Часа через два отступивший противник снова подошел с двух сторон со своими бронепоездами и начал бить по станции. Не желая больше подвергать свои части опасности, я приказал оставить станцию и отступить к городу. К утру противник начал наступать на город. Видя безрезультатность наступления на станцию и не желая снова подвергать обстрелу город, мы решили его очистить и отступить.

Однако отступив, мы постоянно напоминали противнику о себе, нападая на железнодорожные станции, на город и другие пункты.

Таким образом, станция и населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки. Созданием этого внутреннего фронта мы отвлекали силы петлюровцев от большевистского фронта и приближали момент скорейшего соединения с большевиками.

Видя свою неустойчивость, как на внешнем, так и на внутреннем фронтах, противник стал готовиться к эвакуации военного и другого имущества в Галицию. Тогда мы развернули интенсивную работу для задерживания петлюровского транспорта, направляющегося в Галицию. Дошло до того, что петлюровцы, видя свое безвыходное положение, стали целыми частями сдаваться вместе со своим имуществом. Присылка делегаций о сдаче стала обычным явлением. Не желавшие сдаваться добровольно части разоружались после боевых столкновений. Так, нами была разоружена одна из самых боевых петлюровских дивизий, отступавшая на Балту через села Саражинку, Перейма и Борсуки. В этой истории разоружения целой

дивизии главную роль сыграл командир одного из наших батальонов т. Дудник, которому это удалось совершить благодаря смелости и находчивости.

После целого ряда боев с отступающим противником в конце марта 1919 года мы с двух сторон связались с регулярными войсками Красной Армии. С одной стороны в Вознесенске с войсками, которыми командовал т. Икаченко, и с другой стороны с 8-м полком третьей украинской армии, находившимся под Вапняркой. А через самое непродолжительное время почти одновременно в Балте, а также в Слободке и Кодыме произошло соединение наших повстанческих отрядов с частями Красной Армии.

Таким образом, после продолжительных и упорных боев наступил долгожданный момент соединения военных сил рабочих и крестьян Советской России с рабочими и крестьянами Советской Украины для дальнейшей совместной борьбы против общего врага—мировой контрреволюции, борьбы, которая закончилась полным разгромом всех белогвардейских вооруженных организаций, за спиной которых выступала против нас мировая контрреволюция.

Все описанное происходило, конечно, в ближайшем сотрудничестве с многими товарищами, часть из них самоотверженно отдала свою жизнь за дело революции. Так например, погибли т. Мельников — член партии, представитель рабочих г. Балты, т. Баланюк из села Евтодиевка, тт. Калевский Федот, Теплюк Федор и Шуляк из села Обжила, Мураковский Федор, Тихон Дьячишин, Яков Колебабчук из села Березовки, Гробовик из села Мироны и сотни других героев, фамилии которых, к сожалению не могу вспомнить. Из оставшихся в живых необходимо упомянуть тт. Черняковского, Терлецкого, Пашкевича, Шулыка, Шаповалова, Мишанчука, Дьячишина Тимофея, Ткачука, Данила Фармурака, Нарцова Н., Бродер, Шуляк Назира, Паламарчука Деомиды, Стременовского Никифора, Савуляк Ивана, Григория Лаврентьева, Варфоломея Слепого, Марко Шуляк, Максима Меланича, Евтихия Черного, Авксентия Тысячного, Луку Боровского, Дмитрия Черного, Петра Дудника, Тараса Киничу. Приношу глубокое извинение тем товарищам, которые принимали также активное участие в борьбе и не упомянуты мною в этих спешно и бегло составленных записках.

ПОЗДНЯКОВ Л. Г.

Член КПСС. Участник партизанского движения в районе Тридубы и Балтском уезде. Являясь членом партизанского повстанкома, зимой 1919 г. в районе сел Великая Мечетна, Малая Мечетна, Тридубы, Секретарка и Богачевка принял активное участие в создании 1-го Тридубского партизанского отряда. Был назначен комиссаром этого отряда. Весной 1919 г., после освобождения Советскими войсками Одесщины и левобережных районов Молдавии, 1-й Тридубский партизанский отряд влился в регулярные части Красной Армии. Летом 1919 г., после образования 45-й стрелковой дивизии, был назначен военным комиссаром 401-го стрелкового полка, 2-й стрелковой бригады. После окончания гражданской войны демобилизовался и участвовал в восстановлении народного хозяйства.

ТРИДУБСКИЕ И БАЛТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Сурова была зима 1919 года. Сурова не морозами и выюгами, а дикой расправой петлюровцев. В селах властвуют кулаки и помещики, у крестьян отбирают взятую ими у помещиков землю. Карательные отряды на глазах крестьянских сходо́в засекают шомполами насмерть лучших представителей беднейшего крестьянства.

Особенно свирепствовал бандитский атаман Козубский со своим отрядом черношлычников. Этот зверь чуть

ли не ежедневно на перроне станции Голта ставил к стенке захваченных его молодчиками рабочих города и крестьян, заподозренных в большевизме, и лично расстреливал. Кровь заливала перрон, а он хохотал и по-звериному рычал от удовольствия.

— Долго ли будут расправляться атаманы над беззащитным населением? — ставили мы тогда вопрос в тесном кругу будущих партизан.

И вот однажды в селе Великая Мечетна собрались и создали подпольный штаб для организации повстанческого отряда. В штаб повстанкома входили тт. Лукацкий, Приходченко, Воронин, Задорожный и я. Вербовку партизан повстанком стал проводить в селах Великая Мечетна, Малая Мечетна, Тридубы, Секретарка и Богачевка.

В течение нескольких недель был сформирован отряд в количестве 250 человек, вооруженных винтовками и обрезами. Были также вытащены на свет божий оставшиеся в наследство от немцев два пулемета, добытые в свое время тт. Приходченко и Ворониным. Большинство партизан было из села Тридубы и потому весь отряд наименовали «1 Тридубский партизанский отряд». Командиром его был избран т. Лукацкий, а помощниками — тт. Задорожный и Воронин, начальником пулеметной команды — Приходченко и комиссаром отряда — я.

В 70 верстах от нас в селе Березовка, под Балтой, оперировал против петлюровцев партизанский отряд под командой Дьячишина. Повстанкому об этом было известно. Мы установили с Дьячишиным связь и решили во что бы то ни стало соединить наши силы, чтобы создать более мощный кулак.

Было решено, что наш отряд будет наступать на Балту со стороны Мечетна—Кривое-Озеро—Бендзары, а Дьячешин — со стороны Березовки. В Балте мы должны были соединиться.

В последних числах февраля 1919 года двинулись в путь, заняли Кривое Озеро, были выбиты оттуда, но после вторичного наступления вновь его заняли и создали революционный комитет. Захватив оставленных бежавшими петлюровцами в экономии 20 лошадей и один пулемет, сопровождаемые беднотой, двинулись дальше. В Кривом Озере в наш отряд влилось 15 добровольцев. Благодаря тому, что удалось захватить петлюровских лошадей, мы создали конную разведку.

Однако петлюровцы, получив подкрепление, перешли в контрнаступление на Кривое Озеро. Встреча произошла в верстах 10 за местечком. Нам удалось захватить в плен петлюровскую разведку в числе 25 человек. От пленных мы узнали, что главные силы петлюровцев в количестве 400 человек под командой атамана Янева находятся в соседнем селе. Пленных петлюровцев мы, конечно, посадили с лошадей и, таким образом, смогли увеличить свою разведку, которая влетела в село, занятое главными силами петлюровцев и произвела там панику. Наши пехотные силы одновременно охватили полукругом село. В результате петлюровцы были разбиты, а несколько офицеров, захваченных в плен, в присутствии населения были нами расстреляны. У петлюровцев были отобраны вещи, награбленные у крестьян этого села, и возвращены потерпевшим. На созванном нами сходе был создан сельский комитет из бедноты.

Так, село за селом мы отвоевывали у петлюровцев, создавая в них революционные Советы. Самый ожесточенный бой пришлось выдержать в семи верстах от Балты в селе Бендзары, где были сконцентрированы хорошо вооруженные петлюровские части. Но все же петлюровцы и здесь были разбиты, и мы вошли в Балту и соединились с отрядом т. Дьячишина, вошедшим в город с другой стороны.

Созданные нами в селах революционные комитеты поддерживали тесную связь с отрядом, снабжали его продовольствием.

Из Балты мы вместе с Дьячишиным повели наступление на петлюровцев в Рыбницком направлении. Разбитые под Рыбницей, петлюровцы бежали. Отряд занял приднестровскую полосу и начал охранять ее. Тов. Ткаченко, прибывший через некоторое время в Балту во главе партизанского отряда, формировал 6-ю Украинскую дивизию. Он предложил нам влиться в эту дивизию. После этого наш отряд получил название 1-го Балтского полка. Тов. Дьячешин был назначен командиром полка, Задорожный — помкомполка, он же комбатом 1, Лукацкий — комбатом 2, Воронин — комбатом 3, Приходченко — начальником пулеметной команды, а я — комиссаром полка и военкомом Рыбницы.

В условиях сравнительного затишья (румыны постреливали с того берега) нам приходилось проводить полити-

ческую работу среди красноармейцев. Мы использовали каждую свободную минуту для воспитания бойцов, и эта работа не пропала даром. Впоследствии красноармейцы на деле показали свою преданность и высокую политическую сознательность. Помню, когда изменил Григорьев, мы собрали красноармейцев полка на митинг и объяснили им контрреволюционность его выступления. Красноармейцы были возмущены и требовали отправить их против Григорьева. Полк в это время снять с Днестровских позиций было нельзя, но случай встретиться с григорьевцами представился.

3 мая бронепоезд «Смерть директории», команда которого была настроена григорьевски, прибыл в Рыбницу и направил пулеметы против здания Рыбницкого Совета. Совет был разогнан, причем был ранен комиссар труда Галицкий. Григорьевцы пытались устроить еврейский погром, но полк немедленно выставил свои пулеметы, разбил бандитов и восстановил порядок. Главарей погрома судили в Рыбнице, приговор к расстрелу был встречен красноармейцами с удовлетворением.

Петлюровская армия на Украине была разгромлена, недобитые петлюровцы от открытой борьбы перешли к бандитским вылазкам против Советской власти. Они нередко занимались провокацией, стараясь подорвать авторитет большевиков. Входя в села, бандиты объявляли себя большевиками, грабили крестьян, забирали лошадей и домашний скот.

С одной из таких банд нашему полку пришлось встретиться в районе Кодымы. В начале июня эта банда, составлявшая один из отрядов атамана Зеленого, учинила в Кодыме еврейский погром, остановила поезд, следовавший из Киева в Одессу, изрубила всех матросов, ехавших в этом поезде, и расстреляла пассажиров, заподозренных в большевизме.

Перед отправкой полка против этой банды мы провели соответствующую политическую работу среди красноармейцев, разъяснили им контрреволюционный характер банды и двинулись в путь. Приближаясь к Кодыме, встречаем бегущих оттуда жителей, которые рассказывают нам об ужасах, творимых этой бандой.

— Их очень много, — говорят перепуганные жители, — вооружены, правда, чем попало: и обрезами, и

винтовками, и косами, но есть и пулеметы. Главная их сила расположена в лесу у села Кодыма.

Мы двинулись цепью. В 100 шагах от леса бандиты встретили нас оружейным огнем. Завязался бой. Тов. Задорожный, находившийся на правом фланге, с криком «ура» бросился в атаку, увлекая за собою цепь, но лишь только успел вбежать в лес, был тяжело ранен в бок картечью из охотничьего ружья и упал. Бойцы дрогнули, и на правом фланге началась суматоха и отступление. В это время на левом фланге остальная часть полка энергично бросилась в атаку. Отступление было приостановлено и скоро бандиты обратились в бегство. Атаман банды был пойман, приведен в местечко и расстрелян. В Кодыме нам пришлось побыть три дня. Мы провели немалую политическую работу среди крестьянства.

Тем временем город Ананьев был занят бандой Казакова. Вызванный по телефону начштабригом наш полк немедленно отправился на ликвидацию этой банды. Со станции Черепково, что в 9 верстах от Ананьева, полк пошел в наступление и кажется на 6-й или 7-й версте нами уже был захвачен в плен кавалерийский разъезд банды Казакова в количестве 20 человек. Одеты они были различно. На фуражках красные ленточки.

Бандиты встретили нас стрельбой из пулемета в версте от города. Но особого сопротивления банда не оказала и бежала из города. Войдя в город, мы оказались свидетелями ужасной картины: в редком еврейском доме не было одного-двух трупов.

Через несколько дней мы были отозваны в Рыбницу.

НЕЖИНЦЕВ (КРАСНЫЙ) А. А.

Уроженец Бессарабии. В 1917—1918 гг. принимал активное участие в борьбе за победу Советской власти в Молдавии. В период вторжения румынских оккупантов в Советскую Бессарабию сражался в рядах революционных войск, отстаивавших завоевание Великого Октября. Участник Хотинского восстания. С весны 1919 г., находясь уже в регулярных частях Красной Армии, принимал участие в кровопролитных боях на фронтах гражданской войны. В мае 1919 г. участвовал в организации Бендерского вооруженного восстания. Сражался в рядах Советских войск, совершивших легендарный «Южный поход», воевал на Петроградском фронте, а также против денкинцев и белополяков. В боях под Киевом был тяжело ранен. Демобилизовавшись из рядов Красной Армии, работал на различных постах в советском строительстве, активно сотрудничал в журнале «Красная Бессарабия», являлся членом ЦС общества бессарабцев.

БЕССАРАБСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Широкое участие бессарабцев в революционном партизанском движении на Украине началось с января — февраля 1919 года, с момента подавления Хотинского восстания.

Было бы, однако, ошибочным думать, что Хотинское

восстание послужило главным толчком к организации бессарабских партизанских отрядов, впоследствии слившихся с красноармейскими частями 45-й дивизии. Основной причиной было сложившееся к тому времени на Украине экономическое и политическое положение, настойчиво выдвигавшее на первый план активную борьбу с внутренней контрреволюцией. Хотинское восстание (как и вообще борьба за освобождение Бессарабии) сыграло в данном случае лишь роль организатора и связующего элемента для бессарабских партизан. Достаточным доказательством этого является тот факт, что бессарабским партизанам меньше всего пришлось вести борьбу против своего «непосредственного» врага — румынских захватчиков и больше всего против Петлюры и Деникина.

После подавления Хотинского восстания в Бессарабии начался безудержный разгул трусливой и мстительной румынской военщины, беспощадно расправлявшейся с захваченными крестьянами-повстанцами, их семьями, родными, друзьями и даже просто заподозренными в сочувствии повстанцам. Пылающие села и тысячи убитых и зверски замученных крестьян должны были быть искупительной жертвой за смелость повстанцев, дерзнувших с оружием в руках воспротивиться наглому захвату румынскими оккупантами Бессарабии и защищаться от грабежа и насилия.

Бешеный террор румынских усмирителей вынудил около 50 тысяч хотинских крестьян бежать на территорию Подолии. В то время на Правобережье Украины хозяйничали «удалые хлопцы» идеолога «вільної незалежної» Украины «пана-добродія» Симона Петлюры.

Хотинские беженцы не возлагали на Петлюру никаких надежд. Обманутые петлюровскими властями еще во время восстания (в начале восстания петлюровский штаб обещал повстанцам свою поддержку, но в решительный момент отказал им в помощи), они искали на Украине лишь убежище, чтобы спастись от расправы румынских палачей.

Но петлюровская администрация смотрела на хотинских повстанцев, как на «подходящее» пушечное мясо для борьбы с большевиками. Теснимый наступающими красными войсками, занявшими к этому времени всю Левобережную Украину, Петлюра решил использовать хотинцев в качестве пополнения своей порядком потрепан

ной и дезорганизованной армии. Этим маневром петлюровское командование надеялось убить сразу трех зайцев: 1) усилить свою армию и восстановить ее боеспособность 2) «взять в руки» многотысячную массу хотинских повстанцев, в которых петлюровская директория, хоть и не видела настоящих большевиков, но все же считала «подозрительными по большевизму» и 3) дать выход накопившейся злобе повстанцев, бросив их против «общего врага» — большевиков.

Петлюровские надежды, однако, не сбылись. Повстанцы не могли забыть подлой измены Петлюры, приведшей к быстрому разгрому восстания. Предательство петлюровского штаба воочию доказало повстанцам, что с Петлюрой «бессарабской каши не сварить» и что нечего рассчитывать с помощью Петлюры освободить Бессарабию от румынских оккупантов. Кроме того, задачи и цели революционных повстанцев совершенно не совпадали с кулацко-петлюровскими.

С другой стороны, все акты Советской власти в отношении румынской оккупации Бессарабии убеждали повстанцев в том, что только при помощи Советов можно надеяться вернуться в родные села. Недаром повстанцы радовались приближению красных войск к берегам Днестра. В глазах хотинских повстанцев Красная Армия была единственной в мире силой, могущей оказать действительно реальную помощь в деле освобождения Бессарабии. Все симпатии повстанцев были на стороне тех, против кого их пытались направить петлюровцы.

Хотинцы категорически отказались пойти в петлюровскую армию и выступить против советских войск. В этом отказе петлюровские власти усмотрели результат большевистской пропаганды и приняли решительные меры к искоренению «большевистской заразы» среди повстанцев. Несколько вожakov повстанцев было арестовано, некоторые были убиты. Звериная классовая рожа петлюровщины выявилась перед повстанцами во всей ее неприглядности. Аресты и убийства повстанческих вождей окончательно разделили бессарабских повстанцев и петлюровцев на два непримиримых лагеря. С этого момента начинаются активные партизанские действия хотинских повстанцев в петлюровском тылу.

Приблизительно в это же время и в других районах Приднестровья организуются смешанные партизанские

отряды бессарабцев и жителей прибрежных сел Одесщины для борьбы с Деникиным. В эти отряды вступали сотни эмигрантов и беженцев из Бессарабии, вынужденных бросить родные места, вследствие неслыханного террора румынских «победителей».

Вырвавшись из румынского ада, эти беженцы попадали в петлюровское пекло. Круг как будто замыкался. Но боевая революционная энергия беженцев-бессарабцев настойчиво искала выхода. И наиболее активные уходили в партизанские отряды, чтобы своей борьбой в тылу у врага ускорить разгром Красной Армией контрреволюции.

Главная масса бессарабских эмигрантов состояла из бедняков-крестьян, батраков, рабочих, трудовых интеллигентов и отчасти ремесленников (преимущественно из городов Бессарабии, в особенности из Кишинева и Бендер). Это были представители передовой части трудящегося населения Бессарабии, которые ни при каких условиях не могли примириться с потерей завоеваний Октябрьской революции, отнятых румынскими оккупантами. Выжидательному положению в Бессарабии они предпочли эмиграцию, как средство к собиранию сил для дальнейшей активной борьбы. Но в то время обстановка на Украине была такова, что им пришлось свое самоубежище превратить в театр военных действий и все свои силы направить на борьбу с украинской и генеральской контрреволюцией.

При Петлюре жизнь беднейшего крестьянина Украины была ничем не лучше, чем при гетмане Скоропадском. То же экономическое и политическое угнетение, то же пренебрежение к нуждам бедняков и т. д. Экономически сильное кулачество, больше всего опасавшееся большевистских настроений, добровольно выполняло жандармские обязанности и буквально терроризировало сельскую бедноту и середнячество. Кулаки активно проводили петлюровские мобилизации, силой заставляли бедняков идти в петлюровскую армию. Малейшее проявление бедняком-крестьянином недовольства квалифицировалось как большевизм и соответствующим образом «искоренялось». Помещичьи земли, сельскохозяйственный инвентарь и все прочее, переданное в результате Октябрьской революции крестьянам и вновь отобранное у них при гетмане и австро-германской оккупации, при Петлюре осталось у тех

же помещиков. Никаких изменений не произошло. Крестьянам о земле нечего было и думать.

Петлюровская власть чрезвычайно благоволила к кулакам, справедливо видя в них свою опору. Кулак благоденствовал. Вилообразная трезубая эмблема петлюровской власти своим острием была направлена против бедноты.

Соответственное положение было и в городах Украины. Рабочие и трудовая революционно настроенная интеллигенция были зажаты в тиски, им не разрешалось ничего «лишнего», т. е. иначе говоря, они не смели поднять свой голос в защиту самих себя. Аресты, избиения розгами, шомполами, убийства, грабежи, еврейские погромы и т. п. были и у петлюровцев и у белых генералов обычными методами «восстановления законности и порядка».

Хотинские повстанцы, как и вообще все бессарабские эмигранты, очутившись в удушливой атмосфере петлюровщины и русской белогвардейщины, естественно, не могли оставаться «посторонними» зрителями творившихся безобразий. Они сравнивали положение на тогдашней Украине с положением в их родной Бессарабии, стонавшей под сапогом румынских оккупантов, и не находили сколько-нибудь заметной разницы. Румынский жандарм, петлюровский вартовой и белогвардеец-полицейский были одного поля ягодами.

Вполне понятно, что в такой обстановке бессарабские эмигранты чувствовали себя не лучше, чем в оккупированной Бессарабии. Этот момент и был решающим в деле организации бессарабского повстанчества.

Характерной особенностью бессарабских партизан являлось то, что районом их действия было в основном побережье Днестра и Черного моря, поближе к Бессарабии, чтобы в любой благоприятный момент можно было перекинуться через Днестр «в гости к румынскому королю». Но это обстоятельство поставило бессарабских партизан в особое положение, так как им приходилось вести борьбу одновременно на два фронта — против русской и украинской белогвардейщины и румынских оккупантов, которые, по сути дела, являлись единым контрреволюционным фронтом.

Кроме того, оторванность от родины также ставила бессарабских партизан особняком среди других партизанских отрядов. В то время как, например, украинские пар-

тизаны могли каждую минуту уйти из-под удара врага, рассосавшись и укрывшись по своим деревням, бессарабцы этого сделать не могли. В силу этого в бессарабских партизанских отрядах создалась крепкая дисциплина и спаянность. Стойкость, отвага и дисциплинированность бессарабских партизан создали им у врагов славу «отчаянных большевиков», и встреч с ними одинаково старались избегать как белогвардейцы, так и в особенности «победоносная румынская армия».

6 апреля 1919 года 3-я Украинская Красная Армия взяла Одессу. Несколько дней продолжались еще действия партизанских отрядов, до момента освобождения от белогвардейцев всей линии Днестра. Затем партизанские действия кончаются, и бессарабские партизаны вливаются в регулярные красные войсковые объединения.

В составе 3-й Украинской Красной Армии наступал на Одессу бессарабский отряд под командой т. Райнова, сформированный после занятия красными войсками Киева. Отряд явился ядром, вокруг которого стали организовываться находящиеся в Одессе многочисленные бессарабские эмигранты.

7 апреля в Одессе организовался так называемый студенческий Бессарабский отряд в составе около 200 человек. В следующие дни началась организация из бессарабцев-добровольцев 1-го Бессарабского полка. Студенческий отряд влился в Бессарабский полк, составив в нем 5-ю роту. Через несколько дней выяснилась полнейшая невозможность объединить в одном полку всех добровольцев, ввиду громадного наплыва их. Пришлось сформировать 2-й Бессарабский полк.

Но приток добровольцев шел непрерывно и в результате через пару недель два бессарабских полка развернулись в 1-ю Бессарабскую дивизию, которой была поручена охрана линии Днестра, а также подготовка к более серьезным боевым действиям.

К сожалению восстание Григорьева и наступление Деникина и Петлюры надолго отсрочили боевые действия на Днестре.

23 июня была сформирована 45-я дивизия. В нее вошла наряду с другими частями и 1-я Бессарабская дивизия.

АНУЛОВ Ф. И.

Уроженец Одесской области. Член КПСС. Принимал активное участие в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Одессе. В период борьбы против немецких захватчиков и англо-французских интервентов являлся одним из организаторов партизанских отрядов в Приднестровье. В январе—феврале 1919 г. вместе со своим партизанским отрядом освободил город Тирасполь. Весной и летом 1919 г. по решению командования Одесского военного округа организует специальный ударный отряд для подавления белогвардейских и кулацких банд. В августе 1919 г., в период «Южного похода» группы советских войск по заданию командующего группой Э. И. Якира сформировал «Красный сводный полк», который вошел в состав 45-й стрелковой дивизии. Руководимый Ануловым «Красный сводный полк» на всех фронтах гражданской войны героически сражался за завоевания Великого Октября. После окончания гражданской войны Анулов принимал активное участие в мирном социалистическом строительстве.

ТИРАСПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Тирасполь играл значительную стратегическую роль для союзного десанта. Через город шла железнодорожная ветка, соединявшая Одессу с Бессарабией, а значит и с

Румынией. Эта железная дорога была единственной связью союзников с Европой.

30 января 1919 года по заданию штаба военно-революционного комитета при Одесском областном комитете КП(б)У красными повстанцами был совершен вооруженный налет на город Тирасполь. Задачей налета было расстройство связи союзного десанта с Румынией с целью недопущения переброски союзных войск из Румынии в Одессу.

Налет был совершен отрядом красных повстанцев, состоявшем из ста человек пехоты и 50 всадников-кавалеристов при 4 пулеметах и одном легком 3-дюймовом орудии.

Повстанцы ворвались в город совершенно неожиданно для тираспольского гарнизона. Растерявшийся от неожиданности гарнизон, состоявший из охранной роты в числе 150 штыков и отряда полиции, сопротивления не оказал и отступил к станции Раздельная. Представители союзного десанта спешно отбыли по железной дороге в Кишинев.

Захватив город, красные повстанцы объявили, что власть с этого момента принадлежит рабочим и крестьянам. Был опубликован приказ, гласящий:

«ПРИКАЗ № 1

По Тираспольскому уезду

Военно-революционный комитет извещает всех граждан о том, что власть в городе и уезде находится в руках рабочих и крестьян. Военно-революционный комитет предлагает всем гражданам сохранять полную тишину и спокойствие. Всякое контрреволюционное выступление, а равно саботаж и противосоветская агитация будут преследоваться по законам военного времени.

Военно-революционный комитет».

Отдав приведенный приказ по городу и уезду, красные повстанцы выделили из своей среды «наркомов». Были назначены народные комиссары по всем ведомствам, начиная с председателя совета комиссаров и кончая народным комиссаром почты и телеграфа. Затем были освобождены все политические заключенные. Был уничтожен,

кроме того, архив охранки. Арестовали реакционных чиновников и оставшихся офицеров. На буржуазию была наложена контрибуция в размере 3 млн. рублей.

Таковы были административно-организационные мероприятия повстанцев.

Кроме организационных реформ, повстанцы провели агитационную кампанию среди трудящихся. На вторник 4 февраля 1919 года на 12 часов дня революционной властью повстанцев была назначена торжественная манифестация в честь возрождения рабоче-крестьянской власти. Однако манифестация была сорвана.

По приказанию союзного командования на Тирасполь в этот день стали наступать румынские войска со стороны Бессарабии. Наступление румынскими оккупантами велось главным образом у моста через Днестр, соединяющего Тирасполь с Бендерами.

Наступление румын совпало с началом манифестации. При первых же выстрелах охраны Бендерского моста красные манифестанты бросились к оружию и начали со всех сторон стекаться к восточному краю Бендерского моста. На помощь повстанцам, кроме того, подошло человек 110 вооруженных крестьян. Вооружены были кто чем: топорами, вилами, обрезам и частично австрийскими винтовками, оставшимися после австро-германской оккупации. Румынские солдаты были встречены ураганным оружейным огнем и отошли. После этого оккупанты ввели в бой артиллерию и обстреляли Тирасполь и его окрестности.

В то же время красные повстанцы, не неся от артиллерийского огня никаких потерь, делают несколько удачных вылазок. Бой затягивается и осложняется. Операции развиваются крайне неудачно для румынских войск. Будучи вынужденными наступать на виду у повстанцев, они несут большие потери. Повстанцы же, укрываясь в естественных укрытиях, стреляют наверняка.

К красным повстанцам продолжал стекаться крестьянский люд. Вскоре повстанцы из оборонительного положения стали переходить в наступление. Крестьяне по льду перебирались под огнем румын на бессарабский берег. Вскоре передовые группы закрепились на западном берегу Днестра. Румыны продолжали отступать. В результате боя повстанцев с румынскими войсками оккупанты были

разбиты. Потери их были довольно значительными. - Красные партизаны занимают села Кицканы, Слободзея, Толмазы и другие. Было, кроме того, захвачено много пленных румынских солдат. Партизаны победителями вернулись в Тирасполь.

Что касается советской деятельности назначенных народных комиссаров и ревкома, то они развернули широкую работу. На 10 февраля был назначен созыв уездного съезда Совета рабочих и крестьянских депутатов, который должен был обсудить и утвердить намеченные наркома мероприятия.

Получив сведения о поражении румын и о победе красных повстанцев, главная квартира союзного командования в Одессе не на шутку забеспокоилась и начала готовить экспедиционные карательные отряды из русских, польских и французских частей. Отрядам были даны артиллерия и танки. После торжественных проводов и попоек командного состава, отряды двинулись к Тирасполю. Чем ближе подходили к Тирасполю, тем больше улетучивался пьяный угар, тем больше принималось предосторожностей. Наконец подошли. Окружили со всех сторон. Повели наступление по последнему слову позиционной тактики. Вперед были пущены танки. Кроме того, велась артиллерийская подготовка. Пехота наступала тремя «волнами»: впереди добровольцы, затем второй волной поляки и только третьими, в тылу, шествовали французы — главные инициаторы интервенции.

Цепи подходят к городу. Первая линия с криком «ура» врывается в город для штыковой атаки. Но, к всеобщему удивлению, атака не отражается. Ни одного выстрела со стороны повстанцев. В чем дело? Очень просто: красные партизаны, узнав о приближении сильных карательных войск, попрятали оружие и под видом мирных граждан с неподражаемым «ликованием» и «восторгом» вместе с буржуазией города встречали «избавителей». Таким образом союзное командование осталось в дураках.

Уже тогда оккупанты стали понимать, что с красными партизанами, полными революционного порыва и энтузиазма, воевать труднее, чем с организованной и могучей германской армией.

Однако, потерпев неудачу, командование карательного отряда все же не удержалось от лжи. Эта ложь нуж-

на была для находящейся в Одессе буржуазии. В главный штаб была послана телеграмма о полной победе над красными повстанцами. В свою очередь штаб д'Ансельмана сообщил в местные газеты следующее: «Франко-польские войска выбили путем блестящей штурмовой операции большевиков из Тирасполя, нанеся им крупные потери».

Так окончилась Тираспольская операция.

ОЗЕРЯНСКИЙ А.

Уроженец Херсонской губернии. Член КПСС. Участник партизанского движения в районе Тилигулло-Березани. После того, как Тилигулло-Березанский отряд волился в состав 6-й Приднестровской дивизии, был назначен комиссаром 5-го Тилигулло-Березанского полка. В мае 1919 г. участвовал вместе со своим отрядом в организации известного в истории вооруженного Бендерского восстания. В период борьбы против деникинцев, а затем белополяков являлся военкомбригом 134-й стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии. После окончания гражданской войны принимал участие в социалистическом строительстве, работая на различных партийных и советских должностях. За боевые заслуги в боях за Советскую Родину награжден орденом Красного Знамени.

ПРОТИВ ГРЕЧЕСКИХ И РУМЫНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Весна 1919 года. После долгих боев Тилигулло-Березанский партизанский отряд приближается к родному лиману.

Противник (греки) расположился в хорошо сооруженных окопах, чуть ли не в блиндажах. У него около 700 человек. Он охраняет правое крыло своей наступающей группы и примыкает к берегу Черного моря. В нашем отряде один пулемет и одна пушка без прицела. А

весь отряд — 100 человек, и каждый боец снабжен лишь 5 патронами. Что мог сделать маленький отряд тилигулло-березанцев против численно превосходящего и хорошо укрепившегося врага? Но бойцы горели желанием идти вперед и ничто не могло удержать храбрецов.

Вот пехота и горсточка кавалерии в 13 сабель с пулеметом вброд переправляются на другой берег. Нападают на греков, разбивают их и берут 300 пленных, много винтовок, пулеметов. Остальной противник, бросив все, бежит, сея панику среди своих соседних частей.

— Наступают несколько тысяч большевиков, — кричат бегущие греки.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕНДЕР

В последних числах мая 1919 года из нашей бригады выделили маленький отряд для вылазки в город Бендеры.

Переправа через Днестр предполагалась около села Парканы у взорванного железнодорожного моста, где Днестр глубокий и широкий.

С берега, на котором находится противник, в простой бинокль видно, что творится у нас, да и сам берег, заросший кустарником, очень крутой и высок.

3 часа утра. Светало...

Отряд в 150 человек, при двух пулеметах «Льюис» собрался на берегу, приготовив 8 плоскодонных лодок для переправы.

Нам было известно, что в Бендерах много противника, но сколько именно, мы не знали. Как впоследствии выяснилось, гарнизон города был равен одной дивизии численностью до 4000 человек и состоял из французов, польских легионеров и румын.

В первую лодку садится комбриг т. Черников, я и пулеметчик. Отчалили. Когда приблизились к противоположному берегу, от нашего берега оторвалась вторая лодка с 5 красноармейцами, третья, четвертая... Переправившиеся вскарабкались на крутой берег, держась за кусты. Послали разведку. Вскоре она вернулась, узнав из расспросов жителей расположение противника.

Бендерский гарнизон спокойно спит в казармах, ничего не подозревая: румыны уверены в своей силе и невозможности нашего наступления в данном пункте. Нас переправилось всего 60 человек.

Весь отряд мы разделили на 2 группы: одна под командой комбрига т. Черникова пошла штурмовать крепость, другая под моим руководством двинулась на казармы и полицейское управление, находившееся вблизи казарм.

Вот казармы. Выстрелом из нагана снят часовой и в казармы брошено несколько гранат. Поднялась страшная паника. Зуавы и французы начали выскакивать из казарм и сдаваться в плен. Ведем наступление на полицейское управление. Захватываем его. Некоторых расстреливаем, а некоторых берем с собой, в том числе начальника прибрежной сыскной полиции Попеску.

В крепости такой же успех. Гарнизон ее сдался без боя и через какие-нибудь полтора часа у нас на берегу скопилось множество пленных. Мы их на лодках переправляли на свой берег.

В городе наших бойцов очень тепло встретили жители.

Нами была взята масса трофеев, пулеметы, автомобили и другое военное имущество. Но все это перевезти к себе мы уже не успели, ибо французское командование, оправившись от паники и получив подкрепление из ближайшего расположения своих воинских частей, большими силами повело на нас наступление.

Наша горсточка, насчитывающая не более 45 человек (у нас двоих убили и 12 человек оказалось ранеными в уличных боях), не могла выдержать и под сильным артиллерийским и пулеметным обстрелом начала переправляться на свою сторону.

КОЛЕСНИКОВ. И. Н.

Родился в с. Плоское, Тираспольского уезда, в семье крестьянина. В 1917 г. был левым эсером, а позже, порвав с левыми эсерами, вступил в ряды членов КПСС. В конце 1918 г. принимал участие в партизанском движении в Тираспольском уезде. В 1919 г. в период занятия приднестровскими партизанами Тирасполя (30 января) организовал крупный партизанский отряд, который известен в истории под названием Плосковского партизанского отряда. После освобождения левобережных районов Молдавии советскими войсками от англо-французских интервентов, Плосковский партизанский отряд в полном составе влился в регулярные части Красной Армии. Из этого партизанского отряда был сформирован 400-й стрелковый полк 2-й стрелковой бригады 45-й советской дивизии. Командиром полка был назначен Колесников. И. Н. Колесников — участник знаменитого «Южного похода», ветеран всех боев 45-й дивизии в годы гражданской войны. После демобилизации из рядов Красной Армии возвратился в Молдавию и принимал активное участие в восстановлении народного хозяйства, работая на различных постах советского и партийного строительства.

ПЛОСКОВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

В начале 1919 года польские и французские отряды заняли Тирасполь. Было ясно, что французы при помощи своих подручных — поляков — оккупировали Тирасполь

с тем, чтобы ликвидировать образовавшуюся там Советскую власть.

Я с группой товарищей (Марченко, Цукалов и другие) остался в Тирасполе и мы продолжали борьбу одиночек с польскими и французскими войсками. Мы, тогда левые эсеры (сейчас коммунисты), бросали бомбы в поляков и французов. Конечно, это была детская затея. Меня и моих товарищей несколько раз арестовывали. После одного из арестов т. Марченко расстреляли, мне же при помощи польского офицера-коммуниста Акшевского удалось бежать.

Я бежал через Бычок и Малаешты в село Плоское. В Плоском собрал инициативную группу революционно настроенных товарищей бедняков и батраков и приступил к организации партизанского отряда. В течение 3 дней в отряде уже насчитывалось около 200 вооруженных людей.

С этого момента Плосковский отряд, или, как его называли, отряд Колесникова, стал делать набеги на петлюровские, польские, а также на вновь появившиеся в Тирасполе румынские воинские части, разбивая их, отнимая оружие, лошадей, амуницию и прочее. Все это шло на снабжение отряда.

Не могу не отметить одного из таких набегов на Малаешты, где был расположен значительный румынский отряд. Налетели мы на румынских оккупантов со стороны села Ташлык, откуда те совсем не ожидали нападения. Оккупанты были разбиты, были взяты 1 орудие, продовольствие, лошади, пулеметы и пленные (пленные должны были научить партизан пользоваться захваченными пулеметами). На следующий день в Плоском был получен приказ румынского командования о немедленном возвращении румынских пленных, оружия и прочего имущества, а также о выдаче им Колесникова с угрозой в случае невыполнения этого приказа, снести село с лица земли. Приказ был передан через одного плосковского гражданина.

В связи с этим грозным требованием, пришлось войти с румынским командованием в «дипломатическую» переписку. Отряд наш дипломатами не располагал, поэтому и переписка наша не отличалась особой витневатостью. Придерживаясь язвительно-насмешливой формы, мы написали: «Мы не столько наивны, чтобы верить, что ваша артиллерия, находящаяся в Тирасполе и состоящая из двух пушек без замков может действительно снести Пло-

ское» и т. д. (Речь шла о двух замках к пушкам, похищенных партизанами нашего отряда). Написанное в таком духе письмо мы заканчивали строками из известного исторического письма украинских казаков турецкому султану: «день який не знаємо, бо календаря не маємо, місяць на небі, число у книзі», и т. д. Румынское командование, возмущенное ответом, точно в обещанное их приказом время, начало наступление. Это наступление не застало врасплох наш отряд. Мы хорошо к нему подготовились: устроили ряд засад и предприняли другие меры. В результате румынские захватчики были разбиты.

После этого наши набеги следовали один за другим. Так у ст. Ново-Савицкой нами был разбит большой отряд петлюровцев; затем разбиты и рассеяны неприятельские отряды у Гребенки, Малого-Плоского, Ташлыка и у ряда других сел.

Неизменный успех отряда в значительной мере способствовал его быстрому увеличению: количество партизан с каждым днем увеличивалось и скоро достигло 2000 человек, в том числе 120 кавалеристов. Все партизаны отряда были хорошо вооружены и снабжены всем необходимым за счет разбитого неприятеля: отряд располагал многими пулеметами и 8 пушками.

Общими усилиями партизан в районе действия нашего отряда петлюровцы были ликвидированы. Справившись с петлюровцами, все наши отряды расположились на берегу Днестра и почти ежедневно вели перестрелку с румынскими оккупантами.

Наступившее на некоторое время затишье на Приднестровье позволило заняться реорганизацией расположенных в этой местности отрядов. Наиболее мощные из них по распоряжению командующего 3-й армией были преобразованы в отдельные регулярные части, полки, составившие потом вторую (впоследствии 134-ю) бригаду 45-й дивизии.

Плосковский партизанский отряд стал фундаментом для 400-го стрелкового полка этой бригады.

В БОЯХ

ВОССТАНИЕ КУЛАКОВ В ГЛИКСТАЛЕ И ПЛОСКОМ

В июльские дни 1919 года вспыхнул ряд кулацких восстаний в селах Приднестровья. Первой восстала не-

мецкая колония Гликсталь. В Гликстале стояла хозяйственная часть 403-го Тилигулло-Березанского полка, сам же полк занимал фронт по Днестру со штабом в местечке Григориополь (15 верст юго-западнее Гликсталя). Для прикрытия хозяйственной части полком был оставлен очень маленький отряд. Восставшие ночью немецкие кулаки захватили полковые запасы патронов, снаряжения и продовольствия; при этом перебили всю хозкоманду.

Когда известие о восстании дошло до Дубоссар, где стоял 400-й полк под моей командой, я немедленно снарядил 30 подвод, посадил на них 200 человек, взял несколько пулеметов и 40 кавалеристов и через час с лишним окружил Гликсталь. Немцы еще спали. Спустя полчаса восстание было ликвидировано, все забранное кулаками имущество возвращено, а зачинщики восстания расстреляны.

Почти одновременно с Гликсталем восстало кулачье русского старообрядческого села Плоское, откуда я сам родом. Плоское в это время представляло собой кулацко-повстанческий центр. Возглавлял плосковское восстание некто Батурин, плосковец, бежавший ранее из моего отряда. К Батурину присоединился кавалерийский отряд Кожемяченко, составленный из остатков отряда Попова. Кожемяченко сделался правой рукой Батурина.

Тов. Якир, зная, что я родом из Плоского и пользуюсь у населения авторитетом, предложил мне лично поехать в Плоское и уговорить односельчан прекратить восстание. Я пытался доказать Якиру, что в Плоском кулацкое влияние настолько сильно, что ехать туда и митинговать бесполезно. Но Якир настоял на своем, и мы с политкомом на автомобиле выехали в Плоское.

Когда мы въехали в Плоское, увидели собравшийся народ. Все были так или иначе вооружены: некоторые — винтовками, другие — вилами. Оказалось, что это сход селян.

Я стал упрекать плосковцев в восстании против Советской власти, которая борется за лучшую жизнь рабочих и крестьян. Из задних рядов раздалось шипение:

— Убить их!..

Я заявил:

— Если вы нас даже убьете, то этим вы не убьете Советской власти. Неужели вам ближе немцы-колонисты,

имеющие на двор по 100 десятин земли, у которых вы работаете батраками по 16 часов в день?

В толпе произошло замешательство. Но выступили кулаки-демагоги. После долгих споров мы, ничего не добившись, решили использовать последнее средство — воздействовать на командира кавалерийского отряда Кожемяченко, зная, что он в свое время не последовал за изменником Поповым. Но и переговоры с ним не имели успеха. Пришлось возвратиться ни с чем.

Приехав в Бирзулу, обо всем происшедшем мы доложили Якиру, который отдал приказ: всей 3-й бригаде повести наступление на Плоское и ликвидировать восстание. Это наступление, в котором принял участие и мой 400-й полк, началось на следующий день. Плосковцы были разбиты, главари их бежали, а остальные вышли навстречу нам с красным знаменем и просили пощады.

В связи с этим не могу не отметить низких приемов плосковских кулаков. В селе в это время находился, лечась от раны, полученной под Гликстелем, мой родной племянник, тоже Колесников. Кулаки неоднократно грозили ему смертью. Когда же нужно было просить пощады у победивших красных, плосковские кулаки побежали к нему, упрасывая его выйти с красным знаменем и просить о прекращении артиллерийского огня. На такие штуки было способно только подлое кулачье.

Наступление на Плоское лично для меня было очень тяжелым, так как вся моя семья в то время находилась в Плоском и мне пришлось стрелять, что называется, по своей хате. По Плоскому было выпущено 360 снарядов, один из которых попал в мою хату и контузил пятилетнего сына. Последний спустя некоторое время умер от воспаления мозга.

400-й полк после подавления плосковского восстания был переброшен в распоряжение комбрига 2 Котовского, бригада которого под сильным натиском петлюровцев отошла в то время к станции Кодыма. Выгрузившись на станции Слободка, 400-й полк походным порядком отправился к Кодыме, а оттуда на село Сербы, где нас радостно встретил т. Котовский. Расцеловавшись со мной, Котовский обратился к полку с такими словами:

— Целую вас всех в лице вашего командира и надеюсь, что завтра при вашей помощи мы погоним помещичью сволочь, которая стоит на дороге революции.

И, действительно, на следующий день рано утром, под руководством т. Котовского, мы двинулись в наступление и, разбив петлюровцев, захватили в Песчанке их штаб дивизии с радиостанцией и различным имуществом. При этой операции за один день было пройдено расстояние от Кодымы до Крыжополя.

КОТОВСКИЙ

Котовский был бесконечно преданным пролетарскому делу, храбрейшим бойцом, богатырского телосложения, искусным военным руководителем, с сильной волей, колоссальной энергией, хорошо был знаком с трудовым народом и чутко относился к бойцам. Он не признавал поражений. Упорством в боях и бесконечным рядом побед он создал 2-й бригаде громкую славу. Где только появлялась 2-я бригада, там неизменно противник терпел поражение.

Каждого красноармейца он считал непобедимым героем, полным отваги и боевого духа, которые таились в этих зачастую раздетых и босых людях. Если иногда случались поражения, Котовский был вне себя, и тех, которые пытались отступать, гнал от себя, заявляя, что в Красной Армии не может быть пораженцев.

— Вы не на свадьбе здесь, — говорил он, — куда можно приходить и уходить. Наша задача — идти только вперед, а всякий, кто может допустить мысль об отступлении, есть вороний корм, пушечное мясо.

Котовский мог вдохновить даже труса.

Будучи сам человеком огромной воли, он имел большое влияние на других. Припоминаю такой случай.

Как-то нами был захвачен в плен большой отряд петлюровцев. Когда привели их в штаб нашей бригады, к ним вышел Котовский и принялся бранить их.

— Неужели вы, дубье, не понимаете, что вас Петлюра дурачит, что петлюровское движение — чисто помещичье и кулацкое, что впоследствии эти помещики и кулаки будут вас давить, как давили раньше.

А потом позвал их командира, бывшего учителя, в отдельную комнату и предложил ему возвратиться с отрядом к Петлюре, разгромить его тыл и тем самым доказать, что отряд на стороне трудящихся. Присутствовавшие при этом начштабриг т. Каменский, комполка 402 Кри-

воручко и я стали осуждать этот замысел Котовского. Однако он был уверен в своей правоте и заявил нам:

— Я — командир бригады и отвечаю за свои действия.

Что же оказалось? Этот самый петлюровец (фамилии его не помню) сделал все, что ему приказал Котовский. Пробравшись с отрядом в тыл Петлюры и подняв там панику, он вскоре возвратился к нам с большей добычей. Так умел Котовский силой своей воли переубеждать людей.

ОБСТАНОВКА ПЕРЕД ОТХОДОМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

В описываемое время 134-я бригада, занимавшая фронт у Тирасполя, была в очень затруднительном положении. Кулачье всех ближайших сел было враждебно настроено и всячески старалось ей вредить. Чуть ли не каждый день возникали восстания то в одном, то в другом селе. Приходилось посылать отряды подавлять эти восстания, в то же время надо было зорко следить за румынами, которые были с нами фактически в состоянии войны. Для того, чтобы подвезти, например, фураж или продовольствие, или снарядить подводы для перевозки грузов, нужно было высылать целые отряды.

Но благодаря энергии комсостава и политсостава, руководимого такими товарищами, как Озерянский, Владимиров, Черников, Гончаров, Потриваев, знавших дело и работавших день и ночь над воспитанием красноармейцев, бригада к моменту отхода Южной группы к Житомиру являлась боеспособной воинской частью.

Контрреволюционные восстания в немецких колониях и в селах не прекращались. С каждым днем наше положение ухудшалось. Тыла не было, нормальных источников продовольствия и снабжения не было. Единственным источником снабжения оставались трофеи, добываемые в результате поражения неприятеля. Кулаки в селах настолько обнаглели, что стали отравлять продукты и даже колодцы в местах расположения красных частей.

Подводы для перевозки грузов трудно было достать, кулаки и часть крестьян, сагитированных кулаками, уводили лошадей в леса и даже прятали в погреба. Были случаи, когда наши товарищи, которых посылали за подводами, не возвращались: их убивали. Так, были убиты

посланные штабом 45-й дивизии в село Пасицелы 22 человека во главе с т. Гаазе.

Положение осложнялось еще и тем, что разбросанные по всему району петлюровские мелкие банды возбуждали против нас население. Надо было быть вечно начеку. Так, однажды я попал в плен. Когда мы стояли под Мясковкой, я и Криворучко поехали на бричке в одно из ближайших сел. Отъехав от расположения наших частей, мы наскочили на петлюровскую засаду. Завязалась перестрелка. Криворучко был ранен, но успел умчаться на бричке; меня же петлюровцы схватили и повели. Вскоре показалась наша кавалерийская часть, мчавшаяся мне на выручку. Это был Миша Няга, известный всей дивизии боец, впоследствии командир 1-го кавполка, со своим дивизионом. Его высадил на выручку мне т. Криворучко. Петлюровцы разбежались, и частично были перебиты. Я был спасен своим другом Нягой.

ЧТОБЫ НЕ ДОСТАЛОСЬ ВРАГУ...

В целях концентрации всей 45-й дивизии для отхода на север т. Якир отдал приказ 1-й и 2-й бригадам двинуться через Чечельник—Бершадь на Хоцевату. Обе бригады к тому времени (конец августа 1919 г.) занимали фронт между станциями Попелюхи—Рудница. На путях скопились большие запасы снарядов и 2 бронепоезда. Так как вывезти это не было возможности, пришлось все рвать и жечь, чтобы не досталось врагу.

Тов. Котовский приказал мне остаться с 50 кавалеристами, чтобы поджечь после ухода бригады как снаряды, так и бронепоезд, а затем следовать за бригадой. Мы облили все вагоны керосином, а бронепоезд набили снарядами и ручными бомбами.

Петлюровцы не замедлили повести наступление на нас. Как только они приблизились на несколько сот шагов к станции, расставленные у вагонов кавалеристы по моей команде подожгли облитые керосином вагоны. Сев на лошадей и отъехав на некоторое расстояние, мы стали наблюдать, что будет дальше. Петлюровцы, заметив наш отход от станции, бросились занимать ее и тушить пожар... В это время один за другим стали происходить взрывы. От взрывов петлюровцам пришлось очень жарко.

Отходя на Чечельник—Бершадь, мы были в постоянном соприкосновении с неприятелем, отражая нападение его отрядов, разбросанных по пути нашего следования.

Когда 2-я бригада заняла, наконец, Бершадь штаб дивизии находился в Хоцеватой. Тов. Якир ночью вызвал к себе Котовского и меня. Взяв на станции паровоз, два пулемета и 5 пулеметчиков, мы отправились в Хоцевату, куда прибыли в 10 часов вечера. На совещании, длившемся более часа, обсуждались вопросы отхода на Киев. В конце совещания т. Якир передал Котовскому и мне часы в виде подарка от Реввоенсовета с именными надписями.

Возвращаясь в Бершадь, мы по дороге узнали, что станция Гайворон, через которую лежал наш путь, занята какой-то бандой. Машинист отказался было вести поезд, но Котовский угрозами принудил его продолжать движение.

Ехали мы тендером вперед, пулеметы были поставлены и укреплены на тендере. При приближении к станции Гайворон мы сразу же открыли сильнейший пулеметный огонь, и банда, сделав несколько выстрелов, отступила.

Дальнейший путь до Бершади прошел спокойно

ВЫРЫВАЕМСЯ ИЗ КОЛЬЦА

К утру Бершадь была со всех сторон окружена неприятелем, и мы могли отступать лишь при условии прорыва образовавшегося кольца. Тов. Котовский собрал весь командный и политический состав и обрисовал создавшуюся тяжелую обстановку, заявив при этом, что выйти из такого положения можно только наступлением на неприятеля, в противном случае мы оторвемся от нашей дивизии; кроме того, при усилении неприятеля, вряд ли вообще можно будет отсюда вырваться.

Немедленно были посланы во все стороны разведчики с целью узнать, где легче прорвать фронт. Вслед за разведчиками выехал в сопровождении т. Швеца и я. У кладбища мы, сойдя с лошадей, не успели еще осмотреться, как вдруг из-за угла выскочило около 30 петлюровцев, которые бросились на нас. Тов. Швец успел вскочить на лошадь и ускакать, а меня схватили.

Швец сейчас же сообщил Котовскому о моем пленении, и Котовский лично во главе кавалерийского отряда в 50 человек нагнал отряд петлюровцев, разбил его и вырвал меня из петлюровских рук. Так я вторично был спасен от верной гибели.

Тем временем возвратившаяся разведка принесла неутешительные вести: окружение было полным. Котовский отдал приказ о наступлении в том направлении, которое было обусловлено с начдивом. На нашем пути мост через реку Беражанку был обложен петлюровскими войсками, преимущественно из галичан, располагавшими пулеметами. Котовский сам впереди наших частей бросился на неприятеля, защищавшего мост, и в несколько минут неприятель был разбит и бежал, оставив нам 4 пулемета. Мы двинулись вперед.

Так вышли мы из кольца, потеряв лишь несколько человек ранеными и убитыми; сверх того потеряно было еще несколько подвод со снарядами.

Дальнейший наш отход к Житомиру сопровождался ежедневными стычками и боями с неприятелем, которые зачастую кончались для нас успешно.

Хотя мы были босы и раздеты, но пройдя в опасных условиях путь от Рудницы до Житомира, мы уже невозможного для себя не представляли и были твердо убеждены в правоте нашего дела, а вместе с тем в окончательной победе. Пришедшие к Житомиру наши части состояли из закаленных бойцов, в любой момент готовых идти за революционное дело в огонь и воду. Это было вскоре доказано в кровопролитных боях под Киевом.

КОТОВСКИЙ Г. И.

Родился в 1881 г. в м. Ганчешты, Бессарабской губернии. В годы первой русской революции 1905—1907 гг. организовал вооруженный отряд и открыто выступил против царского самодержавия, за что царскими властями был осужден на каторгу. Бежав с каторги в 1913 г. вновь формирует вооруженный отряд и продолжает борьбу против угнетателей. В 1916 г. был приговорен к смертной казне, замененной вечной каторгой. После февральской революции, в августе 1917 г. был отправлен на Румынский фронт. В период борьбы за победу Октябрьской революции в Молдавии, в тяжелые дни вторжения румынских войск на территорию Советской Бессарабии, являлся членом большевистского фронтодела, принимал активное участие в борьбе за завоевания Великого Октября. Во время немецкой и англо-французской интервенции по заданию Одесского подпольного Ревкома создал боевую дружину, а затем партизанский отряд, который вел борьбу против интервентов. В годы гражданской войны командовал 2-й стрелковой бригадой 45-й дивизии, затем кавалерийской бригадой. В апреле 1920 г. вступил в КПСС. Легендарный герой гражданской войны за беспредельную храбрость и отвагу был награжден 3 орденами Красного Знамени. После окончания гражданской войны, являясь командиром 2-го кавалерийского корпуса, Г. И. Котовский принимает активное участие в социалистическом строительстве. Он был одним из организаторов Молдавской АССР, являл-

ся членом ЦИК СССР, ВУЦИК и ЦИК МАССР. В 1925 г. пуля наемного убийцы оборвала жизнь славного сына советского народа Г. И. Котовского.

45-я НЕПОБЕДИМАЯ

По окончании знаменитого прорыва Южной группы, высшим командованием перед бойцами 45-й дивизии была поставлена новая боевая задача — движение на Киев и его освобождение от противника

Полкам 2-й бригады приказано было занять местечко Бородянку и село Новая Гребля по реке Здвиж (приток реки Тетерева), где сменить части интернационального полка т. Голого¹.

Интернационалистов в Новой Гребле пришлось сменить 400-му и 401-му полкам, имевшим в общем не более 350—400 штыков.

Восточная часть села Новая Гребля занималась офицерским стрелковым батальоном противника, 800 штыков при 12 пулеметах «Максима», и Кубанской батереей, занимавшей позицию на восточном берегу реки Здвиж. Занятая часть села была сильно укреплена.

Смена происходила в тяжелых условиях и части сменялись группами от 5 до 10 человек, часто ползком.

Части полков, сменив интернационалистов, с боем заняли западную часть села и фактически противные стороны разделял только один ряд дворов.

В первую же ночь на рассвете противник попытался атаковать наши полки, но атака была отбита.

Прошли еще одни сутки напряженной борьбы то в одном, то в другом пункте. Ночью противник одиннадцать раз атаковал горсточку наших бойцов, которые в одних нательных рубашках и частью только в кальсонах, босиком (октябрь месяц) отбивали сильного, хорошо вооруженного противника из своих окопчиков и баррикад, наскоро построенных из бревен и песка. Много сказочного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь как отдельными героями, так и целиком обоими полками.

Многих и многих уже нет в живых и почти что ничего не занесено из этой жуткой ночи, что должно было бы переходить из потомства в потомство, как пример высшего революционного мужества и самопожертвования.

---

¹ В документе ошибочно: «Гавро».

На рассвете, без артиллерийской подготовки, два маленьких полчка при поддержке спешенного эскадрона перешли в контрнаступление, бросившись на противника в штыки.

Никогда до этого и после этого во все время гражданской войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, такой поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой реки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки-офицеры, понимая, что спасения нет, дрались с психологией отчаяния и были уничтожены до одного человека, частью будучи убиты, частью потоплены в болотистой речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину места боя. Трупы лежали горами, иногда группой в 4—6 человек и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг друга, были пронзены штыками своих врагов, а те, в свою очередь, были убиты другими. Так и лежали группами, навалившись друг на друга... Перегрызенные глотки, откусанные носы, оторванные уши...

Маленькие полчки после этого боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен.

Поредевшие ряды легендарных, сказочных, незабвенных и, вместе с тем, скромных, незаметных героев рвались к Киеву. «Даешь Киев», — вот что было на устах каждого отдельного и всех бойцов бригады и дивизии. Их воля к победе, воля к освобождению братьев-пролетариев Киева была несокрушима и даже стихийна, но осуществиться этой мечте наших героев не пришлось...

Революция требовала бойцов 45-й дивизии на другой участок фронта. Нас звали к себе на помощь петроградские коммунары, на которых наседали Юденич.

И скоро части героической, непобедимой дивизии, эшелон за эшелонам двигались на помощь своим братьям на север.

КРАЕВСКИЙ Б.

Член КПСС. В 1919 г. был командующим одесским военным округом. В период отхода Южной группы Советских войск (август 1919 г.) заболел тифом и решением Реввоенсовета был оставлен в тылу врага. Находясь в тылу денikinских войск в м. Окна принял активное участие в организации партизанского движения. В сентябре — октябре 1919 г., связавшись с другими коммунистами, организовал 1-й приднестровский повстанческий отряд, командиром которого стал Самборский. Руководимый Самборским, Краевским и Алешиным партизанский отряд вел решительные бои с отступающими денikinскими частями. В феврале 1920 г. партизаны, руководимые Б. Краевским и Д. Решетниковым, в районе станции Раздельная разоружили и арестовали главный штаб галицийской армии, выступавшей на стороне денikinских войск. После освобождения Одесской области и левобережных районов Молдавии в феврале—марте 1920 г. 1-й приднестровский повстанческий отряд вошел в состав 45-й стрелковой дивизии.

ПАРТИЗАНЫ 1-го ПРИДНЕСТРОВСКОГО ОТРЯДА

В конце августа 1919 года наши войска отступали на Одесском направлении. Я, как командующий Одесским округом, дошел с отходящими частями до станции Бирзула, где заболел возвратным тифом. Реввоенсовет Южной группы решил оставить меня и спрятать в этом районе,

так как мое положение было безнадежным. Меня отвезли в район местечка Окны, где я спрятался в поле, а затем попал в самые Окны. Со мной осталась моя жена Мария Ивановна. В Окнах я остановился в одной бедной семье (Калик).

Здоровье мое начало поправляться, и я стал обдумывать дальнейший план предстоящей работы, так как в это время район этот занимался частично петлюровцами и частично деникинцами. Жена выехала в местечко Дубоссары с целью выяснить оставшихся товарищей и установить с ними связь, но была арестована. Узнав об этом, я дальнейшее пребывание в Окнах считал для себя небезопасным ввиду концентрации там значительных петлюровских сил и властей.

Меня привезли в село Черно на квартиру местного гражданина Перлимутер-Шая. После принятых мер жене удалось бежать из Дубоссар, и она тоже прибыла в Черно. Совместно с ней мы через Перлимутера стали выяснять, кто есть в селе из коммунистов и сочувствующих. Выяснив, что в селе остался предволисполкома т. Решетников Д. П., я тут же решил с ним связаться. От Решетникова я узнал, что у него скрывается бывший военкомбриг н-ской дивизии т. Денисенко Ф. Г., а также, что в некоторых ближайших селах скрываются красный комсостав и красноармейцы.

После одного-двух свиданий с Решетниковым я предложил приступить к разработке плана учета наших скрывающихся товарищей и подготовки к восстанию в Балтском уезде. Вскоре закипела подготовительная работа. Квартира Перлимутера превратилась в полевой штаб. В штаб входили: Краевский — командир, Решетников — начштаба, а также Денисенко, Мария Ивановна, был привлечен к этой работе и Перлимутер. Таким образом, к концу сентября нам удалось организовать следующие боевые единицы: Черна (45 человек), Топала (30 человек), Дигоры (6 человек), Гавеносы (9 человек).

Несколько позднее, в первых числах октября, наше влияние расширилось на юго-запад, в селах выделялись отряды из бывших красноармейцев и примыкавших к ним недовольных крестьян. Таким образом, через т. Стагурского удалось организовать отряд в Воронково (15 человек), в Копанке (15 человек), Мокра (12 человек) и Ботушанах (15 человек).

В начале октября я оставил Решетникова для дальнейшей работы, а сам выехал в Рыбницу, где по сведениям скрывалась солидная группа товарищей. Прибыв туда под видом сапожника, я быстро установил связь с целым рядом товарищей, а именно Нарцовым, Бояном и другими, фамилии которых не помню. Им было дано задание не медля ни одного дня приступить к учету всех боевых сил, которые могут быть использованы для борьбы с деникинцами.

Тов. Давид (фамилии не помню), дал справку, что Рыбница может выставить 30—40 человек, готовых в любое время для борьбы с врагом. В Рыбнице мы купили пару лошадей, на которых разъезжали с целью организации повстанческого движения.

Кажется, в конце октября мы получили сообщение от Решетникова через т. Денисенко, что каким-то отрядом в местечке Окны уничтожена деникинская государственная стража. Спешно выехал с Денисенко на своих лошадях для свидания с Решетниковым, от которого я узнал, что действующий в Окнах отряд состоит, главным образом, из местных граждан и частично захарьевских, съехавшихся на базар. Узнав, что отрядом руководят тт. Алешин и Щеглов, мы решили немедленно с ними связаться для включения в свою сеть; одновременно было отдано распоряжение по всем сельским отрядам быть наготове и ждать дальнейших указаний.

Тогда же было созвано совещание руководителей отрядов, на котором было решено командование поручить следующим лицам: Чернянской группой — т. Раковскому Ивану, Тополянской — т. Пташникову и Воронковской — т. Стагурскому.

Получив от Денисенко, ведавшего разведкой, сведения, что в Слободке скрывается т. Самборский, у которого есть 8—10 вооруженных людей, я выслал Денисенко для связи с Самборским. По заявлению Денисенко Самборский пожелал лично со мной познакомиться, так как не верил, что я нахожусь в Черно. Через два дня я выехал в Слободку, где встретился на нелегальной квартире с Самборским, которого познакомил с нашей организацией и предложил ему влиться в наши отряды. Он согласился вступить в полное мое распоряжение.

После этого отряды были переформированы на три группы. Во главе первой группы были тт. Алешин, Щег-

лов и Дыбенко. Позднее туда был назначен начальником штаба т. Бузинов и военкомом т. Самборский; во главе второй группы стояли тт. Пташников и Стагурский; и третьей группой, расположенной в районе Тымково—Слободка, командовали тт. Самулевич, Самоходов и Мирочнюк (бывший командир одной из красных частей).

Первая группа комплектовалась из жителей сел Флера, Окны, Захарьевка и группы плосковцев. На эту группу, как на маневренную, полевым штабом обращалось самое серьезное внимание в смысле пополнения людским составом и боевыми припасами. Были случаи, когда в ущерб другим группам, стягивали вооружение в эту группу. Вскоре после сосредоточения в этой группе четырех пулеметов и до 400 бойцов туда же было влито довольно солидное количество бывших французских военнопленных, возвращавшихся из Одессы на родину.

Вторая группа комплектовалась из жителей сел Дигоры, Черна, Топала, Косянская Слободка, Воронково, Попенки и других ближайших сел. Она была очень плохо вооружена. Винтовок было всего около 65. Еще хуже дело обстояло с боевыми припасами.

Центром сосредоточения третьей группы были Тымково, Слободка. Группа насчитывала 500 человек, имелось 10 пулеметов и два орудия. Ввиду пассивности ее руководителей, Заболотному удалось большую часть людей сманить на свою сторону и увести из нашего района на северо-восток якобы для соединения с красными. Оставшаяся часть этой группы с двумя пулеметами была влита сначала во вторую, а затем ею была укомплектована первая группа.

С каждым днем число партизан увеличивалось. Поэтому увеличивалась и потребность в материальных средствах, и отсутствие их зачастую толкало нас на такие операции, которые стратегически большого значения для нас не имели.

Характерными являются две операции, проведенные первой и второй группами в середине декабря 1919 года. Первой группе полевым штабом было дано задание — занять Дубоссары. Вторая группа, с которой пошел я лично и т. Решетников, двинулась на Рыбницу, чтобы с одной стороны облегчить операции под Дубоссарами и с другой — для добычи материальных средств. В ее состав

должны были входить Чернянская, Тополянская, Воронковская группы и отряд Самборского.

Выступили все группы, кроме отряда Самборского, из которого прибыло только человека четыре, остальные, в том числе и сам Самборский, согласно его донесению, отказались на том основании, что нет винтовок и погода скверная. Кроме того, по дороге заболел Пташников, который остался в Мокрой, а с ним и весь его отряд. Таким образом, для наступления на Рыбницу прибыло всего человек 30, причем имелось только 19 винтовок.

Эти неожиданности задержали наступление на одни сутки. Тем временем деникинцы, узнав о нашем движении, стянули в Рыбницу часть полка пограничной стражи, привели в порядок комендантскую роту и государственную стражу. В общем гарнизон состоял приблизительно из 300 хорошо вооруженных деникинцев, имевших два пулемета. Главные их силы, согласно данным разведки, сосредоточились в районе вокзата и в направлении Воронково.

Узнав расположение противника, мы обошли его и, разбившись на два отряда, ночью проскользнули через заставы, снимая по дороге караулы противника. Одному из отрядов во главе со Стагурским, численностью до 20 человек, было поручено быстрым налетом ворваться в казармы и уничтожить находящуюся там часть противника. Мы же с Решетниковым и остальными 10 бойцами двинулись на комендантское управление и с криком «ура» ворвались туда. Заняв комендатуру, я бросился к камере арестованных, было освобождено до 15 человек. Захваченное в комендатуре оружие и патроны были розданы освобожденным из-под ареста и безоружным из нашего отряда.

Главные заставы белых, услышав стрельбу и узнав о занятии местечка, направились для освобождения комендатуры. К тому времени к нам подоспел т. Стагурский со своим отрядом. Противник был встречен сильным оружейным огнем, и командующий гарнизоном вступил с нами в переговоры. На мое категорическое предложение сдаться нам без всяких разговоров, белые попросили три минуты на размышление и, пользуясь абсолютной темнотой, рассеялись.

Став таким образом хозяевами местечка, мы с наступлением дня вызвали представителей общины с целью

переговоров для получения займов на содержание наших отрядов. Одновременно с этим был отпечатан приказ об объявлении Советской власти и хождении советских денег.

Белые, узнав о малочисленности нашего отряда, и с минуты на минуту ожидая прихода бронепоезда, ежедневно прибывавшего к 12 часам, сосредоточились в районе вокзала и повели организованное наступление на комендатуру, где в это время находилось всего около 10 человек наших бойцов, так как остальные были разосланы патрулями по местечку. Завязался бой, продолжавшийся около часу. В этом бою был убит т. Стагурский и один из товарищей ранен.

Потеря в людях, возможность с минуты на минуту появления бронепоезда, заставили меня отдать приказ захватив патроны и винтовки, взятые в комендатуре, оставить местечко и отходить по направлению экономии Буски. В Бусках часть пехоты была посажена на коней, захваченных в этой экономии, и к вечеру мы прибыли в расположение штаба в село Черна, куда прибыла и первая группа, оперировавшая в Дубоссарах.

Заняв Дубоссары, первая группа, ввиду отказа общины дать заем, реквизировала часть мануфактуры и сахар, которые были использованы для нужд отряда.

На совещании было решено провести полную реорганизацию наших отрядов по образцу Красной Армии. Для этого отряды были введены в село Топалу, так как в штаб поступил целый ряд донесений от разведки, а также перехваченных деникинских телеграмм, доставленных нам бирзульскими телеграфистами, из которых нами было усмотрено, что деникинское командование стягивает 3-й галицийский корпус на юг с целью обложения района действия наших отрядов.

Тревожные донесения об усиленном движении этих частей сыпались из всех деревень. Полевым штабом решено было начать противодействие дальнейшему продвижению галицийских частей, двигавшихся тремя колоннами: одна — вдоль Днестра, другая — по линии железной дороги Вапнярка — Бирзула и третья — в центре района действия наших отрядов.

В начале января мы получили донесение от т. Самборского о движении галицийского артдивизиона через Флеру из Окны, где в это время уже были ревком и комендатура, в которые входили тт. Коваль, Варбанец, На-

заров и еще два товарища. Узнав, что артдивизион остановился на ночлег в селе Флера, я быстро сосредоточил все силы и под руководством Решетникова, Алешина и Шеглова ночью бросил их на Флеру. Сначала наши командиры усомнились в исходе операции в нашу пользу, но, подбодрив их, я настоял на ее выполнении. Смелым налетом красные повстанцы застигли галичан врасплох и принудили их сдаться без выстрела.

Добыча была чрезвычайно богатой. Захвачено 4 орудия с полной упряжкой и достаточным запасом снарядов, несколько пулеметов с большим количеством лент, виштовки, патроны и масса ценного снаряжения, в котором мы крайне нуждались. Часть галичан тут же перешла на нашу сторону и осталась при орудиях. Остальные вместе с комсоставом (17 офицеров) были захвачены в плен и сданы Окницкой комендатуре.

Деникинское командование, узнав о захвате нами артдивизиона, приказало галицийскому командованию двинуть против нас два батальона пехоты с орудиями с целью разгрома наших отрядов и возврата захваченного нами у них имущества. В этот же день часам к двум галицийские части начали наступление со стороны Чубуки на Окну, где были расположены наши части. После короткого боя с участием с обеих сторон артиллерии противник отступил и выслал к нам парламентаря для переговоров.

Нельзя не отметить того геройства, которое проявили жители местечка в этом бою. С первым ударом набата все боеспособное население, вооружившись чем попало, явилось в наши отряды и мужественно отражало атаку противника.

Переговоры галицийских делегатов о возврате захваченного у них имущества ни к чему не привели, также не удалась попытка адъютанта II бригады Малко добиться свидания с примкнувшими к нам галичанами с целью увлечь их за собой. Прервав всякие переговоры, полевой штаб выпустил целый ряд воззваний к галицийской армии с целью разложения ее. Результат наших воззваний не замедлил сказаться: через несколько дней к нам стали прибывать делегаты от целого ряда галицийских частей для связи и переговоров о контакте действий. Желая противостоять влиянию главштаба галицийской армии, мы при переговорах категорически требовали организации в:

галицийских частях ревкомов. Совместно с товарищами галичанами, прибывшими к нам для переговоров, было решено организовать центральный ревком галицийских частей.

Основной задачей вновь организованного ревкома была ликвидация главштаба во главе с Микиткой и Цирисом с целью изъятия петлюровского элемента и назначения нового главнокомандующего. Ревкомом совместно с нами было решено занять Бирзулу и переместить туда полевой штаб. С этой целью полевым штабом был отдан приказ первой и второй группам слиться и форсированным маршем двинуться и занять Косы, Туркевичи и Любомировку, перерезать железную дорогу Бирзула—Чубовка и овладеть Бирзулой.

После занятия трех перечисленных деревень, для переговоров с бирзульским главгалревкомом мною были командированы тт. Решетников, Левицкий, Самоходов, Алешин и другие. Делегаты совместно с ревкомом решили не вводить наших частей в Бирзулу, опасаясь возможных столкновений со стоявшей там галицийской полевой жандармерией. Организация власти в Бирзуле была поручена назначенному полевым штабом коменданту Левицкому, которому были подчинены галицийские части и небольшой наш отряд в 30 человек. Узнав о сосредоточении деникинцев в районе Одессы, полевой штаб выделил группу наиболее организованных частей, в состав которых входила пехота на подводах и кавалерия, снабженные двумя орудиями и шестью пулеметами, и двинул их на юг с целью удара по отступающим деникинцам.

Эта операция была поручена т. Решетникову, который и отправился вместе с отрядом. Сам же я переместился с полевым штабом в Бирзулу.

Высланная группа столкнулась со всей бредовской армией в немецких колониях в местечке Туманово Тираспольского уезда. Из показаний взятых нами в плен деникинцев было установлено, что группа Бредова, преследуемая регулярными красными частями, после неудачной попытки переправиться через Днестр в районе Маяки и Бендеры, двигалась к северу вверх по Днестру для соединения с поляками.

Таким образом, наша группа неожиданно столкнулась с главной колонной противника, который всей массой обрушился на нас, имея огромное количество артилле-

рии и кавалерии — всего около 5000 человек. После 3—4-часового боя наши части под давлением огромных сил противника вынуждены были отойти в направлении на Островское шоссе, где примкнули к регулярным частям Красной Армии и слились с нами согласно приказу Реввоенсовета республики.

Тем временем Бирзульская группа вместе с галичанами успела захватить на станции Чубовка деникинский бронепоезд «Гроза», имевший на вооружении 4 орудия и 18 пулеметов и наступавший на Бирзулу. Бронепоезд был доставлен в Бирзулу и укомплектован новой командой.

Главгалштаб, узнав о захвате «Грозы», спешно эвакуировался со станции Слободка на Рыбницу под прикрытием бронепоезда «Ураган» с тем, чтобы переправиться через Днестр. С этой же целью туда же, согласно директивам деникинского командования, оттягивалась наиболее ценная материальная часть. Для захвата галицийского главного командования т. Бояну было приказано стянуть всех бойцов к Рыбнице и ждать дальнейших указаний. Туда же была направлена сотня штыков галичан, которым было дано задание связаться в Рыбнице с т. Нарцовым и совместно совершить налет на поезд, в котором размещалось галицийское главное командование.

В один прекрасный вечер в результате смелого налета, без единого выстрела, Рыбницкая группа арестовала весь штаб галицийского главного командования, захватив при этом бронепоезд «Ураган». Добыча была чрезвычайно богата. Было захвачено несколько генералов — Микитка, Цирис, Стойкин и целый ряд других высших чинов деникинской армии, командированных для сотрудничества в штаб галицийской армии. В это же время в районе Рашково был захвачен и князь А. Львов, пытавшийся переправиться через Днестр.

Прибывшему после боя в Туманове т. Решетникову было поручено задержать дальнейшее продвижение генерала Бредова в районе Воронково. Для этого были выделены бронепоезда «Ураган» и «Гроза» и к ним придан Рыбницкий отряд.

В начале февраля бронепоезда подоспели к моменту переправы бредовских банд, и у колонии Гершунь завязался бой. Нашими бронепоездами была сбита артиллерия и рассеяна кавалерия, защищавшая фланги противника.

Богатый обоз противника, попавший под сильный обстрел бронепоездов, вынужден был повернуть на юг и целиком попал частям Красной Армии. Затем бронепоезда были брошены в направлении Вапнярки для охраны железной дороги и организации на пути движения бредовских банд сопротивления местных крестьян. Крестьяне охотно брались за оружие, чтобы помешать бредовским бандам вывозить награбленное народное добро. Деревни Мясковка и Горячковка, где завязался бой местных крестьян, хорошо снабженных вооружением и боевыми припасами с наших бронепоездов, с деникинцами были сожжены белыми.

Заканчивая свои записки об организации и боевых делах красных партизанских отрядов в Чернянской волости, следует заметить, что в них могут быть неточности, возможно даже пропущены некоторые эпизоды, очень ценные по своему содержанию. Должен обратить внимание, что целый ряд товарищей Чернянской и других волостей, принимавших участие в повстанческом движении, мною пропущен, так как я забыл их имена и фамилии. Еще раз хочу отметить наиболее заслуженных товарищей в этой тяжелой борьбе—Решетникова, Денисенко, Марию Ивановну и Самборского. Храбро сражались с врагом товарищи Алешин, Щеглов, Бузинов, Самоходов, Самулевич, Н. Варбанец, Коваль, Назаров, Задорожник, Пташников, Раковский Иван, Миронюк, Стагурский, Боян и другие.

СЕНКЕВИЧ В. М.

Родился в 1905 г. в с. Ержово, Балтского уезда (ныне Рыбницкий район) в семье крестьянина-бедняка. С 1915 г. работал на Рыбницком сахарном заводе. В 1919—1920 гг. участвовал в партизанском движении в Рыбницком районе. После окончания гражданской войны с 1922 по 1924 гг. учился в Рыбницком агрономическом техникуме, одновременно продолжая работать на сахарном заводе. С 1924 по 1926 гг. находился на руководящей комсомольской работе в Рыбницком и Окнянском районах. В 1926 г. вступил в КПСС. С 1929 по 1935 гг., после окончания годичных педагогических курсов, работал в средних учебных заведениях и в органах народного образования. В 1938 г. окончил Тираспольский пединститут и был оставлен в этом же институте в качестве преподавателя истории СССР. С 1940 года являлся директором института истории, языка и литературы, а в 1947 г. перешел на преподавательскую работу в Кишиневский Госуниверситет. За активную общественную и политическую работу, за доблестный труд был награжден орденами и медалями.

БОРЬБА РЫБНИЦКИХ ПАРТИЗАН ПРОТИВ ДЕНИКИНЩИНЫ

Стояли сухие теплые осенние дни 1919 года. Ветер поднимал на улицах Рыбницы тучи известковой пыли

Кругом, куда ни глянешь, мертво и безлюдно, словно вымерло население города. Во многих домах выбиты стекла, поломаны двери. На улицах лежали кучи битой посуды и обломки мебели. Из домов слышались стоны, крики испуганных женщин и детей; изредка появляются на улице люди с опухшими и окровавленными лицами. Издали еще доносится гул артиллерийской стрельбы и глухие взрывы снарядов, но жителей города это уже не тревожит: они рады, что снаряды не падают в город и не рвутся над их домами.

Не менее жутко выглядит сахарный завод. Возле парадных дверей в капитальной стене завода огромная пробоина от взрыва снаряда. Такие же пробойны и в других местах. Разрушена крыша, во всех зданиях завода ни одного уцелевшего стекла. Во дворе разбросаны металлические и деревянные обломки машин, валяется перевернутая вверх колесами вагонетка.

Последняя ночь в Рыбнице была полна ужасов, погромов, грабежей и насилий. Деникинцы, занявшие город, двое суток грабили и бесчеловечно издевались над трудящимися. Сахарный завод был оцеплен деникинскими патрулями, в заводских помещениях и квартирах рабочих белогвардейцы производили поголовные обыски, сопровождавшиеся издевательствами и арестами.

Грабежи были ремеслом белогвардейцев, главным источником снабжения их армии. Недаром прозвали деникинцев «грабармией».

Наступала голодная зима, положение села, ограбленного до последней курицы, становилось все более тяжелым. На почве голода быстро распространялись эпидемические болезни. Тиф, испанка косили население. Кровавый террор и расправы белогвардейцев не могли задушить революционного гнева против деникинщины. Под руководством большевиков в подполье организовывались и росли партизанские группы.

ПОДПОЛЬЕ

Конец сентября 1919 года. Надвигалась ночь, небо покрывалось звездами, которые отражались в тихой воде Днестра множеством светящихся точек. Безлюдный и тихий берег. Лишь изредка доносился лай собак с бесарабского берега. Мы шли молча, пробираясь прибрежны-

ми садами к месту явки, внимательно вслушиваясь в каждый шорох вокруг нас. Прошли помещичий сад и повернули под гору, по направлению к скотному двору сахарного завода. Вскоре добрались до места, где происходило совещание. Здесь уже было человек 20. Незнакомый человек спросил: «Откуда эти ребята?»

«Это наши ержовские, двое Сенкевичей», — ответило несколько голосов.

Фонарь «Летучая мышь» еле освещал лица присутствовавших. Незнакомый человек продолжал беседу. Он говорил о деникинском терроре, о грабежах, о задачах подпольных партизанских групп, о вербовке проверенных людей в партизанские группы, сборе оружия и о подготовке восстания.

На совещании присутствовали представители от сел и рабочие завода Вайс, Штемберг, Завадский, Фридман, Ремпель, Сенкевич Василий, Томчанский, Сенкевич Мартьян, Глимбовский и другие. Незнакомым нам человеком, проводившим совещание, был Нарцов, партуполномоченный по организации партизанского движения в тылу Деникина.

На рыбницком сахарном заводе был организован подпольный повстанческий большевистский комитет, в состав которого входили Завадский, Бондарчук, Штемберг, Фридман, Нарцов и др. Комитет образовал оперативные группы подпольщиков по организации восстания против Деникина, и группы действия, на которые были возложены разведка расположения и передвижений деникинских войск, организация сопротивления их передвижению, разрушение железнодорожной линии, когда этого требует обстановка, обезоружение деникинцев, разрушение материальных складов, расстройство всех связей и др.

Во многих селах были созданы подпольные партизанские группы, которые в свою очередь развивали большую агитационную работу. Такие группы были в селах Гершуновка, Гедерим, Шмалена, Ержово, Бердовка, Крутые и др. Особенно сильной и активной группой являлась ержовская, ядро которой состояло из рабочих сахарного завода, живших в селе, а также батраков и бедноты. В ержовскую группу входили Томчанский, Глимбовский, Гайдукевич Семен, Василевский Мойсей, Сенкевич Васи-

лий, Сенкевич Мартьян, Михайловский, Баланюк Алексей и другие, всего свыше 40 человек.

Сколачивались и росли партизанские группы, собирали, ремонтировали, чистили оружие, инструменты для зарядки патронов. Особенно много приходилось работать над зарядкой патронов для наганов, расход которых в условиях подпольной работы был довольно большим. Долгие зимние ночи прикрывали не одно вооруженное столкновение партизан с небольшими группами деникинских войск. Деникинцы уже не рисковали заходить в села малыми группами.

Разумеется, особое внимание партизаны уделяли офицерам. Мы долго искали случая встретить офицера контрразведки Красноперского — нашего земляка, жителя села Ержово. С ним у нас были особые счеты, от его руки много погибло людей. В конце концов мы с ним встретились, хотя и с некоторым опозданием.

Однажды ранним утром слышались далекие выстрелы—с небольшими перерывами пострачивал пулемет «Максим», его поддерживали одиночные винтовочные выстрелы. «Неужели восстание? Но почему же нам ничего неизвестно?» — спрашивали друг друга встревоженные партизаны. Ответа никто дать не мог. Не разобравшись, кто в кого стреляет, партизаны ержовской группы направились с оружием в руках через помещичьи сады к сахарному заводу, но не успели дойти, как стрельба прекратилась. Несколько товарищей из заводской группы, услышав стрельбу, также стали пробираться на улицу, но толком не знали, куда идти и что делать. Только через несколько часов удалось выяснить, что группа в 20—25 человек, с одним пулеметом, под руководством жителя села Воронково Стагурского, подошла ночью к Рыбнице и начала обстреливать город, пытаясь его захватить. Но так как выступление было не организованным, не было связано с рабочими Рыбницы, то окончилось оно очень печально. Стагурский был убит деникинцами в самой Рыбнице, группа его разбежалась.

Это выступление чуть не привело к полному провалу всей нашей организации. Подпольщики, выступившие на улицу с оружием в руках во время обстрела Рыбницы, тем самым обнаружили себя и стали под удар белогвардейцев. Деникинцы усилили свой гарнизон в Рыбнице и начали производить массовые аресты и расправы над

рабочими в селах. В Ержово прибыл карательный отряд во главе с Красноперским. Не находя партизан в домах, он производил тщательный обыск, выгонял женщин с малолетними детьми на улицу на мороз, а дома взрывал ручными гранатами.

Отрядом Красноперского был захвачен ряд подпольщиков, среди которых были члены подпольного партийного комитета Завадский — рабочий завода, Глимбовский — из ержовской группы и другие. Арестованных белогвардейцы подвергли жутким кровавым пыткам: кололи иголками, вырывали ногти на ногах, избивали до потери сознания, принуждая выдать подпольную организацию, но ничего от них не добились. Тогда они расстреляли троих, во главе с Завадским, бросив их истерзанные тела в Днестр под лед. Молодого 16-летнего партизана Тоню Глимбовского, истерзанного до полусмерти, сожгли в топке паровоза.

Ночью с группой заводских подпольщиков пришел в село Ержово т. Нарцов, одетый в крестьянскую свитку, овечью шапку. Совещание было краткое. Решили немедленно начать массовую кампанию протеста против кровавого террора белогвардейцев и приступить к сбору средств для помощи семьям расстрелянных партизан. Эту кампанию мы использовали для агитационной работы и вербовки в отряд новых партизан. В Рыбнице и по селам развернулась большая работа по сбору средств. На заводе был организован с этой целью спектакль. В этой кампании особенно большое участие принимали женщины во главе с Ирой Нарцовой. Кампания протеста превратилась в широкое политическое движение.

По одному, по два пробирались ночью через гору вооруженные партизаны на глухой хутор Шмалену. К 2 часам ночи здесь вырос большой отряд — свыше полутора человека, хорошо вооруженных. Правда, оружие было разное. Винтовки были русские, австрийские, немецкие, японские, французские, револьверы различных систем, шашки, пики, кинжалы, ручные бомбы.

Руководители разъяснили обстановку: под натиском регулярной Красной Армии белогвардейцы бегут и на своем пути опустошают села и города, наша задача — захватить Рыбницу и для окончательного разгрома врага преградить путь отступающим денikinцам. Отряд разбили на боевые группы, каждая группа получила свои

задачи. Командиром отряда был избран т. Нарцов, председателем повстанческого комитета т. Боян.

В Рыбнице среди деникинцев был распространен панический слух о том, что на город наступает бесчисленная сила партизан. Деникинцы начали выходить из города. Партизаны, войдя в город, разгромили штаб белогвардейцев, захватили в плен его охрану, опечатали в типографии большое количество воззваний. Однако к вечеру деникинцы, получив в подкрепление бронепоезда, начали наступать на Рыбницу и наш отряд вынужден был оставить город. По всем селам Рыбницкого района были разосланы воззвания, через т. Язловицкого воззвания были переданы в Чорнянскую волость.

Деникинцы, войдя в город, снова арестовали многих рабочих. За сутки было арестовано до 100 человек, их обвиняли в участии в восстании. В числе арестованных было много подпольщиков, которым грозила кровавая расправа палачей.

Но вот донеслись вести с фронта о поспешном бегстве белогвардейцев и партизаны снова готовились занять Рыбницу.

Ержовской группе было поручено пробраться к месту заключения арестованных и освободить их. Другие группы получили задание занять железную дорогу и почту. Холодная январская ночь, морозный ветер, как иголки, колот руки и лицо. Через огороды, снежные сугробы пробирались партизаны в Рыбницу. Обойдя арестное помещение со стороны берега Днестра, остановились. Несмотря на мороз, было жарко...

— Приготовить гранаты, — передает по цепи командир группы Томчанский.

— За мной, бегом!

Один, другой выстрел, взрыв гранаты, со стороны станции затрещал пулемет.

Деникинцы пытались сопротивляться, но все главные улицы уже были заняты партизанами. По всему городу раздавалась стрельба. Деникинцы в панике удирали кто куда. Все до единого арестованные освобождены. Рыбница взята партизанами, снова провозглашается Советская власть. Штаб партизанского отряда размещается в доме Зыкова по главной улице, против здания гимназии, над которым развевается красное знамя. В городе оживление, трудящиеся восторженно приветствуют красных пар-

тизан, на площади против штаба собирается множество жителей города. Открывается митинг. Один за другим выступают рабочие с короткими речами, оканчивающимися лозунгами: «Да здравствует Советская власть!» «Да здравствует Ленин!»

В большом количестве отпечатаны воззвания и прокламации, которые расклеены по городу и разосланы по селам. Восстановлено хождение советских денег.

Во главе отряда были Н. Нарцов, комиссаром — Боровский, комендантом города — Боян и т. Штемберг. Отряд рос с каждым днем. Ряды его пополнялись рабочими, батраками и бедняками из сел. К зданию штаба ежедневно прибывали из сел подводы, полные различного оружия. В подвальном помещении штаба был устроен большой склад оружия. Группа рабочих-слесарей оборудовала мастерскую, днем и ночью они ремонтировали, чистили винтовки, револьверы, патроны, снятые с чердаков и выкопанные из земли. К концу января в отряде было уже свыше 250 бойцов, вооруженных бомбами, винтовками и пулеметами.

Кроме того, в селах оставалось еще немало оружия. Дело в том, что еще при эвакуации немцев через Бессарабию и Румынию, когда они уходили за Днестр через Рыбницкий мост, партизаны их обезоружили, захватив два вагона ручных гранат, несколько вагонов снарядов значительное количество других боеприпасов. Для того, чтобы эти боеприпасы не попали в руки петлюровцев, бомбы были розданы населению, снаряды взорваны, винтовки и патроны были спрятаны. Вот за счет этих запасов и вооружался теперь наш отряд.

Национальный состав отряда был пестрый. Процентом 40 было молдаван, из них значительная часть бессарабцы. Многие плохо говорили по-русски, а то и совсем не знали русского языка. Процентом 30 было украинцев, остальные русские и евреи, поляки и пр. Не менее разнообразен был и возрастной состав. В отряд входила и 16—17-летняя молодежь, которой было порядочно, и 40—50-летние бородатые дядьки, как Новаковский, Спаржевский, Гайдукевич — высокий, чернобородый, бодрый и задорный старик. По классовому составу отряд состоял из рабочих, батраков и бедняков.

Отряд пользовался большой любовью трудящихся, о нем проявлялась постоянная забота. Снабжение продо-

вольствием и питание были организованы самодеятельностью трудящихся. Трудно себе представить, откуда в это тяжелое время доставлялось ежедневно такое большое количество различных продуктов. Партизаны тогда об этом не думали, а ведь все могут сказать, что эта сторона дела была блестяще организована.

Кропотливая забота об отряде вплоть до стирки белья, починки одежды и обуви, была организована женщинами под руководством Иры Нарцовой. В этой работе ярко проявлялась сплоченная сила трудового народа, борющегося против своих поработителей. Против деникинцев боролся не только отряд, против них всевозможными средствами боролось большинство трудящегося населения.

Положение, однако, все еще было тяжелым и сложным. В 30 километрах от Рыбницы еще находились деникинцы. На правом берегу Днестра были румынские войска, Днестр покрыт толстым слоем льда, по которому можно было не только переходить, но и подводами переезжать. Нападения румынских частей можно было ожидать в любую минуту, тем более что они почти ежедневно обстреливали нашу территорию.

Днем и ночью отправлялись на границу партизанские патрули. Лед трещал от сильных морозов. Дули холодные ветры, поднимая снежную пыль. Через протертые свитки проникал холод. Постукивая ногой об ногу, медленно ходил по берегу пограничник-партизан с винтовкой на ремне, всматриваясь в ледяную даль реки.

На выстрелы румын, раздававшиеся в разных местах вдоль берега, партизаны отвечали групповыми и одиночными выстрелами, создавалось впечатление непрерывного боя. Весь отряд был на чеку, ночи проводили на ногах — в караулах и дозорах. По ночам со свободными от нарядов партизанами комиссар отряда Боровской проводил политбеседы. Партизаны, уходящие в караул, обменивались со своими товарищами одеждой и обувью, чтобы теплее одеться. Одежда большинства не была рассчитана на холод. Свитки из крестьянского сукна, основательно поношенные ботинки, черные барашковые шапки с красными ленточками — так было одето большинство партизан.

Среди партизан была исключительная дружеская спаянность, забота о товарище, дисциплинированность, му-

жество, бесстрашие. Каждый готов был драться до последнего вздоха, не отступая ни перед какими трудностями.

ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО

В небольшой низкой комнатухе, наполненной паром, поднимающимся от чайников и чашек, партизаны рано утром, возвратившись с поста, пили чай. Было шумно. Партизаны за чаем обменивались впечатлениями о боях, происшествиях в разведке, засадах.

Тов. Луца, молдаванин-бессарабец, на ломаном русском языке рассказывает, как, встретив деникинский разъезд из двух кавалеристов, он их обстрелял и в результате один раненый деникинец и две лошади доставлены в отряд.

— Сидели мы в засаде с пулеметами,—рассказывает другой партизан т. Гординец, — за глубоким обрывом, пересекающим дорогу. Через обрыв переброшен небольшой мостик. Замечаем: через гору идут человек пятнадцать деникинцев. Подвожу пулемет. Товарищи кричат: «Стреляй!», а я не стреляю. «Стреляй, а то нас перерубят и пулемет заберут...». Я не стреляю и пропускаю всех деникинцев через мостик, потом как застрочу, — они обратно, а я по мосту. На мосту свалились две лошади и судорожно бьются, преградив дорогу. Человек семь никак не могут пробраться через мост... Я кричу: «Слазь, белая сволочь, с лошадей, бросай оружие, а то всех в решето изобью»... Пять человек живыми и семь лошадей захватили.

Рассказы прерваны внезапной тревогой. Во всех концах города поднялась жаркая стрельба: на город напали деникинцы. Стремительные удары партизан заставили многих из них бросить оружие. В результате непродолжительного боя четырнадцать деникинцев убито и много захвачено в плен с лошадьми и подводами, но многим все же удалось убежать.

После того как была отбита эта попытка небольшой части деникинцев захватить Рыбницу, партизанский отряд перешел на позиционное положение. Расположившись за городом, заняли дороги и мосты. В течение дня отбивали небольшие группы деникинских войск. К концу дня в направлении села Мокрое началась сильная перестрел-

ка. Разведка донесла, что со стороны сел Воронково и Мокрое наступают большие силы деникинцев, которые нас обошли с фланга, захватив железную дорогу, станции Колбасная и Воронково. Таким образом Рыбница оказалась во вражеском кольце...

Белогвардейцы, выбитые Красной Армией из Одессы, были прижаты к Днестру. Они попытались перейти в Бессарабию, но румынские пограничники встретили их пулеметным огнем. Тогда белогвардейцы двинулись вдоль Днестра на север...

Наступает зимний вечер. Выстрелы слышатся все ближе. По гребням известковых гор цепи белогвардейцев надвигаются на Рыбницу. Отстоять Рыбницу невозможно. Партизанский отряд не имеет связи ни с другими партизанскими отрядами, ни с частями Красной Армии.

Мужественно погибнуть в сражении — это героизм, но это поражение, а нам нужны были победы. Вырваться из вражеского кольца — в этом состояла задача. Вывели всех пленных, офицеров повели отдельно от рядовых. Спокойно снимались с позиций и засад группы партизан и отходили из города. Трудящееся население с печалью провожало отступающих красных партизан. Тревога охватила город, многие жители закрывали дома и с вещами выезжали куда глаза глядят. Возле сахарного завода стояло много подвод, это рабочие приготовили заводской транспорт для отряда. На подводы погрузили пулеметы, снаряжение. Отряд двигался пешим порядком.

В сумерках проходили родное село Ержово, преодолевая усталость. Мы покидали свои семьи на произвол белогвардейских хищников, но каждый из нас был непоколебимо убежден, что уходит не надолго и уходит только для того, чтобы с еще большей силой ударить по врагам.

Каждый километр прощупывался разведкой. Ночь была темная. Позади нас продолжалась стрельба, белогвардейцы преследовали нас по пятам, а что делается впереди нас на три-четыре километра мы не знали.

Внезапно впереди отряда грянуло несколько винтовочных выстрелов... — Товарищ командир, — докладывает т. Гординец, — пленные офицеры пытались бежать, одного пристрелили, один скрылся, остальные в порядке... Разрешите всех остальных пустить в расход, а то эти

стервы опять будут пробовать бежать... — Вот если еще хоть один убежит, — ответил командир, — так вместе с ними я и вас пушу в расход... Возьмите еще десять партизан для усиления охраны.

Возле села Сарацея остановились передохнуть. Собрав партизан, командир говорит:

— Нас преследует деникинская кавалерия, каждую минуту мы можем иметь с ними серьезное столкновение, у нас было шесть пленных деникинских офицеров, из которых один бежал.

— Надо всех их пустить в расход, — кричат партизаны, — для кого мы их будем охранять?

В селе Молокиш, несмотря на позднее время (2 часа ночи), беднота организовала хорошую встречу отряда. На улице стояло много подвод, подготовленных для дальнейшего передвижения отряда. Крестьяне предлагали отряду ужин. Но партизаны торопились и взяли только по куску хлеба с брынзой.

Двинулись к местечку Крутые. Там паника. Деникинцы обстреливали село и местечко артиллерийским огнем. Выслав вперед разведку, мы через село Слободзея направились к станции Слободка.

От усталости и холода по телу проходил нестерпимый зуд, от многих бессонных ночей опухли и кровью налились глаза. Голод рвал внутренности. Но вдруг навстречу нам мчатся конные разведчики с криком:

— Станция Слободка занята Красной Армией!

Трудно сказать, переживал кто-либо из нас еще раз в своей жизни столь сильную радость, какой был охвачен в эту минуту. Нам казалось, что мы самые счастливые люди в мире, что не существует больше вражеского кольца, так как мы встречаемся с нашей родной Красной Армией.

Станция Слободка была занята 401-м полком 45-й дивизии и бронепоездами. Красноармейцы и командиры радушно встретили партизан и прежде всего накормили их. Вскоре были назначены дальнейшие действия: броневики идут на Рыбницу и наш отряд отправляется с броневиками, получив дополнительные патроны. На рыбницком пути, приготовившись к походу, стоял бронепоезд «Гроза» с тремя бронированными башнями.

— Садись! — послышалась команда.

— Пошла-поехала... — кричит т. Луца. Грянула боевая революционная песня:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

С правой стороны, километра на полтора впереди, быстро шел к бронепоезду человек и энергично махал шапкой, но бронепоезд, не останавливаясь мчится вперед. Тов. Фридман схватил свой карабин и выпалил три раза в воздух. Бронепоезд замедлил ход и остановился. Шедший к нему человек оказался крестьянином из села Тымково, он сообщил, что впереди разобраны рельсы. Метрах в 150 впереди бронепоезда, действительно, рельсы были разобраны.

Ударной работой не больше как через полчаса путь был восстановлен, и бронепоезд пошел вперед тихим ходом. Подъезжая к станции Колбасная, мы увидели двигавшиеся под гору из Колбасной и Долиницы деникинские обозы. Пешие и на подводах в беспорядке бежали деникинцы, загромождая дорогу. С переднего вагона грянул выстрел трехдюймовой пушки. Снаряд разорвался в голове колонны противника. Открыли огонь и другие пушки. Красноармейцы и пешие партизаны бросились на деникинцев со всех сторон. Было захвачено много пленных, орудий и лошадей. К вечеру бронепоезд возвратился на станцию Слободка.

О том, что творилось в это время в Рыбнице, партизанам рассказывали жители, бежавшие оттуда. Белогвардейцы, ворвавшись в город, поголовно грабили население, избивали и расстреливали людей, насиловали девушек. Проходя через села, деникинцы сжигали дома партизан, грабили крестьян, забирали всех лошадей для перевозки деникинских войск и награбленных вещей, угоняли из села целыми стадами крестьянский скот.

Рассказы беженцев вызвали у партизан сильное возмущение и злобу против деникинцев. Партизаны требовали немедленно на бронепоездах наступать на Рыбницу. На следующее утро, едва начало светать, бронепоезд «Гроза» снова двинулся тихим ходом на Рыбницу. На станции Колбасная нам сообщили, что станция и село Воронково заняты деникинцами. Бронепоезд, подходя к

Воронково, подготовился к бою. Партизаны выгрузились, обошли село и станцию и под прикрытием бронепоезда захватили в плен много деникинцев, а также большое количество трофеев. Деникинская армия уже была к этому времени настолько деморализована, что при виде небольшой группы партизан деникинцы бросали оружие.

Нашу группу в составе десяти партизан в селе остановил молодой парень и говорит, что недалеко на улице стоит взвод деникинской кавалерии. Мы через огороды направились бегом в этом направлении и приготовились из-за домов бросать гранаты. Но деникинцы, увидев нас, стали кричать: «Товарищи, не бейте, мы сдаемся...»

Перед нами стояли молодые парни в костюмах защитного английского сукна. Тов. Слинухин подошел к обезоруженным деникинцам и обратился к молодому парню:

— Кем служишь? И кто ты такой?..

— Я, товарищи... — начал деникинец сквозь слезы, — с Кубани, сын бедного казака, по мобилизации насильно взят в белую армию, ей богу, товарищи, насильно.

— А где ваши офицеры?

Отправив пленных к броневнику, мы через некоторое время и офицера разыскали. Со всех сторон села группы партизан приводили к броневнику пленных.

Но идти на Рыбницу было невозможно, так как во многих местах был разрушен путь. Это нас заставило возвратиться обратно в Слободку.

Вечером мы узнали, что деникинцы, заняв Кодыму, громят станцию и местечко. Стали готовиться к новой операции против деникинцев. Бронепоезда «Гроза» и «Ураган» получили распоряжение на рассвете атаковать и разгромить деникинцев в Кодыме. В три часа ночи бронепоезд «Гроза» отошел на Кодыму и вскоре за ним отправился и «Ураган». К «Грозе» были прицеплены пять товарных вагонов, в которых ехали партизаны. Один вагон был загружен ящиками с патронами.

...Внезапно раздался потрясающий грохот, все полетело и закружилось. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, увидел вокруг себя товарищей, потом свою окровавленную руку, лужу крови возле себя и почувствовал сильную боль в ноге. Слышались тяжелые стоны раненых партизан, кто лежал, кто сидел, согнувшись с разбитой головой, у многих были сломаны руки, ноги, многие были страшно обожжены. Среди ра-

ненных были Вайс, Фридман и много других партизан и красноармейцев. Крушение бронепоезда повлекло за собой человеческие жертвы. Много было раненых и изувеченных, извлеченных из-под обломков разбитых в щепки вагонов, из огня. Они были отправлены бронепоездом «Ураган» на ст. Слободка. Среди погибших был помощник командира рыбницкого партизанского отряда т. Гидеримский. Сжалось сердце у многих партизан, узнавших об этой потере.

Но никакая боль, никакие потери не могли заглушить чувства радости, зажженной в наших сердцах победным грохотом наших пушек, победным маршем Красной Армии и красных партизан. Части славной 45-й стрелковой дивизии под командой боевого полководца т. Якира нанесли удар за ударом врагам революции.

134-я бригада заняла Рыбницу, остатки белогвардейских банд бежали. Рыбницкий партизанский отряд был зачислен в состав регулярных войск 45-й стрелковой дивизии. Партизаны с радостью стали достойными бойцами славной Красной Армии. На высокой трубе Рыбницкого сахарного завода символом победы развевалось Красное знамя.

Еще долго велась борьба с контрреволюцией, еще надолго оставались следы погромов, пожаров и расстрелов. Весною, когда сошел лед с Днестра, всплыли сотни трупов замученных и растерзанных рабочих и крестьян Молдавии.

Трудящиеся Рыбницы могут гордиться героической борьбой своих партизан, вписавших славную страницу в историю борьбы рабочего класса за великое дело большевизма, за диктатуру пролетариата.

---

*Ротаревич.
Штейнберг Н.
Литвак В.
Штейнберг И.
Берестянский Л.
Бурле Ю.
Меламуд М.
Целикман З.*

ВЗЯТИЕ РЫБНИЦЫ

Осенью 1919 года в Приднестровье в Рыбницком и Крутянском районах был организован партизанский отряд под руководством т. Нарцова.

Отряд должен был мешать передвижению денikinских войск и содействовать установлению Советской власти в этих районах.

В Рыбнице был организован подпольный партийный комитет, который назывался «Приднестровским Повстанком». В состав комитета вошли: наш командир т. Нарцов, он же уполномоченный по организации восстания против деникинцев в Приднестровье, т. Боян — подпольщик-партиец, из Бессарабии, т. Бине и целый ряд других коммунистов-подпольщиков из местных рабочих. В повстанкоме также состоял т. Штейнберг.

Приднестровский Повстанком организовал вооруженные подпольные ячейки; занялся вопросом приобретения оружия, которое нами добывалось у населения окрестных сел и через лиц, посланных Повстанком для подпольной работы в денikinские части и учреждения.

Через месяц в распоряжении Повстанкома уже было несколько сот винтовок, 3 станковых пулемета и патроны, но еще не было достаточного количества надежных людей, которых можно было бы вооружить для восстания.

Мы очень остерегались проникновения к нам провокаторов и мало надежных людей, так как в то время было

много случаев предательства. Несколько провокаторов-шпионов было расстреляно впоследствии Чрезвычайной Комиссией.

Тов. Нарцов отобрал из нас небольшую группу, занявшуюся порчей железной дороги, по которой передвигались деникинские эшелоны. Эти операции в большинстве случаев проводились ночью на линии железной дороги Бирзула—Вапнярка.

Кроме того мы дважды взрывали железнодорожную линию, идущую на Знаменку. Взорвав ночью дорогу, мы также нападали на деникинские эшелоны.

Нашей группой было «убрано» несколько лиц, которые взялись горячо проводить деникинскую политику.

Приднестровским Повстанком велась усиленная агитация, против всех деникинских мероприятий путем выпуска воззваний к населению и к деникинским солдатам. В воззваниях разъяснялась классовая сущность нашей борьбы. Мы также посылали агитаторов в окрестные села.

В районах Красная Окна, Дубоссары оперировал отряд под руководством тт. Решетникова, Краевского, Самоходова и других.

Вскоре наши повстанческие отряды захватили Окны, Рыбницу, Чубовку, Вапнярку, Кодыму и др.

Пришлось нашему отряду столкнуться и с бредовцами и шкуровцами.

У партизан было большое желание с самого начала еще захватить Рыбницу и установить там Советскую власть. Такой случай скоро представился.

Осенью 1919 года повсюду горели села. Крики и стоны раздавались в местах, где свирепствовали погромщики. Всюду зверства, виселицы, трупы. И среди великой разрухи справляли свое веселье золотопогонники.

Осенняя ночь, дождь, непроходимая грязь. Мы с партизанами пробираемся к хутору Шмалены, расположенному в 5 верстах от Рыбницы. В Рыбнице стоит многочисленный гарнизон деникинцев, а по железной дороге мчатся их бронепоезда. То, что партизаны избрали своим сборным пунктом хутор Шмалены, было очень смелым шагом. Если бы деникинцы узнали, то наверное ничего не осталось бы от небольшой кучки партизан. Но наш расчет был правильным. Деникинцам и в голову не могло прийти, что мы можем решиться на такой поступок.

В это время главная часть нашего отряда вышла на железную дорогу. На хуторе нас осталось несколько человек. Прощаясь с товарищами, которые ушли разрушить железнодорожное полотно, мы дали им клятву, что пока они вернутся — Рыбница будет в руках Советов. Хотя бы на час, но захватим. — Рыбница должна быть советской, — говорили товарищи.

Темная ночь снова обняла нас. 4 товарища тихо подползли к насыпи. В нескольких местах сняли рельсы и бросили их далеко в сухой бурьян. Путь бронепоездам к Рыбнице был отрезан.

В это время в самой Рыбнице, на главной улице, в типографии Байтальского рабочие-подпольщики печатали революционные воззвания и приказы.

Власть перешла к большевикам. Все деникинские офицеры, солдаты и варта должны немедленно сдаться и сложить оружие, говорилось в наших воззваниях.

Потом случилось следующее. Один наш товарищ — подпольщик-большевик, который «работал» у деникинцев, с далекой станции дал в Рыбницу деникинскому командованию тревожную телеграмму: «Наступает большая сила большевиков. Оставляйте немедленно Рыбницу. Отступайте за местечко в направлении железной дороги».

Эта телеграмма произвела большую панику среди белогвардейцев. Через полчаса деникинцы выступили из местечка, оставив только варту. Отступая, они увидели везде развешенные большевистские воззвания, что их еще больше убедило в правильности телеграммы. Началась паника.

А тем временем 4 партизана, оставшиеся на хуторе Шмалены, видя, что деникинцы оставляют местечко, побежали в село Ержово, собрали крестьян и рабочих-партизан. Вся эта группа вошла в Рыбницу, организовала Совет. Новая власть — власть большевиков начала работать.

Деникинская варта еще оставалась в местечке. Партизаны у себя в штабе напечатали на машинке суровый приказ начальнику варты о немедленной сдаче...

Самым серьезным столкновением нашего отряда с белогвардейцами был бой с армией генерала Бредова. Мы захватили 400 повозок, несколько сот лошадей, штаб и очень много пленных. После этого наши отряды были влиты в ряды 45-й дивизии.

КРИВОРУЧКО Н. Н.

Родился в 1887 г. в с. Березовка, бывшего Черкасского уезда, в семье крестьянина-батрака. В юношеские годы работал пастухом, кучером у священника. Затем, покинув родное село, уехал в Екатеринослав, где работал пекарем, грузчиком. В 1905 г. принимал участие в революционной маевке рабочих в Брянске. После этого уехал в Оренбург и работал на строительстве железной дороги Оренбург—Ташкент. Возвратившись на Украину, поступил на работу в шахты Кривого Рога, а затем Донбасса. В 1907 г. был призван в царскую армию. Февральская революция застала Криворучко на румынском фронте, где в марте 1917 г. солдаты избрали его председателем эскадронного комитета. В июльские дни 1917 г. становится членом подпольной большевистской организации, во главе которой стоял Боханцев — старый матрос-потемкинец. В период немецкой, а затем англо-французской интервенции возглавлял один из партизанских отрядов Приднестровья. Весной 1919 г. руководимый Криворучко партизанский отряд влился в регулярные части Красной Армии. В рядах РККА Криворучко прошел путь от командира эскадрона до командира кавалерийского корпуса. Являлся членом ЦИК СССР и ВУЦИК, членом высшего военного Совета СССР. За выдающиеся заслуги перед Родиной награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

По возвращении 45-й дивизии с Петроградского фронта на деникинский, командование 45-й решило организовать кавалерийскую бригаду. Формирование этой бригады было поручено т. Котовскому. И вот в декабре 1919 года такая бригада была уже сформирована в селе Лозоватое, а в январе 1920 года вместе с 45-й дивизией выступила по направлению к Одессе.

Первое серьезное испытание бригада держала под Вознесенском. Вознесенск был занят превосходящими силами деникинцев. 400-му полку кавбригады было приказано во что бы то ни стало занять Вознесенк. Приказ был выполнен, и город к вечеру 30 января был занят. 400-й полк сделал суточную остановку, дав отдых бойцам и вместе с тем использовав это время для организации. Бригада же, не теряя ни одной минуты, по следам отступавших деникинцев направляется в Березовку.

С северной стороны Березовки наступают пехотные части 45-й дивизии, с южной,—мы, кавалерийская бригада. Деникинцы без боя оставить Березовку не желают. Да и это вполне понятно, ибо в Березовке большие продовольственные и артиллерийские склады. К тому же взятие Березовки приближает падение Одессы.

Начальник группы т. Осадчий приказывает командиру бригады Котовскому дальше не наступать и остановиться в районе Березовки до подхода частей 45-й и 41-й дивизий.

Котовский, учитывая положение, которое создалось у разбитого противника во время боя в Березовке, и тяжелое, подавленное настроение у белых в тылу (прибывшая из Одессы рабочая делегация дала прекрасную информацию), решает не выполнить приказание начальника группы и со своей бригадой двигается вперед, желая как можно скорее ворваться в Одессу.

Я помню, как в местечке Потоцком, в 50 верстах от Одессы, заскочили мы на почту-телеграф и требуем от начальника дать нам ленту, по которой проходят приказы из Раздельной в Одессу и обратно. Вдруг раздается стук телеграфного ключа. Котовский приказывает своему телеграфисту сесть за аппарат. В это время Раздельная вызывает Одессу. Телеграфист Котовского отвечает: «Я—Одесса». Раздельная просит начальника оперативной ча-

сти города Одессы. Котовский подсказывает немедленно телеграфисту: «У аппарата начальник оперативной части». Телеграфист передает.

Завязывается интересный разговор. Из Раздельной белогвардейский генерал Шевченко передает: «Принимайте точную оперативную сводку: красная 41-я дивизия в районе Березовки, 45-я дивизия — севернее Березовки и конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочной, а также выслать сильную охрану по направлению Волынка—Пересыпь».

На вопрос Шевченко, кто принял сведения, Котовский отвечает «Я, Котовский».

Шевченко начинает ругаться: кто там, чорт возьми, мешает разговаривать.

— Успокойтесь, господин генерал. Приберегите свои нервы, — успокаивает Шевченко Котовский, — Вашу сводку принял сам Котовский.

— Вы — сын потомственного дворянина, — обращается по аппарату Шевченко, — в рядах кого вы воюете. Вы продаете Россию. «Союз русского народа» предлагает вам опомниться и повести конную армию против красных, против большевиков — убийц и расхитителей.

Котовский прерывает его речь и отвечает:

— С малых лет я веду борьбу с вами, белогвардейцами-эксплуататорами рабочих и крестьян, и буду вести борьбу до тех пор, пока вы окончательно не будете разбиты, пока мы окончательно не победим.

Разговор прекращается. Сообщение между Раздельной и Одессой прерывается. Мы поднимаем бригаду и направляемся на Елынку к Одессе. В Елынке занимаем заставу.

У начальника заставы узнаем пропуск и отзыв, подойдя к Одессе приказываем бойцам свернуть красные знамена, снять всякие знаки отличия и объявляем бойцам, что на сегодня наша бригада представляет собой остатки мамонтовской бригады, отступающей под натиском красных. Врываемся на Пересыпь и по Вознесенской улице проскакиваем полным галопом через всю Одессу к заставе № 1, ставя своей задачей не дать возможности белогвардейцам эвакуироваться по железной дороге в Бессарабию — на Аккерман. Из квартир, гостиниц выскакивают офицеры и спрашивает нас: «Чья это конница?» Бойцы отвечают: «мамонтовская».

— Возьмите нас, господа.

— Садитесь.

Офицеры садятся на наши подводы, пулеметные тачанки и выезжают из города вместе с нами на заставу № 1.

Командир бригады Котовский приказывает поставить одну батарею на позиции с расчетом бить прямо по полотну железной дороги, идущей на Аккерман. Господа офицеры, сидя на тачанках, на лафетах и на зарядных ящиках спрашивают артиллеристов:

— Зачем вы будете ставить батарею на позиции, если по этому пути уходят в Бессарабию на Аккерман наши эшелоны?

— Если эшелоны ваши, то мы не ваши. Мы — котовцы, — отвечают бойцы.

Тут же было дано распоряжение обезоружить всех этих «господ», собрав их в одну группу. Многие из них, когда убедились, что они не в кругу мамонтовцев, а у котовцев, стали выхватывать револьверы из кобур и стреляться...

Артиллерия продолжала выполнять приказ Котовского. По первому эшелону был открыт огонь из батареи, путь был загорожен и дальше не прошел ни один эшелон.

В это время к Котовскому прибыли рабочие делегации из Одессы и сообщили, что они поднимут восстание в городе, сделают налет на арсенал, возьмут оружие и выступят против белогвардейцев.

— Кройте, — сказал Котовский.

С боями рвется бригада к Тирасполю, чтобы отрезать путь белым, отступающим через Раздельную на Тирасполь — Бендеры в Бессарабию. На второй день бригада в Тирасполе. Захвачены в пути большие трофеи: около 250 пушек, 16 бронепоездов и т. п.

На следующий день в 12 часов ночи получили приказ от командира 45-й дивизии т. Якира: «Остатки белогвардейских шаек под командой Бредова двинулись из Одессы по направлению к Тирасполю и ищут выход в Бессарабию. Приказываю бригаде не допустить Бредова в Тирасполь и не дать ему возможности уйти в Бессарабию».

В районе станции Кучурганы, немецких колоний Страсбург, Зельцы, Кандель встречаемся с превосходящими силами Бредова. Командир бригады Котовский решает

совместно с командиром 401-го полка Криворучко атаковать Бредова, но Бредов все же прорывается через пехотный полк, наша конница ударяет по флангу Бредовской группы и прижимает ее к лиману и плавням в районе Слободзея—Глинное.

В селе Слободзея на таможенную переправу посылаем заставу силой в один эскадрон, имея в виду не дать никому из бредовцев возможности перейти границу. Расседлав лошадей, наши кавалеристы расставили их по сараям, стрелки спрятались по огородам и за заборами. Ночь. Темно. На горизонте появляется автомобиль, бросая белые снопы света. Бойцы выскакивают из-за заборов.

— Стой, ни с места.

Из автомобиля раздался голос: «Что вы, сукины сыны, безобразничаете. Это я —сам начальник боевого участка».

Котовцы окружают машину и говорят: «Руки вверх! Ни с места. Мы— котовцы».

Офицеры, видя направленные со всех сторон дула винтовок, вынуждены были выполнить предложение и под конвоем следуют за кавалеристами в штаб бригады.

В час ночи полковника и двух генералов—Мамонтова и Щербинина — доставляем в штаб. Котовский предлагает гостям садиться за стол. Полковник со злости и с горя заливается горькими слезами. Мамонтов просит разрешения выпить стакан вина. Его просьба удовлетворяется. Котовский успокаивает нервных пленников. Начинается разговор. Котовский предлагает, чтобы офицеры со всеми белогвардейскими массами, находящимися в то время в плавнях, добровольно сдались. Полковник долго не соглашается. Генерал Мамонтов уговаривает его написать предложение о сдаче в штаб группы, находящийся в плавнях. Полковник пишет.

С рассветом т. Котовский приказывает мне немедленно передать этот пакет в штаб группы. Беру 60 человек бойцов добровольцев и одного генерала и еду. Помню, разорвали мы одну красноармейскую белую рубашку, одели на пику и отправились в плавни. Подъезжаем к плавням. Навстречу нам вышла группа офицеров. Спрашивают генерала: «Что это за делегация»? Генерал отвечает: «Везу пакет в штаб группы».

— Где штаб? — спрашиваю уже я.

Он указывает дорогу, мол, в плавнях найдете крестьянские хаты, там и штаб.

Остановив в 400—500 шагах от штаба свою группу, посылаю генерала с пакетом в штаб и предлагаю ему долго не задерживать нас и как можно скорее дать ответ.

Генерал уходит. Жду час, другой, ответа нет. Ровно через три часа появляется из штаба один полковник. Через него я передаю записку генералу и прошу его в течение 15 минут дать мне ответ. Если такового не будет, я снимаюсь и ухожу обратно к месту стоянки бригады Котовского.

Через 15 минут штаб высылает переговорщика. Переговорщиком оказывается мой бывший сослуживец по старой армии по 12-му Уланскому полку Гиндин. Он открывает мне все тайны и говорит, что у них нет никакого намерения сдать и что они лишь ждут ответа от делегации, посланной ими к румынскому консулу в село Кицканы.

—Я сейчас пойду в штаб и доложу полковнику Самсонову о нашей встрече. Он выйдет для переговоров, тем более, что он командовал полком, в котором ты служил и тебя знает, — заканчивает беседу со мной Гиндин.

Гиндин уходит и через 10 минут появляется из штаба группа около 20—30 человек офицеров. Все вооруженные с ног до головы. Полковник Самсонов впереди. Подходит ко мне говорит: «Здравствуйте, Криворучко». Я отвечаю: «Здравствуйте, господин полковник». «Я не господин, а товарищ, — вдруг перебивает меня Самсонов, — так как сдаю оружие Вам». Снимает с шеи бинокль, вынимает из кобуры револьвер и передает мне; а сам, повернувшись к офицерам, говорит им: «Приказываю последовать моему примеру и, не дожидаясь ответа от румынского консула, сдаваться без боя коннице Котовского».

Некоторые офицеры выхватывают револьверы из кобур и стреляются. Из уст большинства раздается громкое «ура», «Да здравствует конница Котовского».

Эта группа следует за мной во главе с генералом. Идем в село Глинное. В штабе бригады, где нас ожидают Мамонтов, полковник и Котовский, открывается что-то наподобие митинга. Котовский выступает с приветственным словом. Отвечает на приветствие Котовского генерал Мамонтов.

— Мы складываем оружие, — заявляет он.
Около 4 тысяч человек без боя сдались в плен.
Приказ Якира был выполнен.

КОТОВЦЫ ПРОТИВ БЕЛОПОЛЯКОВ (ТРИ ЭПИЗОДА)

1. ГОЛЫМИ НА БЕЛОПОЛЯКОВ

Ранняя весна 1920 года отошла. Лето вступило в свои права. Стоят жаркие дни. Высоко поднявшиеся хлеба застилают горизонт полей Белоцерковщины.

Вот уже неделя, как началось наше контрнаступление против зарвавшихся польских оккупантов, занявших район Киева и Белой Церкви. Сюда стянуты 2 польские армии, построен ряд укрепленных полос, установлена многочисленная артиллерия.

Где-то далеко влево, южнее Сквир, наступает только что прибывшая на наш фронт Конная армия Буденного. Установить с ней связи, несмотря на наши усилия, не удалось.

Поляки обороняются активно. Когда они густыми цепями выходят из своих окопов для контратаки, всякий раз разыгрываются кровопролитные бои.

1 июня солнце палило особенно жарко. Кавбригада накануне вечером, после многодневных переходов и ряда стычек с противником, вошла в деревню Ольшанка, расположенную в 8 верстах южнее города Белая Церковь. Ночь прошла спокойно. Утром затишье продолжалось и комбриг т. Котовский разрешил выкупать лошадей в деревенском «ставку».

Польские окопы, опутанные проволочными заграждениями, тянулись в 2 верстах к северу от нашей деревни. Поляки держались тихо. Это внушило бойцам некоторую беспечность, и охранение в виде ряда постов, выдвинутых 1-м кавполком к северу на 1 версту, было настроено лениво. Линия окопов противника под наблюдением не находилась, так как обзор закрывала высокая рожь.

Купали лошадей подивизионно, то есть очередями по 2 эскадрона от бригады. Первым приступил к купанию 2-й кавполк. Бойцы первых двух эскадронов, раздевшись, повели в воду фыркавших от удовольствия лошадей,

мыли их, поливали из ведер... и, не устояв перед искушением, сами стали купаться — одежда, оружие и седла были сложены на берегу. Вторые два эскадрона подходили к ставку на смену первым двум при полном вооружении и седловке. 1-й кавполк, расположившийся на северной окраине деревни, ожидал с нетерпением своей очереди. Лошади этого полка были размундштучены и многие расседланы.

За купанием наблюдали командир 2-го кавполка т. Макаренко и я, его помощник. Солнце ярко сияло, бойцы весело полоскались в воде и ничего не предвещало, что через несколько минут разгорится жаркий бой...

Внезапно целый шквал ружейного и пулеметного огня донесся до нас с северной окраины деревни. В следующую минуту пули засвистели у места купанья и по улицам деревни. Смятение, переполох... Купавшиеся красноармейцы в беспорядке устремились с лошадьми к берегу... В первую минуту никто ничего не понимал.

Выбежал Котовский.

— По коням! — раздался его зычный голос. Одетые бойцы 2 эскадрона вскочили на лошадей.

— Шашки вон... За мной! — подал следующую команду Котовский и ускакал с Макаренко и двумя эскадронами...

Ружейно-пулеметный шквал не утихал. Медлить нельзя было ни секунды. Я закричал:

— Зануздать лошадей... Хватай шашку и винтовку и по коням... Одеваться потом...

И вот голые кавалеристы, наскоро перекинув через себя шашку и винтовку, вскакивают на неоседланных лошадей и строятся в колонну. Через 3 минуты предводительная мною колонна голых всадников крупной рысью выезжала к северной окраине деревни...

Оказалось, что события разыгрались следующим образом. Крупная польская часть (до 1000 штыков), покинув свои окопы и пробираясь высокой рожью, внезапно нагрянула на наше охранение, в один миг сбила его и повела стремительное наступление на деревню. Поздно заметивший это 1-й кавполк, которым командовал т. Няга, выступил навстречу не в полном порядке и был встречен таким губительным пулеметным огнем, что, не успев даже развернуться, должен был с крупным уроном отскочить на южную окраину деревни.

Поляки, ободренные успехом, с громкими криками продолжали наступать на деревню, когда оттуда выскочил и понесся в атаку предводимый Котовским дивизион 2-го кавполка, врезавшийся в самую середину польских цепей.

Началась рубка. Поляки дрогнули и остановились. Один за другим падали «жолнеры» под ударами котовцев, не в состоянии оказать сопротивление конникам. Но долго так продолжаться не могло: слишком велико было неравенство сил. Сраженные пулей, уже свалились с лошадей Макаренко и еще десяток бойцов.

В этот критический момент справа вновь выскакивает полным карьером 1-й кавполк, успевший в деревне быстро привести себя в порядок. Вида этой конницы поляки вынести не могли; повернувшись кругом, польские цепи, еще за 10—15 минут до этого стройные и бодрые, утратив всякий порядок, деморализованные, устремились к своим окопам. Отступая, поляки еще оказывали сопротивление, стараясь огнем не допустить конницу на расстояние шашечного удара. Однако немногим панам в этот день удалось уйти за свои провололочные заграждения.

Наблюдая картину боя, я со своим «голым» дивизионом пробрался на наш левый фланг и оттуда галопом выбросился в обход правого фланга отходящего противника, вышел на дорогу Ольшанка — Белая Церковь и перерезал полякам путь отхода на свои окопы.

Вид голых всадников на неоседланных лошадях, сверкающими на солнце клинками, подействовал на поляков потрясающе. В первую минуту ожесточенный до того огонь пулеметов и ружей совершенно прекратился. В следующий момент поляки в диком ужасе принялись бежать в противоположную от нас сторону, бросая оружие и шинели. Преследуя, мы рубили их беспощадно.

Вскоре поляки оказались в глубоком овраге. Здесь их настигла вся бригада. Расправа была беспощадной. Котовцы вымещали сейчас на панах свои обиды за долгий период отступления. Лишь когда первый азарт прошел, стали брать пленных. Их было около 400 человек, и столько же поляков полегло на поля боя. Захвачено было 12 станковых пулеметов и огромное количество оружия и обмундирования. Наши потери тоже были велики, особенно в 1-м кавполку. Тяжело раненый командир 2-го кавполка т. Макаренко умер в городе Тараша, где он был

торжественно похоронен в присутствии всей бригады. Командование 2-м кавполком после его смерти принял я.

2. ПОТЕРЯ БАТАРЕИ

Горячие бои разыгрались у кавбригады в конце июня под местечком Любар, расположенным по обе стороны реки Случь. Несколько раз мы захватывали этот пункт стремительной конной атакой, но затем снова уступали его многочисленному противнику, охватывавшему нас с флангов и заходившему нам в тыл, пока, наконец, не сбили окончательно поляков с реки Случь. Потери кавбригады в этих боях были тяжелы. Среди раненых был боевой командир 1-го кавполка т. Няга, впоследствии умерший от раны.

Выбитый из Любара противник отхлынул на Грицев, но под Лабунью мы настигли его в чистом поле и разбили наголову. Поляки, оставив в наших руках более 200 пленных, бежали из Грицева, а кавбригада, не задерживаясь в Грицеве, двинулась на Изяславль. В Изяславль вошли без боя.

На следующий день стало известно, что Грицев снова занят сильным противником, прибывшим с юга, из Старо-Константинова. Кавбригада в ночь на 2 июля перебросилась на 20 верст к югу в Большие Пузырьки и повела разведку.

Не только Грицев, но и весь прилегающий район в радиусе 6—12 верст оказался наводненным противником, быстро распространившимся на север в направлении на Шепетовку. Как потом оказалось, это была «знаменитая» 18-я польская дивизия, ставившая себе задачу ударом в тыл разгромить нашу дивизию. Сильные отряды противника уже вышли в тыл 133-й бригады.

Котовский, не зная еще хорошенько, с какими силами приходится иметь дело, решил ударить на Старо-Константинов, а оттуда, с юга, на Грицев. Он разделил бригаду на две части, приказав мне со 2-м кавполком выйти на дорогу Грицев — Старо-Константинов для удара на Старо-Константинов с востока, сам же с 1-м кавполком двинулся правой колонной вдоль дороги Изяславль — Старо-Константинов, намереваясь захватить последний пункт с севера.

Движение нашего полка проходило удачно. В районе

юго-западнее Грицева мы встретились с 400-м полком нашей бригады и совместно с ним начали наступление на деревню Губча, занятую польской пехотой. Бой разгорался. Противник стал подтягивать части из Грицева с намерением обрушиться нам в тыл, и вдруг слева наскочила его кавалерия — сабель 100.

При виде гарцующей польской конницы у наших бойцов «зачесались руки». Через несколько минут мы уже неслись во весь опор в атаку на уланов. Те и не думали принимать атаки, а, повернув коней, охваченные паникой, бросились наутек.

Преследуя, мы загнали их в болото, откуда мало кто вышел живым. В качестве трофеев нам досталось около 30 прекрасных кавалерийских лошадей и новенькое, прочное конское снаряжение.

Бой с пехотой противника становился все более тяжелым, так как превосходящие силы охватывали нас слева. Пришлось прекратить этот бой и оттянуться в лес, что севернее деревни Губча. Отсюда я послал донесение Котовскому.

Под вечер от Котовского пришло приказание идти к нему на присоединение. Мы нашли 1-й кавполк в районе деревни Драчи. Разыскав Котовского, я был поражен его состоянием духа. Таким бешеным я его еще никогда не видел. Он находился в состоянии какого-то иступления, его бессвязная речь прерывалась странными ругательствами, он метался, как зверь, и, чего никогда с ним не бывало, плакал. С трудом мне удалось узнать причину его страшного волнения. Оказывается накануне утром в бою была потеряна батарея — это был первый и единственный случай за время существования кавбригады.

У деревни Лисинцы 1-й кавполк атаковал противника, поспешно отступавшего на Бутовцы. Мчавшаяся следом во весь опор наша конная батарея приняла пропустившую ее пехоту за нашу спешенную конницу и опомнилась лишь тогда, когда ее стали расстреливать в упор. Вывезти орудия было невозможно, артиллеристы, порубив посторомки, едва выскочили с лошадьми из окружения. Батарея досталась полякам.

В течение дня Котовский несколько раз пытался отбить орудия, но атаки 1-го кавполка отражались убийственным пулеметным и артиллерийским огнем. Беспрерывным боем полк был измучен, а Котовский, никогда

ранее не падавший духом, сейчас находился в состоянии крайнего угнетения, непрерывно повторяя:

— Ну как я донесу о том, что потерял батарею?... Никогда этого не будет...

Решили ничего не доносить в штаб дивизии, пока не вернем орудий. После этого Котовский немного успокоился, приказав бригаде отойти на ночлег в деревню Вербовцы и готовиться к новому бою.

Отдыхать пришлось не более 3—4 часов. Разведка донесла, что противник, уже в тылу у нас в деревне Чотырбоки, теснит части 133-й бригады к северу. В этот день (3 июля) разыгрались бои под деревнями Чотырбоки и Белополь. В одной из атак кавбригада разгромила крупную пехотную часть противника силою до 500 штыков и захватила польскую батарею. Прислуга с лошадьми удрала, но мы немедленно впрягли наших «безработных» со вчерашнего дня артиллерийских лошадей, недостающих пополнили из числа захваченных мною вчера у польской кавалерии и, таким образом, вывезли батарею.

Ворвавшись затем в деревню Белополь, мы освободили там человек 300 пленных красноармейцев 133-й бригады и отбили еще одну батарею, захваченную накануне у 133-й бригады.

В тот же день в штаб дивизии было послано донесение.

КРЕМЕНЕЦ — ПОЧАЕВ

Кавбригада вечером 11 июля вошла в Катербург и здесь заночевала. Правее, в 10 верстах, находился сильно укрепленный Кременец, к которому подошли части 135-й бригады. В нашу задачу входило переправиться через реку Икву южнее Кременца и ударом с тыла помочь пехоте овладеть городом.

Кавбригада была не одна. С ней в Катербурге ночевали еще и другие конные части. Это были сборные конные части, высланные Буденным на левый фланг 45-й дивизии для обеспечения всей армии с юга. Среди них была и бригада кубанцев, только что сформированная на Кавказе из пленных деникинцев и еще не дравшаяся на польском фронте.

Вся собранная здесь конница, в том числе наша кавбригада, носила название кавгруппы т. Осадчего.

Утром 12 июля вся кавгруппа перешла Икву у мостика Дунаев. Вслед за этим кавбригада Котовского двинулась в глубокий тыл противника на Ново-Почаев, а Осадчий с остальной конницей пошел на Бережцы для нанесения удара на Кременец с запада.

Кавбригада заняла Ново-Почаев, легко. Разбежавшийся противник оставил здесь большие запасы продовольствия, часть которого была нами взята на повозки, остальное же было роздано крестьянам. В «знаменитой» Почаевской лавре люди хорошо поели. Все ходили веселые.

А поляки тем временем повели из Кременца контрнаступление на кавгруппу Осадчего и разбили ее наголову. Отрезанная от переправ, побросавшая орудия и пулеметы, кавгруппа металась на западном берегу Иквы, не находя выхода. Котовскому было послано приказание спешить на выручку.

Котовский налетел на поляков неожиданно. После короткого сопротивления, поляки разбежались, очистив переправу у Дунаева, и разбитая конница Осадчего переправилась на правый берег. Но этим ее мытарства не закончились, так как восточный берег Иквы оказался уже наводненным пехотой противника, появившейся с юга. За кавгруппой, деморализованной поражением, началась форменная охота, и ей только благодаря наступившей ночи, после глубокого обхода через Вишневец, удалось утром 13 июля возвратиться в район Катербург—Горинка. Наша кавбригада перешла сюда же.

В следующие три дня здесь разыгрались кровопролитные бои с сильными пехотными частями противника, принадлежащими 13-й польской дивизии. Вся тяжесть их пала на нашу кавбригаду, дравшуюся и в конном, и в пешем строю; остальная конница никуда не годилась. В одном из боев у деревни Горинка выбыл из строя тяжело контуженный комбриг т. Котовский.

Наконец, 17 июля кавгруппа получила приказ оставить район Катербурга и встать прямо против Кременца на смену нашей пехоте, отправленной под Дубно, где ожидалась развязка всей операции. На следующий день наша кавбригада, командование которой перешло к т. Ульриху, расположилась в резерве кавгруппы в деревне Жолобки, а впереди нас находилась упомянутая в начале рассказа бригада кубанцев, занявшая деревню

Угорск. Прошел еще день, и, когда спустились сумерки кубанская бригада арестовала и расстреляла своих комиссаров и, предводимая своими командирами—деникинскими офицерами, двинулась в сторону Кременца, где изменников с распростертыми объятиями встретили поляки.

Когда весть об измене докатилась до нашей деревни, кавбригада немедленно бросилась в погоню. Но кубанцы уже прошли через фронт, а их покровители —поляки встретили нас ураганным пулеметным огнем с неприступных Кременецких позиций. Один только запоздавший эскадрон, сабель в 40, был нами настигнут и обезоружен, человек 10 сейчас же расстреляли, прочих отправили в штаб дивизии. Но кубанская бригада все же ушла и стала служить полякам. Впоследствии, через несколько дней, с польских аэропланов были сброшены листовки, подписанные командиром кубанской бригады (сейчас я позабыл фамилию этого мерзавца) с призывом ко всем «русским конникам и казакам» последовать примеру кубанцев: большевики, мол, и евреи продали нашу родину, а поляки, мол, благородная нация и приняли их, кубанцев, хорошо и т. п.

Эти листовки оказали как раз обратное действие, только усилив возмущение котовцев, хорошо помнивших, как подло подвели их в бою «братья-кубанцы».

События на фронте разворачивались. В ночь на 21 июля под напором нашей пехоты пало Дубно. 18-я польская дивизия, защищавшая реку Икву, под натиском Буденного медленно отходила к юго-западу на Радзивилов. С утра 21 июля кавгруппа повела наступление на Кременец. К вечеру, после долгого боя, противник оставил город, и конница расположилась в нем на ночлег. От кавгруппы по существу остались только наша кавбригада, да два сильно потрепанных конных полка, носивших название «Сибирский кавполк» и «Полк особого назначения», не представляющих, однако, никакой боевой ценности. Кроме того, оставался еще начальник кавгруппы т. Осадчий.

С утра 22 июля кавбригада снова двинулась в рейд на Ново-Почаев, но на этот раз остановилась в 5 верстах от города и выслала во все стороны разведку. В Ново-Почаеве оказались крупные силы поляков, отступивших из Кременца, и вся окрестность были усеяна польскими

отрядами разной численности. Связи с нашей пехотой не было вовсе; даже приблизительно не было известно, куда она направилась.

Ночь прошла в деревне Комнатка. На рассвете 23 июля сильные пехотные части противника, выдвинувшиеся за ночь из Почаева, заняли на севере Бережцы и Божью Гору, преградив нам обратный путь на Кременец, и в то же время густые польские цепи появились с юга, наступая прямо на нас.

Так начался этот знаменательный день — 23 июля. Окруженные, сдавленные, словно клещами, несколькими пехотными полками противника, под убийственным огнем пулеметов, 250 котовцев мечутся внутри все суживающегося лесного пространства, стараясь разорвать смертоносное кольцо. Атака следует за атакой. В конном и пешем строю бросаются котовцы на хорошо применившиеся в перелесках польские цепи, но местность настолько благоприятствует противнику, а огонь его пулеметов настолько губителен, что ни одна из атак не достигает цели, и только множатся наши потери.

Первоначально наши атаки были направлены против Божьей Горы с целью пробиться на Кременец. Эта большая, вся поросшая густым лесом гора, не требовала особых усилий для своей защиты. Пулеметы легко отбивают все наши наскоки, и после каждого отхода за нами тянется кровавый след. Ряды бойцов тают, силы людей падают, но котовцы еще верят в удачу...

С нами Осадчий — начальник кавгруппы, но он уже не распоряжается. Кавгруппа в этот день тихо скончалась, осталась кавбригада Котовского. Командуем я и Ульрих.

Видим, что не взять нам Божьей Горы: нет здесь простора для кавалерийской атаки, а для пешей не хватает сил. Что могут сделать 200 всадников против многочисленной пехоты противника, засевшей, как в крепости, на высокой горе, в густом лесу, простреливающей пулеметами все подступы к своей позиции.

Между тем противник, находящийся на юге, занявший деревню Комнатка, сбивает нашу заставу у разрушенного моста через реку Урля, и, переправившись, наступает нам в тыл. Решаем с Ульрихом атаковать эту группу...

Наконец-то удача... Противник бежит, бросая оружие. В образованную брешь проскакивает вся бригада, вывозя

своих раненых. Поворачиваем на север и входим в деревню Гряда.

4 часа подряд продолжался этот бой. Потери велики, усталость одолевает бойцов, но настроение их снова бодрое: самое тяжелое осталось позади...

Короткая передышка, и битва возобновляется. Подошла наша пехота — 133-я а потом и 135-я бригады. Фронт повернулся снова против Божьей Горы, на этот раз с противоположной стороны.

Поляки наступают. Ими окружена почти вся 45-я дивизия. Они давно ждали этого случая и сейчас хотят прикончить нас.

Не тут то было. Пехота дерется стойко, хотя измучена не меньше нашего. Атаки... контратаки... наступления... отступления... Гряда переходит из рук в руки. Кавбригада на крайнем правом фланге ведет комбинированный бой... Потери растут...

Наконец, пехота берет Божью Гору. Противник, занимавший гору, отходит на Почаев, но перед нами еще держится и даже наступает...

И вдруг, справа появляется 11-я дивизия Буденного. Как эта выручка подействовала на измученных бойцов кавбригады, потерявшей в 8-часовом бою половину своего состава, не приходится описывать. В один миг строятся котловцы для последней атаки вместе с буденновцами.

Эта атака была ужасна. Мы расплачивались за тяжелые жертвы, понесенные бригадой в этот день. Напрасно отдельные группы поляков пытались защищаться. Трупами польских солдат и офицеров было устлано обширное поле между Божьей Горой и Почаевом.

БУШЕЧКАН В. С.

Уроженец Молдавии, сын крестьянина-бедняка. Член КПСС с 1919 г. В период борьбы против немецких захватчиков и гетманской диктатуры Скоропадского активно участвовал в партизанском движении, являясь бойцом Дубоссарского партизанского отряда. После освобождения левобережных районов Молдавии от англо-французских интервентов и петлюровцев весной 1919 г. отряд, в котором находился Бушечкан, вошел в регулярные части Красной Армии. Летом 1919 г. был назначен командиром 1-го батальона 405-го полка, 3-й стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии. В. С. Бушечкан участник всех боев 45-й стрелковой дивизии. С сентября 1920. по апрель 1921 г. командовал 403-м стрелковым полком этой же дивизии. После окончания гражданской войны продолжает служить в рядах Красной Армии, отдавая свои знания и свой опыт делу воспитания и подготовки молодых воинов советских вооруженных сил.

ВСТРЕЧА С ДЕНИКИНЦАМИ У НИКОЛАЕВКИ

Разбитые на Украине деникинские части отступали в различных направлениях. 45-я дивизия преследовала белых от Екатеринослава на запад на Вознесенск—Бирзулу. Выдвинутая вперед 2-я (134-я) бригада, овладевшая Вознесенском, при дальнейшем продвижении на запад на-

толкнулась на сильную группу противника, отходившую с севера на Одессу. У местечка Николаевка, в 40 верстах западнее Вознесенска, деникинцам удалось окружить 400-й и 402-й полки и нанести им тяжелое поражение. Особенно сильно пострадали эти полки от атак многочисленной деникинской конницы.

На помощь им по приказанию начдива был отправлен 1-й батальон 405-го полка под моей командой.

В ночь на 5 февраля 1920 года батальон из района Царедаровка на санях двинулся к Николаевке. Дорога шла на юг, по течению реки Столбовой. Утром батальон был задержан пехотой противника у деревни Василько, в 5 верстах к северу от Николаевки.

Силы батальона составляли 250 штыков при 6 пулеметах. С нами была 1-я батарея 3-го артдивизиона из 4 орудий и конная разведка 405-го полка в составе 40—50 сабель. Конная разведка действовала самостоятельно.

Завязался бой. Вскоре противник, не выдержав натиска двух наших рот, отступил на западный берег реки Столбовой.

Батальон, переправившись через замерзшую реку вслед за белыми, под прикрытием артиллерийского огня, атаковал противника на его новых позициях и отбросил деникинцев еще далее к западу. Белые уцепились за высоты восточнее деревни Софиевка. Нас с ними разделяла балка.

С занятых нами позиций были замечены большие пехотные колонны противника и огромный обоз, двигавшиеся из Николаевки на запад по большой дороге, проходившей в глубокой ложине. Было ясно, что мы имеем дело с сильным пехотным заслоном, прикрывающим отступление значительной группы белых. Наша батарея сейчас же открыла огонь по колонне противника. Нам с высоты было хорошо видно, как среди колонны рвались снаряды и разбегались люди.

Пехота противника, получив подкрепление, несколько раз пыталась сбить нас с занятых нами высот, но каждое ее наступление отбивалось пулеметным огнем. Бой при сильном морозе продолжался уже несколько часов, и тут внезапно оказалось, что не хватает патронов. Повозки с патронами застряли где-то далеко сзади, в какой-то деревне. В довершение всего 3 пулемета из 6 отказали, а

батарея донесла, что снаряды на исходе (с нею не было зарядных ящиков).

Создалось крайне затруднительное положение, из которого можно было выйти только новой решительной атакой в расчете захватить патроны у противника. Дело было рискованное: неудача равнялась бы полному поражению.

Но противник опередил нас. Против нашего правого фланга появились отдельные всадники, а за ними вскоре показалась сплошная масса кавалерии. Видно было, как она, продвигаясь, разбилась на три большие группы, а последние перестраивались в развернутый строй, образуя несколько эшелонов. Вперед выехали пулеметные тачанки...

Всю эту картину с затаенным дыханием наблюдал залегший в снегу, полузамерзший батальон. Словно черная туча нависла, от которой негде было укрыться. И всем было ясно, что означала эта туча. Вихрем пронеслись в воображении картины кавалерийских атак... сотни зарубленных... зверские издевательства над пленными... Единственное наше спасение — хладнокровие и дружный огонь. Но не хватает патронов, испорчены пулеметы, нет снарядов.

Кавалерия, между тем, маневрировала перед нашим фронтом, не торопясь с атакой. По-видимому, предыдущая удача — разгром двух наших полков, настраивала ее пренебрежительно к пехоте. Эта задержка сыграла решающую роль. Бойцы успели оправиться от охватившей их оторопи и внимательно следили за маневрами конницы. По всей цепи было передано приказание: не открывать огня прежде времени.

Все же я серьезно опасался, хватит ли у бойцов выдержки, не будут ли расстреляны без толку патроны, не побегут ли в решительный момент...

Кавалерия закрыла собою весь горизонт. Она приближается... С тачанок раздается пулеметный огонь. Наши не отвечают, берегут патроны...

Я — на правом фланге, еще правее — мой помощник Самсонов. Мне видно, как мелькает его огромная черная папаха, и я знаю, что он сейчас суетится и в последний раз напутствует бойцов: скопление конницы в этом месте особенно велико, вот-вот бросятся в атаку.

Военком батальона Моисеев — на левом фланге. Сей-

час он занимает свое обычное в критических положениях место — в цепи.

Вот, наконец, замолкают пулеметы. Конная лава быстро продвигается вперед. Батальон замер, глаза бойцов впились в надвигающуюся конную массу, руки судорожно сжимают винтовки. Командиры с огромным напряжением нервов выжидают критического момента...

Все ближе и ближе... Вот уже ясно различимы пригнувшиеся к лукам всадники, режет ухо резкое гиканье и свист... Карьером, во всю прыть несутся лошади, сверкают на зимнем солнце обнаженные клинки... еще минута, и батальон будет смят, изрублен, уничтожен...

Вдруг залп, другой, третий, снова и снова, по всему фронту, на правом фланге, на левом, из центра... Залпился 3 пулемета, пожирая последние ленты...

Огнем, железом встретили мы врага.

Результат: опрокинутые всадники, убитые лошади, вскоре все смешалось в какую-то кашу. Отдельные всадники долетают вплотную до цепи и здесь находят свою смерть... Дисциплина в наших рядах удивительная. Стрельба ведется только залпами. Этот огонь убийствен для белых, и в 100 шагах от батальона вся масса конницы поворачивает назад...

Батальон подымается и с громким криком преследует конницу. Поле усеяно убитыми и ранеными лошадьми и кавалеристами. На защитных погонах бросаются в глаза офицерские просветы и звездочки. Итак, значит, мы имели дело с офицерскими частями...

Первым делом братва отбирает у раненых и убитых патроны. Затем в два счета снимается и делится обмундирование.

Самсонов захватил тачанку с пулеметчиком-офицером. Перед нами маячит отступающая расстроенная конница; она переваливает через высоту. Самсонов решает обстрелять ее из захваченного пулемета. Но под руками нет пулеметчиков. Тогда, наведя револьвер на офицера, он заставляет его открыть огонь по своим.

Я наблюдал эту сцену. Перепуганный офицер не попадал в цель. Самсонов своим огромным кулаком бьет его по затылку, приговаривая:

— Стреляй, гад, не валяй дурака. Сейчас разменяю...

Батальон отошел на свою позицию. Настроение коренным образом переменилось. Было весело. Черт ока-

зался не таким страшным, как его малюют. Мы чувствовали себя в силах перейти сейчас в наступление на пехоту, чтобы покончить с создавшимся положением.

Но кавалерийский «черт» не успокоился. Снова на горизонте собирается конная масса, и атака повторяется. На этот раз батальон чувствует себя уверенно. Огнем батареи, пулеметов и ружейными залпами противник остановлен в 400 шагах от нашей цепи, и в этот момент происходит неожиданное событие. Из балки впереди и правее батальона выскакивает наша конная разведка под командой т. Григорьева и стремительно атакует левый фланг белогвардейцев. Белая конница, не принимая атаки, ударяется в бегство, а наша конная разведка энергично преследует ее. Бойцы батальона со своей позиции наблюдали редкую картину: маленькая конная разведка в 40—50 сабель гнала перед собой огромное конное стадо. Нет сомнения, деникинцы представляли себе, что их атакует многочисленная красная конница, и в панике старались выйти из боя.

Этим кончились операции деникинской кавалерии. Как потом выяснилось, против нас действовали 2 конных полка противника, из них один — офицерский.

Теперь можно было перейти к осуществлению нашего плана разгрома пехоты противника. После неудачи кавалерии пехота белых держалась нестойко и под нашим натиском очистила свои позиции, уйдя на запад. Сюда же отошли главные силы и обоз противника.

МИНИН А. Ф.

Уроженец Бессарабии. В 1918—1919 гг. в период борьбы против румынских оккупантов и немецких захватчиков принимал активное участие в организации партизанского движения в Приднестровье. Весной 1919 г. после освобождения Советскими войсками Одесщины и левобережных районов Молдавии партизанский отряд, в рядах которого сражался Минин влился в регулярные части Красной Армии. Минин был назначен командиром 405-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии. А. Ф. Минин, командуя 405-м полком участвовал в «Южном походе», в боях против денikinцев и белополяков. Под руководством Минина 405-й стрелковый полк вырос в одну из самых боевых частей Красной Армии. После окончания гражданской войны продолжает служить в рядах Красной Армии, передавая свой большой опыт и знания молодым воинам. В 30-х годах находился на службе в Северо-Кавказском Военном округе. За боевые заслуги перед Родиной награжден орденом Красного Знамени.

ДНЕСТРОВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ

В марте 1920 года 405-й полк, заняв деревню Шеинцы, двинулся через хутор Адамовку на деревню Зяньковцы. В направлении на деревню Яблоновка был послан

2-й батальон с задачей занять ее. Между маршрутами полка и 2-го батальона тянулся лес, который уходил на Зяньковцы и Яблоновку. Весь лес зарос густым орешником, так что охранению, посланному от 1-го батальона, приходилось подчас пробираться ползком. На правый фланг был отправлен 1-й взвод 1-й роты. Взвод выделил и послал вперед три парных дозора. Средний дозор из двух красноармейцев Шумиленко и Рюрика двигался приблизительно посередине леса, ориентируясь только по солнцу, и временами останавливался, поджидая идущих сзади, чтобы проверить, не сбился ли он с дороги.

Прошло таким образом часа три. По предположению командира взвода т. Токарчука, его взвод должен был находиться где-либо по линии Яблоновки и Зяньковец. В направлении Зяньковец должна быть прогалина, по которой 1-й взвод и должен был свернуть на Зяньковцы, но лес все тянулся да тянулся. Через некоторое время влево, где-то далеко, послышались отдельные ружейные выстрелы, а еще через минут 15 разгорелся бой. Токарчук сообразил, что это полк встретился с поляками и дерется. Отдал приказание, чтобы дозоры двигались побыстрей.

Шумиленко и Рюрик, остановившиеся из-за стрельбы, получив приказание двигаться дальше, пошли вперед. Вдруг они услышали впереди себя какой-то шум. Выбрали два куста и спрятались за ними. Шум усиливался. Слышно было, как кто-то ломает сучья кустарника. Ребята и дыхание затаили, приготовив к бою винтовки. Вдруг между кустами вынырнули из-за веток два поляка. Красноармейцы вскочили и приставили к груди опеших поляков штыки. «Бросай, паны, оружие» — шепотом проговорил Шумиленко. Поляки сейчас же бросили свои винтовки. Красноармейцы подняли оружие, забрали у пленных патроны и ручные гранаты и посадили их под куст.

Через минут десять подтянулся взвод, и Токарчук узнал от пленных, что они посланы в разведку выяснить, нет ли красных в лесу, пленные сообщили, что в лесу, кроме них, бродит еще 8 человек. Дальше поляки показали, что часа два тому назад они пришли в Зяньковцы со стороны Деражни и должны были двигаться дальше на местечко Женишковцы, но разведчики донесли, что со стороны Шелеховой слободы двигаются части красных. В Зяньковцы прибыл галлеровский полк.

Токарчук сразу же разослал взвод по лесу поймать всех польских разведчиков; через час они все были приведены к нему.

Охранение двинулось дальше, и Шумиленко с Рюриком первыми выбрались на опушку. Перед их глазами внизу широко раскинулось село. Красноармейцы увидели, как в село с противоположной стороны въезжала польская артиллерия, и за нею следовал обоз. Они донесли обо всем виденном Токарчуку. Влево же, где-то немного сзади, стрельба все усиливалась и усиливалась. Слышно было, что в бой ввязалась и артиллерия.

Оценив обстановку, Токарчук решил действовать. Перейдя незаметно по кустам через опушку со всем взводом, он со всеми предосторожностями двинулся к Зяньковцам. Из опроса пленных ему было известно, что у входа в село со стороны опушки, то есть с той стороны, откуда он двигался, стоит отдельный полевой караул противника. Необходимо было сначала его снять. На это дело вызвались те же Шумиленко и Рюрик. Оба красноармейца незаметно по кустам подползли к часовому и подчаску, подскочили, и тот же прием: штыки к груди и полусшепотом: «пан, бросай оружие». Испуганные поляки побросали винтовки и сдались. Караул весь застучали в крайней избе села обедавшим. И его разоружили без единого выстрела.

Токарчук, оставив около себя на всякий случай 10 человек, всех остальных группами по трое, по четыре разбросал по селу с целью поднять в тылу у действующих впереди польских частей панику и помочь своему полку занять деревню.

В Зяньковцах расположился весь обоз польского полка. И вот в селе, то здесь, то там, начинают раздаваться отдельные выстрелы из винтовок. Заработали оба ручных пулемета из взвода Токарчука. В селе паника... Поляки мечутся по селу, как угорелые... Их обозы, несмотря на большую грязь, носятся по селу, ища безопасного выхода... А красноармейцы засели за заборы и знают себе одно — берут на мушку ездовых и лошадей.

Стрельба дерущихся на фронте частей начала быстро приближаться. Оказалось, что поляки, узнав о том, что у них в тылу Зяньковцы заняли красные, начали отходить и по южной окраине села отступили на запад на деревню Хуторы. Все кончилось тем, что к вечеру 405-й полк занял

село. Благодаря Токарчуку полк захватил 2 орудия, 8 станковых пулеметов, около 30 автоматов и до 10 возов патронов и ручных гранат.

Но героями этого удачного боевого дня несомненно были ит. Шумиленко и Рюрик, оба — бессарабцы, совсем еще молодые хлопцы, невзрачные и щуплые на вид, но уже закаленные в огне партизанской войны, хладнокровные, мужественные. Просто и спокойно, как обычное повседневное дело, они совершали подвиг. Их много было тогда героев в наших рядах, и поэтому о смелом подвиге двух бывших партизан вскоре все забыли, в том числе и они сами. И лишь впоследствии, когда жестокие бои с белополяками разметали ряды днестровских партизан, оставшиеся в полку старые бойцы часто припоминали выбывших из строя товарищей, скромных, но отважных и сильных духом бойцов революции, сложивших головы в неравных боях с польской регулярной армией.

Я помню смерть Рюрика. Панская пуля сразила его 21 июля 1920 года под деревней Онышковцы за Кременцями, угодив ему в раскрытый рот: по-видимому, он кричал «ура», несясь в атаку.

Шумиленко погиб позже; этот болезненный на вид паренек прошел через все бои, какие пришлось вести нашему полку. На самое опасное предприятие всегда посылался Шумиленко, и он шел, не отказываясь, просто и спокойно, как будто бы в поле пахать. В кровопролитных боях с галицийскими частями он был ранен, кажется, тяжело. С тех пор его не стало в полку.

Так сражались многие партизаны Приднестровья. Своим примером они воспитывали новые кадры бойцов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авраменко — в апреле 1919 г. направлен Елизаветградским партийным комитетом для работы политкомиссаром в отряде Т. М. Гуляницкого — 83.

Акишевский — польский офицер, коммунист — 133.

Александров — эсер — 26, 29.

Алешин — командир 1-й группы 1-го Приднестровского партизанского отряда, организованного в 1919—1920 гг. — 20, 145, 147, 151, 152, 154.

Аникин — врач, помогавший партизанам Балтского отряда — 94.

Анисимов — в 1918 г. являлся уполномоченным подпольного Одесского обкома партии по организации партизанского движения в Тираспольском уезде — 86.

Ансельман — начальник штаба французских войск в Одессе — 128.

Анулов Ф. И. — 124.

Аснес Б. — в революционное движение вступила в 1917 г. В годы боярско-румынской оккупации принимала активное участие в коммунистическом движении. В ноябре 1919 г. была избрана членом подпольного Кишиневского парткома. Неоднократно арестовывалась и подвергалась суду румынской сигуранцей за участие в революционном движении — 26, 28.

Аснес Л. — сестра Аснес Б., также принимала активное участие в революционном движении — 26.

Б

Байтальский — владелец типографии в г. Рыбница — 171.

Баланюк — крестьянин села Евтодиевка, партизан Балтского отряда, погиб в боях за Родину в годы гражданской войны — 112.

Баланюк — рабочий Рыбниц-

кого сахарного завода, партизан Ержовской группы Рыбницкого отряда — 158.

Байковский (Валентин) — анархист — 30.

Батурин — организатор кулацкого мятежа в с. Плоское, Тираспольского уезда в 1919 г. — 135.

Безносков Л. — член КПСС с 1917 г., один из активных организаторов партизанского движения в Балтском уезде. В годы гражданской войны, находясь в составе 45 дивизии, принял участие в «Южном походе», разгроме Юденича, Деникина и белополяков — 92, 104.

Белоконь И. — кулак села Березовки, Балтского уезда — 93.

Березовский И. — партизан-разведчик Дубоссарского отряда — 72, 73.

Берестянский Л. — партизан Рыбницкого отряда — 169.

Богомольный И. — волостной старшина, кулак — 93.

Богун И. З. — 85, 86.

Бойчук — партизан Балтского отряда, погиб в 1919 г. — 94, 105.

Бондарчук — партизан Рыбницкого отряда — 157.

Борисов Г. (Старый) — родился в 1880 г. в семье рабочего - железнодорожника станции Бендеры. В революционное движение вступил в 1900 г. За участие в революционной борьбе неоднократно подвергался аресту царскими властями. В годы первой мировой войны, мобилизованный в царскую армию, вел революционную пропаганду среди солдат. После февральской революции 1917 г. избран в армейский комитет от фракции большевиков.

В годы боярско-румынской оккупации принимал активное участие в коммунистическом движении в Бессарабии. В 1919—1920 гг. был членом бессарабского

обкома партии. В 1921—23 гг.—слушатель Свердловского университета в Москве. С мая 1924 г. был первым редактором молдавской газеты «Плугарул Рошу», избирался членом ЦИК МАССР, ВУЦИК и ЦИК СССР. Был председателем ЦИК МАССР — 12, 67, 68.

Боровский — комиссар Рыбницкого партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 112, 161, 162.

Боян — один из активных организаторов партизанского движения в Приднестровье в 1919—1920 гг. Председатель повстанкома Рыбницкого партизанского отряда, после освобождения г. Рыбницы в феврале 1920 г. был назначен комендантом города — 147, 153, 154, 160, 161, 169.

Боханцев — матрос-потемкинец-большевик — 172.

Бредов — деникинский генерал, командующий киевской группой деникинских войск в 1919—1920 гг. — 20, 152, 153, 171, 175, 176.

Брешко-Брешковская — эсерка — 23.

Бродер — красный партизан — 112.

Буденный С. М. — Маршал Советского Союза, один из организаторов 1-й Конной Армии — 178, 183, 185, 187.

Бузинов — начальник штаба 1-й группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 148, 154.

Бурле Ю. — партизан Рыбницкого отряда в 1919—1920 гг. — 169.

Бушечкан В. С. — 188.

В

- Вайништейн** — партизан Балтского отряда — 92.
- Вайс** — партизан Рыбницкого отряда — 157, 168.
- Варбанец** — начальник артиллерии 1-го Приднестровского партизанского отряда, член ревкома села Окны в 1919—1920 гг. — 20, 150, 154.
- Васильев** — солдат Румынского фронта, большевик — 34.
- Василевский М.** — партизан Рыбницкого отряда — 157.
- Венедиктов** — начальник штаба, а затем командир Тираспольского отряда. Погиб в боях с белоказаками — 7, 60.
- Верхотурский** — политический ссыльный в Бессарабии — 23.
- Вильгельм II** — немецкий император — 35.
- Вишневский** — генерал, командовавший 25 петлюровской дивизией — 85, 89.
- Владимиров** — один из командиров 134 стрелковой бригады, 45 стрелковой дивизии — 138.
- Волюнец** — предводитель кулацко-петлюровской банды в 1919—1920 гг., орудовавшей на территории левобережной Молдавии и Украины — 80, 81.

- Волков** — большевик, в сентябре 1917 года был избран в Бессарабский губернский исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — 26.
- Воробьев** — в 1917 г. член большевистского партийного комитета VI-й армии, находившийся на Румынском фронте — 36.
- Воронин** — в январе 1919 г. член штаба повстанкома села Великая Мечетна, затем помощник командира 1-го Тридубского партизанского отряда. После вхождения 1-го Тридубского партизанского отряда в состав советских войск в апреле 1919 г. назначен командиром 3-го батальона 5-го полка VI Украинской советской дивизии — 157, 161.
- Ворошилов К. Е.** — (р. 1881 г.) член Реввоенсовета первой конной армии и Юго-западного фронта, позже Народный Комиссар обороны СССР, Маршал Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР — 8.
- Вржижевский** — партизан Дубоссарского отряда — 72.

Г

- Гаазе** — боец 45 стрелковой дивизии, погиб в боях с кулацкими мятежниками в 1919 г. в с. Пасицелы — 139.
- Гайдукевич** — партизан Ершовской группы Рыбницкого отряда — 157, 161.
- Галайда** (Понятовский) Генрих — 66.
- Галацан** — в 1917 г. председатель ревкома м. Комрат — 31.
- Галицкий** — комиссар тру-

- да Совета депутатов трудящихся г. Рыбницы — 116.
- Гарькавый И.** — в конце 1917 г. — январе 1918 г. председатель Кишиневского Исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, один из организаторов защиты Кишинева от румынских оккупантов, принимал активное участие в организации Тираспольского отряда, начальник

- штаба, а затем и командир 45 стрелковой дивизии, начальник политуправления РККА, заместитель командующего Ленинградским, а потом командующий Уральским военным округом — 60, 80, 81.
- Герсдорф* — помещик, бывший вице-губернатор Подольской губернии — 93.
- Гидеримский* — помощник командира Рыбницкого партизанского отряда, погиб в 1920 г. в боях против денкинцев — 168.
- Гиндин* — денкинец — офицер штаба войск Стесселя — 177.
- Глибовский Т.* — партизан Рыбницкого отряда, в 1919 г. погиб от рук денкинских палачей, после долгих пыток его сожгли в топке паровоза — 157, 159.
- Гожий* — помощник командира полка, погиб в годы гражданской войны — 65.
- Гольий* — командир 3-го Интернационального полка 45 стрелковой дивизии в 1919 г. — 143.
- Гончаров* — командир Маякского партизанского отряда в 1918—1919 гг., затем командир 404-го стрелкового полка 135-й бригады 45-й стрелковой дивизии в 1919—1920 гг. — 87, 138.
- Гончаров Я.* — житель г. Вилкова, выступал в 1918 г. против Советской власти — 55.
- Гординец* — партизан Рыбницкого отряда — 163, 164.
- Греков* — петлюровский генерал — 102.
- Григорьев* — организатор контрреволюционного мятежа против Советской власти в 1919 г. — 77, 116, 123.
- Григорьев* — командир конной разведки 405-го полка 45-й стрелковой дивизии — 192.
- Гринфельд Н.* — меньшевичка — 29.
- Гротовик* — красный партизан из села Мироны, погиб в годы гражданской войны — 112.
- Гуляницкий Т. М.* — 10, 77, 79.
- Гуровой* — один из командиров Тираспольского отряда, погиб в годы гражданской войны — 65.

Д

- Деникин* — царский генерал-лейтенант, один из руководителей белогвардейского движения в период гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1919—1920 гг. — 17, 19, 119, 121, 123.
- Денисенко* — бывший военкомбриг Н-ской советской дивизии, один из организаторов 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 146, 147.
- Дудник* — командир батальона — 112.
- Дыбенко* — один из руководителей 1-й группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 148.
- Дьячишин И. К.* — 91, 92, 93, 94, 95, 96, 114, 115.
- Дьячишин М. К.* — партизан Балтского отряда, расстрелян петлюровцами в 1919 г. — 91, 94, 105.
- Дьячишин Тихон* — партизан Балтского отряда, погиб в годы гражданской войны — 112.
- Дьячишин Тимофей* — красный партизан — 112

Е

Елин Жак — участник Одесского большевистского подполья в 1918—1919 гг., член «Иностранной коллегии» — 10, 15.

Ерхан — член контрреволюционного «Сфатул Цэрий», — 41, 43.

Ж

Железняков А. — большевик, моряк Балтийского флота, в 1918 г. Румчеродом был командирован на юг Бессарабии, руководил боями

Дунайской флотилии и трудящихся Вилкова против румынских оккупантов — 48, 53, 54, 57.

З

Заболотный — помощник начальника петлюровской разведки г. Балты, затем предводитель банды в 1919—1921 гг. — 103, 104, 148.

Завадский — рабочий Рыбницкого сахарного завода, один из руководителей рыбницкого подпольного большевистского комитета, партизан Рыбницкого отряда, погиб после жестоких пыток деникинской контрразведки — 157, 159.

Задорожный — в 1919 г. член штаба повстанкома села Великая Мечетна, затем помощник командира 1-го Тридубского партизанского отряда, в апреле 1919 г. помощник командира 1-го Балтского полка VI-й Украинской дивизии — 114, 115, 117.

Задорожник — партизан 1-го Приднестровского отряда — 154.

Заец Н. — крестьянин села Ближний Хутор, Тираспольского уезда — 86.

Зарзар Н. — помощник городской головы г. Вилкова, в 1918 г. выступал против Советской власти — 55.

Зеленый — главарь банды, летом 1919 г. его банда орудовала в районе села Кодыма — 116.

Зильбель Л. — большевичка, в 1917 г. работала в партийном издательстве в Петрограде и присылала подпольную литературу в Кишинев — 28.

Зильберман К. — одна из активных участниц борьбы за Советскую власть в Молдавии в 1918—1920 гг., принимала деятельное участие в коммунистическом подполье Бессарабии, в 1920 г. после тяжелых пыток румынской сигуранцы умерла — 26, 27.

Золотарев С. — участник борьбы трудящихся Вилкова против румынских оккупантов, погиб в борьбе с немецкими захватчиками в 1918 г. — 57

И

Иванов И. — матрос Дунайской флотилии, член Вилковского ревкома в 1918 г.,

после окончания гражданской войны в 30-х годах работал капитаном корабля

Днестровского пароходства — 50, 51.
Ильин — партизан Дубоссарского отряда — 74.

Инкулец — один из руководителей контрреволюционного «Сфатул Цэрий» — 41, 43.

К

Каабак — Председатель Кишиневского фронтотдела большевистского Румчерода — 42.

Казак — главарь банды, орудовавшей в районе Ананьевского уезда в 1919 г. — 117.

Калевский Ф. — крестьянин села Обжила, партизан Балтского отряда, погиб в годы гражданской войны — 112.

Калик — крестьянин с. Окны, содействовавший партизанам — 146.

Каменский — начальник штаба, позже командир 2-й стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии, умер в 1925 г. — 137.

Каминский — петлюровец — 104.

Камков — левый эсер — 37.

Карпенко — партизан Тираспольского уезда — 88.

Келлер — помещик с. Счастлива Голованевской волости, Ананьевского уезда — 78.

Керенский А. Ф. — эсер, адвокат, сначала министр юстиции, затем военный и морской министр, и, наконец, глава Временного правительства — 38.

Киничу Т. — красный партизан — 112.

Княгиницкий П. Е. — в 1918—1919 гг. командир партизанского отряда Тираспольского уезда, затем в 1919 г. начальник авангарда 45-й стрелковой дивизии во время отхода южной группы

советских войск. За боевые заслуги перед Родиной в годы гражданской войны советское правительство наградило его двумя орденами Красного Знамени — 84.

Коваленко — командир партизан с. Ближний Хутор Тираспольского уезда в 1918—1919 гг. — 87.

Коваль — один из руководителей 1-го Приднестровского партизанского отряда, член ревкома с. Окны в 1919—1920 гг. — 20, 150, 154.

Кожемяченко — один из руководителей антисоветского мятежа в с. Плоское Тираспольского уезда — 135, 136.

Кожухарь — командир партизан с. Малаешты Тираспольского уезда в 1918—1919 гг. — 74.

Козубский — главарь банды — 75, 85, 89, 113.

Козюлич С. — партизан Дубоссарского отряда — 73.

Кокарев — командир 5-го Заамурского полка Тираспольского отряда в 1918 г. — 59, 65.

Колебабчук Я. — партизан Балтского отряда, погиб в боях за Советскую власть в 1919 г. — 112.

Колесников И. Н. — 74, 87, 89, 132, 133.

Колесников — племянник Колесникова И. Н. — 136.

Колчак — адмирал, командовал Черноморским флотом, руководитель сибирской

контрреволюции в 1918—1919 гг. В феврале 1920 г. расстрелян — 17.

Котовский Г. И. — 7, 11, 59, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186.

Краевский Б. — 145, 146, 170.

Краснов — царский генерал, организатор белогвардейского движения против Советской власти на Кубани — 65.

Красноперский — офицер денкинской контрразведки — 158, 159.

Криворучко Н. Н. — 172, 176, 177.

Криворучко Ф. Е. — командир 402-го стрелкового полка 2-й стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии в 1919—1920 гг. Погиб в фев-

рале 1920 г. в боях за освобождение Одессы — 137, 139.

Круссер — помещик Ананьевского уезда — 78.

Крыжановский — один из руководителей подпольной большевистской ячейки г. Балты, активный организатор партизанского движения в Балтском уезде в 1918—1919 гг. — 104.

Крыленко Н. В. — делегат Учредительное собрание от большевиков румынского фронта — 31.

Кузнецов — представитель Всеукраинского повстанческого комитета и член ЦК КП(б)У, руководивший организацией партизанского движения в Балтском уезде — 92, 97, 108.

Л

Лаврентьев Г. — красный партизан — 112.

Левинзон Ф. Я. — 6, 7, 40, 60.

Левицкий — партизан 1-го Приднестровского отряда — 152.

Ленин В. И. — Председатель Совета Народных Комиссаров — 13, 17, 19, 34, 35, 39.

Литвак В. — партизан Рыбницкого отряда — 169.

Лордкипанидзе — эсер, председатель эсеро-меньшевистского Румчерода в 1917 г. — 31.

Лукацкий — в начале 1919 г. член штаба повстанкома села Великая Мечетна, затем командир 1-го Тридубского партизанского отряда, в апреле командир 2-го батальона, 1-го Балтского полка, VI-й Украинской Советской дивизии — 114.

Луца — партизан Рыбницкого отряда в 1919—1920 гг. — 163, 166.

Львов А. — князь — 153.

Лябурб Ж. — Активная участница Одесского большевистского подполья в 1918—1919 гг., член «Иностранной коллегии» при Одесском обкоме. После долгих пыток была убита денкинскими палачами в 1919 г. — 10, 15.

Ляйфер Г. Г. — родился в 1875 г., член КПСС с 1902 г. Вел партийную работу в Одессе. В 1903 г. был арестован и выслан. Вскоре вернулся в Одессу, работал в подпольной типографии.

В 1909 г. был арестован и выслан в Кишинев. До января 1917 г. вел работу в объединенном комитете РСДРП и затем в комитете РСДРП (б) Кишинева. С занятием города румынскими оккупантами переехал в Одессу, был членом большевистского Румчерода. В

1919 г. оставался в городе на подпольной партийной работе. После восстановления Советской власти в Одессе до 1941 г. работал на руководящих советских и хозяйственных должностях. С 1943 г. персональ-

ный пенсионер. В 1956 г. в связи с 50-летием первой русской революции и за активное участие в революционном движении награжден орденом Трудового Красного знамени. В конце 1956 г. умер — 26.

М

Малко — адъютант командира галицийской бригады — 151.

Мамонтов — деникинский полковник, командующий конной группой деникинских войск — 176, 177.

Макаренко И. Н. — один из руководителей партизанских отрядов Одесской области, действовавших в 1918—1919 гг. в Тираспольском уезде, затем командир кавалерийского дивизиона 3-й стрелковой бригады 45-й дивизии, позже командир 2-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовского. Убит в боях с белополяками в 1920 г. — 179, 180.

Марченко — один из организаторов Плесковского партизанского отряда, в 1919 г. был расстрелян иностранными интервентами — 85, 133.

Матлаев — моряк Дунайской флотилии, председатель Вилковского Ревкома в 1918 г. — 53.

Махно Нестор — предводитель контрреволюционного движения кулацких слоев Украинского крестьянства в 1918—1921 гг. — 82, 83.

Медведев — участник гражданской войны, прошел путь от бойца-пулеметчика до командира полка 45-й стрелковой дивизии — 65.

Меерсон — участник борьбы за победу Советской власти в Молдавии, в ноябре 1917 г. принимал участие в работе большевистской конференции Румынского фронта, в 1918 г. — один из организаторов Тираспольского отряда, погиб в годы гражданской войны — 26, 27, 31, 60.

Меламуд М. — партизан Рыбницкого отряда — 169.

Меланич М. — красный партизан — 112.

Мельников — рабочий г. Балты, партизан Балтского отряда, погиб в 1919 г. в боях с петлюровцами — 112.

Микитка — деникинский генерал, возглавлявший штаб галицийских войск в 1919 г. — 152, 153.

Милешин Я. — член Коммунистической партии с 1905 г. В мае 1917 г., прибыв с Румынского фронта в Кишинев, вошел в состав Кишиневского комитета РСДРП(б). В сентябре 1917 г. принимал участие в работе Бессарабского губернского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и был избран членом губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 28—30 ноября был делегатом большевистской

конференции Румынского фронта. В октябрьские дни — начальник Кишиневского гарнизона, в 1918 г. секретарь партийной организации Тираспольского отряда, погиб в 1918 г. в боях с белогвардейскими войсками генерала Краснова — 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 65.

Минин А. Ф. — 193.

Миронюк И. — бывший командир одной из частей Красной Армии, один из руководителей 3-й боевой группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 148, 154.

Михайлов — участник коммунистического подполья Бессарабии в 1918—1920 гг. В январе 1920 г. избран председателем Центрального бюро нелегальных профсоюзов Бессарабии. Летом 1920 г. румынская сигуран-

ца его арестовала, но он бежал в СССР и в 30 годах являлся активным работником общества Бессарабцев — 68.

Михайловский — партизан Рыбницкого отряда — 158.

Мишанчук — красный партизан — 112.

Мойсеев — военком одного из батальонов 204-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии — 190.

Морозов Д. Г. — 33.

Мостовенко П. Н. — делегат в Учредительное собрание от большевиков румынского фронта — 31.

Муравьев — в 1918—1918 гг. командовал советскими войсками, затем изменил Советской власти — 59, 60, 63.

Мураковский Ф. — партизан Балтского отряда, погиб в 1919 г. в боях с петлюровцами — 112.

Н

Назаров — один из организаторов 1-го Приднестровского партизанского отряда. член ревкома села Окны в 1919—1920 гг. — 20, 150, 154.

Нарцов Н. А. — командир Рыбницкого партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 91, 112, 147, 153, 157, 159, 160, 161, 169, 170.

Нарцова И. — жительница г. Рыбницы — 159, 162.

Недин И. — рабочий-литейщик из г. Голты — 79.

Недолуженко — руководитель одного из партизанских отрядов, действовавших в районе Приднестровья в 1918—1919 гг. — 89.

Нежинцев (Красный) А. А. — 118.

Некрасов — царский генерал,

в 1918 г. был убит солдатами Румынского фронта за попытку организации оккупации румынскими захватчиками Бессарабии — 43.

Николаев П. — уроженец Комрата, участник революционного движения в Бессарабии. Был сослан на каторгу, в 1917 г. освобожден. В члены КПСС вступил в 1918 г. Сражался на фронтах гражданской войны — 30, 31.

Новаковский — партизан Рыбницкого отряда в 1919—1920 гг. — 161.

Няга И. (М) С. — уроженец Бессарабии, участник партизанского движения в районе Приднестровья в 1919 г. Командир кавалерийского дивизиона 2-й стрелковой

бригады 45-й стрелковой дивизии. С января 1920 г. командир 1-го кавалерийского полка кавбригады Г. И. Котовского. За боевые заслуги перед Родиной Советским правительством был на-

гражден орденом Красного Знамени. В июне 1920 г. под м. Любар на польском фронте был тяжело ранен, впоследствии в 1921 г. умер — 139, 179, 181.

О

Овручевская А. — учительница м. Дубоссары — 72.

Озерянский А. — 129, 138.

Осадчий — начальник 41-й стрелковой дивизии в 1919—1920 гг. В июле 1920 г. на польском фронте был наз-

начен начальником кавалерийской группы 1-й конной армии Буденного — 173, 183, 184, 185, 186.

Остапенко О. — партизан Дубоссарского отряда — 74.

П

Павлович (Вельтман) — политический ссыльный, марксист, один из организаторов Кишиневской типографии «Искры» — 23.

Паламарчук Д. — красный партизан — 112.

Пашкевич — красный партизан — 112.

Перлимутер Шай — житель села Черна, партизан 1-го Приднестровского отряда в 1919—1920 гг. — 146.

Петлюра С. — предводитель буржуазно-националистического движения на Украине в 1919—1921 гг. — 75, 119, 120, 121, 123, 137, 138.

Петрекеев М. — бывший городской голова г. Вилкова, ярый противник советской власти — 49, 55.

Платов (Поляков) — в 1917—1918 гг. член Вилковского ревкома, в феврале 1918 г. комиссар Вилковского фронта в борьбе трудящихся против румынских оккупантов, в сентябре 1924 г., один из организаторов Татарбу-

нарского восстания, во время которого и был убит — 50.

Поздняков Л. Г. — 113.

Попадюк — один из организаторов 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 20.

Попеску — начальник румынской полиции г. Бендер в 1919 г. — 131.

Попов В. — сын начальника почтово-телеграфной конторы г. Тирасполя, бывший подпоручик, тип примазавшегося к советской власти авантюриста, в 1919 г. изменил делу рабочих и крестьян — 74, 89, 135, 136.

Порошенко Т. — крестьянин Измаильского уезда — 49.

Потриваев — в 1918 г. из Петрограда направлен в Одесское большевистское подполье, как представитель Одесского подпольного обкома он развернул большую работу по организации партизанского движения в районе Телегулло-Березани. 25 июля 1918 г. его избрали председателем объединенно-

го ВРК м. Анатолиевка и села Тузлы. В 1919 г. он — комиссар Телегулло-Березанского 403-го полка 3-й стрелковой бригады, 45-й стрелковой дивизии — 138.

Пынтя — один из предводителей буржуазно-националистического контрреволюционного «Сфатул Цэрий» — 41, 42.

Приходченко — в 1919 г. член штаба повстанкома с. Вели-

кая Мечетна, затем начальник пулеметной команды 1-го Тридубского партизанского отряда — 114.

Пташников — командир партизанской группы села Топалы, Рыбницкого района, а затем один из командиров II-й боевой группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919 — 1920 гг. — 147, 148, 149, 154.

Р

Райнов — командир бессарабского отряда 3-й Украинской Армии — 123.

Райтман — рабочий-слесарь г. Кишинева, один из участников борьбы за власть Советов в Молдавии в 1917 г. — 26.

Раковский И. — командир Чернянской группы партизан в составе 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1918—1920 гг. — 147, 154.

Ремпель — партизан рыбницкого отряда — 157.

Решетников Д. П. — начальник штаба 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 145, 146, 147, 149, 151, 152, 153, 154, 170.

Рожков И. — активный участник борьбы против румынских оккупантов в 1918 г., затем комиссар Тираспольского отряда, погиб в конце 1918 г. в боях с белогвардейцами — 7, 27, 65.

Ротаревич — партизан Рыбницкого отряда — 169.

Рошаль — 32.

Рубан (Бантке) С. С. — 22.

Рюрик — бессарабец-партизан, красноармеец 405-го полка, 3-й стрелковой бригады, 45-й стрелковой дивизии, погиб в боях с белополяками в 1920 г. — 194, 195, 196.

Рязанов — марксист, политический ссыльный, один из организаторов Кишиневской типографии «Искры» — 23.

С

Савицкий Л. — бывший шофер помещика Франца, содействовал организации партизанского отряда в Ананьевском уезде в 1918—1919 гг. — 78.

Савуляк И. — красный партизан — 112.

Самборский — один из организаторов 1-го Приднестров-

ского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 20, 147, 148, 149, 150, 154.

Самоходов — один из командиров 3-й боевой группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 148, 152, 154, 170.

Самсонов — денкинский полковник — 177.

Самсонов — помощник командира 403-го полка 3-й стрелковой бригады, 45-й стрелковой дивизии в 1920 г. — 190, 191.

Самулевич — один из командиров III-й боевой группы, 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 148, 154.

Сандулов — Знаменосец Дубоссарского партизанского отряда — 72.

Свердлов Я. М. — в 1917 г. секретарь ЦК РСДРП, затем и Председатель ВЦИК — 25.

Семенов — подполковник-белогвардеец — 70, 71.

Семибратнев А. — рыбак г. Вилково, командир 1-й роты Вилковского фронта, активно боролся против румынских оккупантов в 1918 г., погиб в боях против немецких захватчиков — 50, 57.

Сенкевич В. — 155, 157.

Сенкевич М. — партизан Ержовской группы Рыбницкого отряда в 1919—1920 гг. — 157, 158.

Сикорский — петлюровский комиссар г. Балты в 1918—1919 гг. — 94, 99, 103, 104, 105, 106.

Скачко — начдив — 89.

Скоропадский — бывший царский генерал, крупный помещик, в 1918 г. в апреле месяце немецкими захватчиками был провозглашен гетманом Украины — 9, 12, 13, 91, 121, 188.

Слепой В. — красный партизан — 112.

Слинухин — партизан Рыбницкого отряда — 167.

Смирнов И. (Николай Ласточкин) — руководитель Одесского большевистского подполья в 1918—1919 г. Убит денikinскими палачами после долгих и жестоких пыток в 1919 г. — 10.

Солерс Б. И. — делегат в Учредительное собрание от большевиков румынского фронта — 31.

Сорокатый — партизан Балтского отряда в 1918—1919 гг. — 91, 94, 105.

Сорочан — петлюровский командант г. Балты в 1919—1920 гг. — 104.

Стагурский — командир Воронковской партизанской группы, а затем один из командиров II-й боевой группы 1-го Приднестровского партизанского отряда. В начале 1920 г. в боях против деникинцев был убит — 148, 149, 150, 154, 158.

Старый — см. Борисов.

Стойкин — генерал, командующий денikinских войск Одесского направления в 1920 г. — 20, 153.

Стременовский Н. — красный партизан — 112.

Спаржевский — партизан Рыбницкого отряда в 1919—1920 гг. — 161.

Суворов (Косов) И. Г. — 48, 50.

Сэн-Фу-Ян — китаец, участвовал в боях за Советскую власть в составе Тираспольского отряда в 1918 г. — 62, 63.

Т

Танеев С. — в 1917 г. принимал активное участие в борьбе трудящихся Молдавии за победу Советской власти. В 1918—1920 гг.

активный участник коммунистического подполья Бессарабии. В июле 1919 г. после II-й областной конференции бессарабских

большевиков избран членом Бессарабского обкома. Умер в 1922 г. — 26.

Тарасенко — один из командиров партизанского отряда с. Маяки, Одесской области в 1918–1919 гг. Погиб в годы гражданской войны — 89.

Теплюк Ф. — крестьянин села Березовки, партизан Балтского отряда в 1918–1919 гг. Убит в боях с петлюровцами в 1919 г. — 112.

Терлецкий — красный партизан — 112.

Тиманюк К. А. — 70.

Ткаченко Павел (Антипов Я. Я.) — активный деятель революционного движения в Бессарабии и Румынии. Убит сигуранцей в 1926 г. — 12.

Ульрих М. — командир 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовского, в июле-августе 1920 г., во

Ткаченко — заместитель командира 1-го коммунистического отряда особого назначения при штабе 45-й стрелковой дивизии в 1919 г. — 83.

Ткаченко — командир партизанского отряда в 1919 г. — 89, 90, 115.

Ткаченко — командир регулярных частей Красной Армии в 1919 г. — 112.

Ткачук — красный партизан — 112.

Токарчук — командир взвода 405-го полка, 3-й стрелковой бригады, 45-й советской дивизии в 1920 г. — 194, 195.

Томчанский — партизан Рыбницкого отряда — 157, 160.

Тысячный А. — красный партизан — 112.

У

время контузии Котовского командовал бригадой, погиб в боях за власть Советов в 1920 г. — 184, 186.

Ф

Фармурака Д. — красный партизан — 112.

Федоров Г. — рабочий механического завода г. Голты (ныне Первомайск), оказывавший содействие Т. М. Гуляницкому в организации партизанского отряда в Ананьевском уезде в 1918 г. — 78.

Федоров К. — рабочий механического завода г. Голты, оказывавший содействие Т. М. Гуляницкому в организации партизанского от-

ряда в Ананьевском уезде в 1918 г. — 78.

Фогель — немецкий колонист, трактирщик в м. Дубоссары — 73, 74.

Фратц К. — немецкий помещик с. Счастливка Голованевской волости Ананьевского уезда — 78, 79.

Френкель И. — участник революционного движения в Кишиневе в 1917 г. — 26, 27.

Фридман — партизан Рыбницкого отряда — 157, 166, 168.

Х

Хаджинов — начальник петлюровской варты м. Дубоссары в 1919 г. — 71, 72.

Халиппа — член «Сфатул Цэ-

рий», редактор буржуазно-националистической газеты «Кувынтул Молдовенеск» — 43.

Христов А. — активный участник борьбы за установление Советской власти в Молдавии. В сентябре 1917 г., являясь делегатом Бессарабского губернского съезда Советов, выступал против эсеро-меньшевистских со-

глашателей. Член большевистского Румчерода, принимал непосредственное участие в обороне Кишинева в январе 1918 г. После окончания гражданской войны в 20-х годах умер после тяжелой болезни — 7.

Ц

Целикман З. — участник партизанского движения в Рыбницком районе в 1919—1920 гг. — 169.

Церетели — один из меньшевистских лидеров, член Вре-

менного правительства — 34.

Цирис — генерал главштаба галицийских контрреволюционных войск в 1919—1920 гг. — 152, 153.

Цукалов — 133.

Ч

Чекир Н. — партизан-пулеметчик Дубоссарского отряда — 73.

Черкаш — бывший матрос, участник коммунистического подполья Бессарабии в 1918—1919 гг. — 68.

Черненко — начальник штаба отряда Попова — 74, 88.

Черников П. — один из руководителей Тилигулло-Бережанского партизанского отряда, затем командир 3-й стрелковой бригады 5-й Украинской стрелковой ди-

визии. В 1919 г. командир 3-й стрелковой бригады 45 стрелковой дивизии — 150, 131, 138.

Чернобров — участник коммунистического подполья Бессарабии в 1918—1919 гг. — 68.

Черный Д. — красный партизан — 112.

Черный Е. — красный партизан — 112.

Чернявский А. — красный партизан — 112.

Ш

Шаповалов Е. — 91, 112.

Швец — командир 2-го артиллерийского дивизиона, в 1919 г. начальник артиллерии 2-й стрелковой бригады 45 стрелковой дивизии — 141.

Шевченко — белогвардейский генерал, начальник группы денкинских войск Одесского направления в 1920 г. — 174.

Штейнберг И. — партизан

Рыбницкого отряда — 169.

Штейнберг Н. — участник партизанского движения в Рыбницком районе — 169.

Штемберг — партизан Рыбницкого отряда — 157, 161.

Шуляк — крестьянин с Березовки, партизан Балтского отряда, погиб в боях с петлюровцами в 1919 г. — 112.

Шуляк Н. — красный партизан — 112.

Шуляк М. — красный партизан — 112.

Шуmilенко — бессарабец-партизан, красноармеец 405-го полка, 3-й стрелковой бригады, 45-й стрелковой дивизии. Погиб в годы граж-

данской войны — 194, 195, 196.

Шулык — красный партизан — 112.

Шутак — партизан Дубоссарского отряда в 1918—1919 гг. — 74.

Щ

Щеглов — один из командиров 1-й боевой группы 1-го Приднестровского партизанского отряда в 1919—1920 гг. — 147, 154.

Щербачев — генерал, коман-

дующий Румынским фронтом, ярый противник Советской власти — 55, 70.

Щербинин — деникинский генерал — 176.

Ю

Юденич — белогвардейский генерал, один из руководи-

телей российской контрреволюции в 1919 г. — 84, 144.

Я

Язловицкий — партизан Чернянского отряда в 1919—1920 гг. — 160.

Якир — 58, 80, 124, 136, 139,

140, 168, 175, 178.

Янев — петлюровский атаман, орудовавший в районе Тридубы в 1919 г. — 115.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
<i>Рубан (Бантке) С. С.</i> Бессарабская организация большевиков в период Октября	22
<i>Морозов Д. Г.</i> Октябрь на Румынском фронте	33
<i>Левинзон Ф. Я.</i> Из истории захвата Бессарабии	40
<i>Суворов И. Г.</i> Борьба трудящихся юга Бессарабии против румынских оккупантов	48
<i>Якир И. Э.</i> Воспоминания старого красноармейца	58
<i>Галайда (Понятовский) Г.</i> Первые шаги партийной организации Бессарабии после оккупации	66
<i>Тиманюк К. А.</i> Дубоссарские партизаны	70
<i>Гуляницкий Т. М.</i> 1-й коммунистический...	77
<i>Богун И. З.</i> Приднестровские партизаны	85
<i>Шаповалов Е.</i> Против гетмана, немцев и петлюровцев	91
<i>Дьячишин И. К.</i> О революционных событиях в районе Балтского уезда в 1918—1919 гг.	96
<i>Поздняков Л. Г.</i> Тридубские и балтские партизаны	113
<i>Нежинцев (Красный) А. А.</i> Бессарабские партизаны	118
<i>Анулов Ф. И.</i> Тираспольская операция	124
<i>Озерянский А.</i> Против греческих и румынских захватчиков	129
<i>Колесников И. Н.</i> Плосковские партизаны	132
<i>Котовский Г. И.</i> 45-я непобедимая...	142
<i>Краевский Б.</i> Партизаны 1-го Приднестровского отряда	145
<i>Сенкевич В. М.</i> Борьба рыбацких партизан против денкинщины	155
<i>Ротаревич, Штейнберг Н., Литвак В., Штейнберг И., Берестянский Л., Бурле Ю., Меламуд М., Целикман З.</i> Взятие Рыбницы	169
<i>Криворучко Н. Н.</i> Кавбригада против денкинцев	172
<i>Котовцы</i> против белополяков	178
<i>Бушечкан В. С.</i> Встреча с денкинцами у Николаевки	188
<i>Минин А. Ф.</i> Днестровские партизаны на польском фронте	193
<i>Именной указатель</i>	197

ЗА РЕСПУБЛИКУ СОВЕТОВ

Редактор *В. Гальперин*
 Технический редактор *В. Тельпис*
 Художественный редактор *Б. Гурмин*
 Корректор *А. Шпанир*

Сдано в набор 26.IV-1958 г. Подписано к печати 26.VII-1958 г.
 Формат бумаги 84X108 1/32. Бумажных листов 3,31. Печатных листов 10,87.
 Уч.-изд. листов 10,31. Тираж 2000. АБ13469
 Государственное издательство Министерства культуры Молдавской ССР.
 Кишинев, Могилевская, 35.
 Цена 4 руб. 35 коп. Заказ № 1233.

Бельцкая гостипография

40x35 mm

Запечатанная в 1918 г.